
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ткачиха Алма-Атинского хлопчатобумажного комбината Наталия Пельгулева. В ее ловких руках пряжа с этих бобин вскоре превратится в готовую ткань.

С ЛЮБОВЬЮ И ВЕРНОСТЬЮ

НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ НА КАРТЕ ИНДУСТРИИ

ДВЕ СТРОЧКИ ИЗ СООБЩЕНИЯ ЦСУ СССР ОБ ИТОГАХ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 1969 ГОДУ:

В 1969 ГОДУ ПРОИЗВЕДЕНО

ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ ТКАНЕЙ — 6 210 миллионов квадратных метров. В процентах к 1968 году — 102.

ШЕРСТЯНЫХ ТКАНЕЙ — 617 миллионов квадратных метров. В процентах к 1968 году — 106.

Специальные корреспонденты «Огонька» рассказывают о новом хлопчатобумажном комбинате, выросшем недавно в Алма-Ате. Что представляет собой этот флагман легкой индустрии Казахстана!

100 ТЫСЯЧ ЖЕНЩИН
он сможет одевать за сутки в ближайшее время.

33 696 КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ
на такой площади расположился один лишь ткацкий цех.

112 ПРОЦЕНТОВ
такова средняя выработка рабочих комбината.

24 ГОДА
средний возраст работающих тут. Каждый третий — спортсмен.

32 НАЦИОНАЛЬНОСТИ
представлены в коллективе этого гигантского предприятия.

Валерия ГОРДЕЕВА,
Михаил САВИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Моя алма-атинская командировка заканчивалась в одном из высотных зданий Москвы, на проспекте Калинина. Тут, в Министерстве легкой промышленности СССР, я вдруг вновь услышала ставшее за последнее время привычным специфическое для текстильщиков произношение: пря́дильщица, мо́тальщица, чёсальщица... Сижу среди крупнейших в этой области специалистов, и мы обмениваемся мнениями о новом комбинате, на котором я недавно побывала и с которого только что вернулся заместитель начальника Главного управления хлопчатобумажной промышленности Сергей Александрович Садовов, в чьем кабинете мы расположились.

А мне все видится тот далекий город, поразивший меня широтой своих проспектов, обилием деревьев, фантастической красотой Заилийского Алатау... И комбинат. В Алма-Ате его с гордостью именуют флагманом легкой индустрии Казахстана. На то есть все основания. Если театр начинается с вешалки, то любая фабрика, любой завод начинаются с проходной, с внушительного забора. Это знают все.

А тут не было ничего похожего. Наш «Москвич» затормозил у подъезда с модным козырьком, и заместитель директора комбината Нугманов, которому было поручено меня опекать, любезно распахнул дверцу: «Прибыли». Я с удивлением оглядывалась, а Хайржан Газизович, видя это, улыбался.

— Да, у нас нет забора, но зато есть розарий на пять тысяч кустов! Летом в рабочей столовой на столах вот такие розы! — Он показал, какие, и я поняла, что

Продолжение см. на стр. 13.

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (2222)

31 ЯНВАРЯ 1970

А здесь, в печатном цехе, ткань украсится или популярным горошком, или модными во всем мире «турецкими огурцами»...

ПЯТИЛЕТКИ ТВЕРДЫЙ ШАГ

И опять на страницах газет колонки цифр — страна подвела итоги минувшего года: опубликовано сообщение ЦСУ СССР «Об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1969 году».

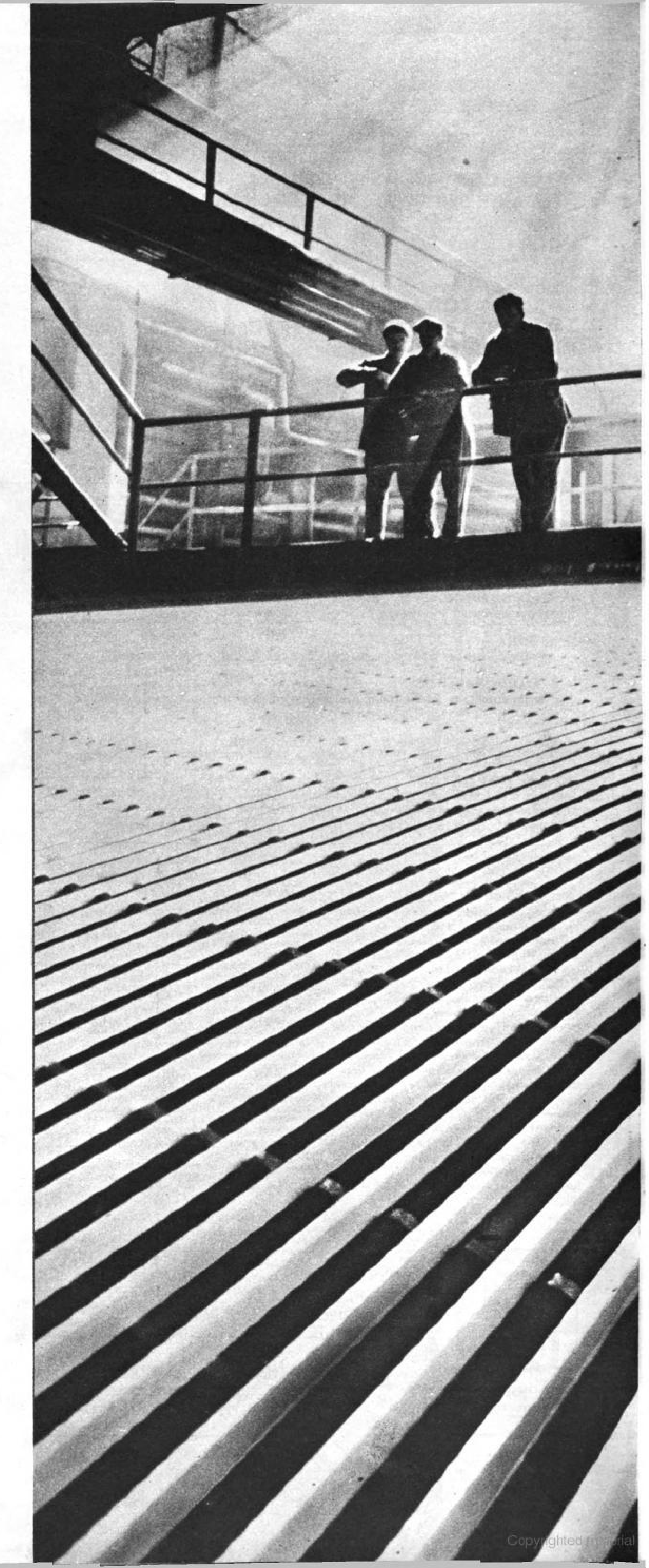
В последний год пятилетки страна вступила еще более окрепшей. За четыре года пятилетки успешно выполнялись Директивы XXIII съезда КПСС по росту основных показателей — национальному доходу, объему промышленного производства, грузообороту транспорта, розничному товарообороту, реальным доходам населения, средней заработной плате рабочих и служащих, оплате труда колхозников. При этом задания по росту средней заработной платы рабочих и служащих и оплате труда колхозников, предусмотренные Директивами на 1970 год, достигнуты уже в истекшем году.

В промышленности прирост продукции за 1969 год составил семь процентов. По сравнению с предшествующим годом произведено больше: электроэнергии—на 50 миллиардов киловатт-часов, нефти—на 19 миллионов тонн, газа — на 12 миллиардов кубических метров, угля — на 14 миллионов тонн... Валовая продукция сельского хозяйства, несмотря на сложные погодные условия, была не ниже среднегодового производства последних четырех лет.

Выросло за истекший год и материальное благосостояние, поднялся культурный уровень советского народа. В сообщении ЦСУ говорится о многих радостных событиях в жизни советских людей. Вот хотя бы одно: около 11 миллионов человек улучшили в 1969 году жилищные условия.

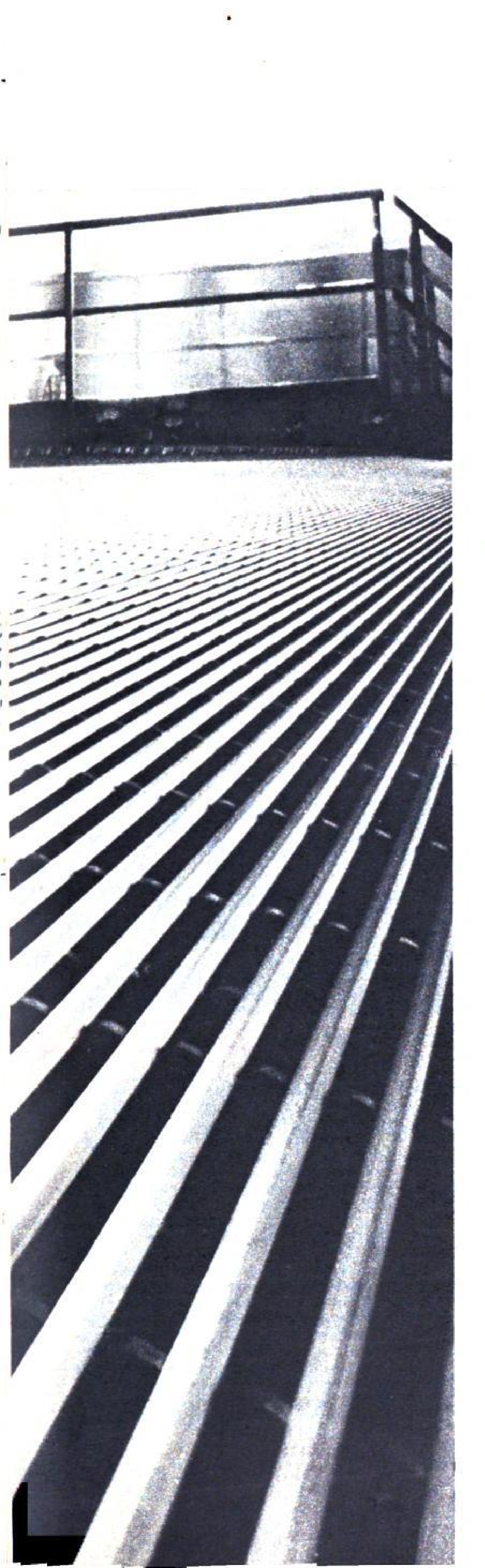
К сожалению, не все цифры в колонке процентов выполнения плана прошлого года больше 100 — некоторые министерства не выполнили в прошлом году Государственный план. Результаты минувшего года свидетельствуют также о крупных резервах нашей экономики, о серьезных упущениях в ряде звеньев хозяйственного строительства.

Пятилетка вышла на финишную прямую. Встречая столетний юбилей В. И. Ленина, советские люди говорят: пятилетку выполним успешно, каждый день ленинской вахты — день ударного труда!

В сообщении ЦСУ сказано о нескольких крупных объектах, вошедших в строй в минувшем году на Западно-Сибирском металлургическом заводе. Этот снимок сделан в прокатном цехе. О Запсибе, форпосте черной металлургии на востоке страны, специальные корреспонденты «Огонька» подробно расскажут в одном из ближайших номеров.

Фото Г. Копосова.

ЕВРОПЕ — БЕЗОПАСНОСТЬ

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

Обеспечение безопасности в Европе давно стало мировой проблемой. События, здесь происходящие, всегда имели глобальный резонанс. Многие противоречия европейской политической жизни таят в себе страшный взрывной потенциал, хотя обстановка на этом континенте внешне может выглядеть значительно спокойнее, чем в других районах земли.

Действительно, в европейской демографии не чувствуется дыхания миллиардных масс, Европу не лихорадят колониальные войны, ее статус-кво не испытывает динамики образования новых государств.

Европейские проблемы иного плана. Здесь противостоят друг другу крупнейшие военные группировки. Здесь накоплено столько взрывного материала, что его с лихвой хватило бы и на другие континенты. И если, как говорят, даже незаряженное ружье может иногда стрелять, коли на него не обращать должного внимания, то можно ли не проявлять беспокойства по поводу восьми тысяч американских ядерных боеголовок, размещенных на европейской земле? Можно ли закрывать глаза на продолжающиеся два десятилетия оголтелые притязания западногерманского империализма на права суверенного государства немецких трудящихся — ГДР? Можно ли мириться с тем, что не прекращаются попытки добиться пересмотра европейских границ, сложившихся после второй мировой войны? Можно ли согласиться с тем, что под предлогом стратегических интересов Запада заморожены экономические, хозяйственные связи между двумя частями Европы, те связи, которые за века цивилизации сделались органическими?

Обеспечение европейской безопасности, то есть создание системы международных отношений, исключающей военные конфликты, входит в круг интересов всех народов. Причина тому проста — столкновение, возникшее на европейской почве, неизбежно затронет весь мир. Обе мировые войны служат убедительным и тяжелым подтверждением этой истины. Если кто-то на Дальнем Востоке или в Северной Америке делает вид, будто не может понять, почему столь много усилий прилагают люди ради обеспечения безопасности в Европе, то объясняется это отнюдь не географической разобщенностью. Такой подход есть не что иное, как проявление политического эгоизма правящих групп и узости их националистических взглядов, когда весь мир, его прошлое и будущее, сосредоточивается в квадрате палисадника перед дворцом правителя. От упрочения мира в Европе выиграют все народы — американцы, китайцы, индийцы, арабы, каждая страна, если она стремится к созиданию и спокойному творческому труду.

Конечно, главная забота о безопасности в Европе ложится на плечи самих европейцев. Для большинства из них эта задача не требует многих разъяснений. Ведь не кому иному, как европейцам, пришлось расплачиваться дорогой ценой за то, что в 30-е годы из-за позиции творцов мюнхенской политики не удалось оградить мир от коричневой чумы.

Каждый десятый европеец погиб в огне войны. Это — слишком много, чтобы позволить себе забыть горе военных лет. Об этом горе помнят все, кто был участником или свидетелем войны. О нем знает новое поколение, выросшее за истекающую четверть века. Страшная память о 1939—1945 годах будет веками передаваться от поколения к поколению людей.

Кто же может обеспечить безопасность в Европе? За дело европейской безопасности должны взяться народы Европы. Европейская безопасность может быть создана лишь совместными усилиями по многим политическим направлениям. К ней должно быть приковано внимание общественности. Но это еще не все. Решение задачи требует повернуть все правительства к целенаправленному сотрудничеству в интересах мира.

Коммунисты Европы и вместе с ними представители компартий других континентов предложили пути, ведущие к европейской безопасности. Социалистические страны — участницы Варшавского Договора выработали широкую программу конкретных действий европейских государств. Центральным пунктом ее на сегодня стали подготовка и проведение Общеевропейского совещания. Растет число стран, поддерживающих эту идею. Одна из них — Финляндия — предложила свои услуги по организации у себя возможного совещания.

Однако перспектива мира в Европе устраивает далеко не всех. Не вызывает сомнений, что препятствия, которые чинят в этом деле США и некоторые их европейские партнеры по НАТО, существенно осложняют продвижение к совещанию.

Проблемы коллективной безопасности и мира на европейском континенте находились в центре внимания встречи представителей 28 коммунистических и рабочих партий стран Европы, проходившей в середине января в Москве. Коммунисты, международное рабочее движение, прогрессивные демократические организации — это ныне великая сила. Она опирается на авторитет и могущество мировой социалистической системы, составной части мирового коммунизма. Возможности воздействия этих потоков на общественность огромны. Они, безусловно, проложат дорогу к европейской безопасности, ибо за ними миллионы.

Идея европейской безопасности, выраженная в предложениях стран Варшавского Договора, обрела зримость. Усилиями честных миролюбивых сил Европы она будет превращена в реальность.

Юные граждане республики будут твердо следовать заветам товарища Хо Ши Мина, создателя Партии трудящихся Вьетнама — признанного вождя вьетнамского народа в его борьбе за освобождение и социализм.

Фото из журнала «Вьетнам».

3 ФЕВРАЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 40 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ ВЬЕТНАМА

ЮБИЛЕЙ БРАТСКОЙ ПАРТИИ

3 февраля 1930 года в Гонконге на съезде коммунистических групп Вьетнама была создана Коммунистическая партия Индокитая.

«Рабочие, крестьяне, солдаты, молодежь, студенты! Угнетенные и эксплуатируемые соотечественники! Коммунистическая партия Индокитая создана! Это партия рабочего класса. Под ее руководством пролетариат вступает в борьбу за интересы всего угнетаемого и эксплуатируемого народа»,— говорилось в манифесте, опубликованном 18 февраля 1930 года. Этот документ, в котором излагались тезисы программы партии, был написан товарищем Нгуен Ай Куоком — под таким именем в двадцатых—тридцатых годах участвовал в революционном движении товарищ Хо Ши Мин.

МНОЖАТСЯ РЯДЫ БОРЦОВ

НА III СОВЕТСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СОЛИДАРНОСТИ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

Большим событием в жизни советской общественности явилась проходившая в Москве III Советская конференция солидарности народов Азии и Африки. Более шестисот ученых и общественных деятелей, представителей заводов и фабрик, колхозов и совхозов Московской и Ленинградской областей, РСФСР, Закавказских республик, Казахстана и Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока собрались в Доме союзов, чтобы обсудить участие советских людей в движении афро-азиатской солидарности и наметить дальнейшие задачи Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

На конференции присутствовали более тридцати иностранных гостей: общественные и политические деятели, дипломаты ряда афро-азиатских стран. Среди них Генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки Юсеф эс-Сибаи, член исполкома Африканского национального конгресса Мзивандиле Пилисо, сотрудник Исполнительного секретариата «Триконтиненталь» Кубы Эдуардо Дельгадо Бермудес, секретарь Вьетнамского комитета солидарности народов Азии и Африки Ле Зуй Ван, представитель Индийского комитета солидарности Б. Рей, председатель Венгерского комитета солидарности Шандор Хармати, Генеральный секретарь Институтов культурных связей с зарубежными странами Румынии Ион Битар, Чрезвычайный и Полномочный Посол Марокко Абдельхади Сбихи, Чрезвычайный и Полномочный Посол Хашимитского королевства Иордании Хасан Анис Ибрагим и другие.

Сделал доклад председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Мирзо Турсун-заде.

Более пяти лет прошло с того времени, как состоялась II Советская конференция солидарности. За эти годы народы Азии и Африки добились новых успехов в освободительной борьбе против империализма и колониализма.

«Нынешняя конференция проходит в знаменательные дни,— сказал в своей речи Мирзо Турсун-заде,— когда прогрессивное человечество готовится отметить 100-летний юбилей со дня рождения основателя Коммунистической партии Советского Союза, руководителя величайшей социалистической революции, основателя первого в мире социалистического государства, вождя международного рабочего класса и всех трудящихся В. И. Ленина».

Он подчеркнул, что ленинизм оказал и продолжает оказывать глубокое влияние на освободительную борьбу народов Азии и Африки.

Докладчик выделил в качестве важнейшего фактора, который способствовал достижению успехов в национально-освободительном движении, укрепление единства и солидарности всех прогрессивных сил современности.

Продолжая эту мысль, председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов в своем выступлении отметил, что национально-освободительное движение является одним из серьезных факторов упрочения мира и безопасности народов, ибо ослабляет силы, стремящиеся к войне, умножает и укрепляет силы мира.

Е. ИВИН

На снимке: Конференция солидарности стран Азии и Африки. На трибуне Мирзо Турсун-заде.

Фото автора.

СЛАВНЫЙ СЫН МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА

8 февраля 1895 года в аймаке Цецен-хана, на реке Керулен, в семье бедной аратки Хорло родился мальчик Х. Чойбалсан. Детство его было тяжелым и безрадостным. Не имея возможности прокормить семью, мать решила отдать Чойбалсана в монастырь. Но мальчик не смог вынести жестокости и тяжести монастырской жизни и через два года сбежал. В 1912 году он добрался до Урги, где после долгих мытарств попал в школу при министерстве иностранных дел. Обладая прекрасной памятью и способностями, Чойбалсан был в числе лучших учеников, и в 1914 году его послали в Иркутск для продолжения образования. Здесь он изучил русский язык, приобщился к культуре русского народа. Революционная борьба в России, свержение самодержавия оказали большое влияние на сознание молодого Чойбалсана. Он ясно понял сущность классового общества и необходимость революционной борьбы за освобождение эксплуатируемых народов. Вернувшись на родину, он решительно встал в ряды борцов за независимость.

Осенью 1919 года произошла его первая встреча с Сухэ-Батором, она положила начало большой дружбе и сотрудничеству. Вместе с Сухэ-Батором Х. Чойбалсан был одним из основателей Монгольской народно-революционной партии (МНРП), которая привела монгольский народ к исторической победе в антиимпериалистической антифеодальной революции 1921 года. Создание МНРП, ее идейное и организационное сплочение неразрывно связаны с победой Великой Октябрьской социалистической революции.

Четыре десятилетия истории Партии трудящихся Вьетнама (так стала называться с 1951 года преемница Коммунистической партии Индокитая) — это годы героической борьбы и побед.

Партия возглавила борьбу вьетнамского народа против двойного колониального гнета — франко-японского.

Сплотив все патриотические и демократические элементы, укрепив союз рабочего класса с крестьянством, партия стала руководящей силой общества. Именно благодаря этому национально-освободительная борьба вьетнамского народа увенчалась победой Августовской революции в 1945 году и образованием Демократической Республики Вьетнам.

Революция победила. Надо было отстоять ее завоевания. Народная власть, партия сделали это.

Мирный труд ДРВ нарушили французские колонизаторы. Весь народ поднялся на войну Сопротивления, которую возглавила партия. Отборные воинские части Франции потерпели поражение на вьетнамской земле. Подтвердились слова Хо Ши Мина: «Никакая армия и никакое оружие не в состоянии сломить волю народа».

Новое подтверждение этих слов дала мужественная борьба Вьетнама против американских агрессоров. Сплотившись вокруг партии, вьетнамский народ наносит сокрушительные удары по захватчикам. То, что империалисты терпят поражение за поражением во Вьетнаме, говорит о правильности политики Партии трудящихся Вьетнама, которая вот уже сорок лет возглавляет борьбу своего народа за свободу, за социализм.

Х. Чойбалсан был страстным поборником дружбы с народами Советского Союза и вел борьбу за воспитание в монгольском народе подлинного братского чувства к советскому народу.

Став на путь некапиталистического развития, Монголия добилась выдающихся успехов в развитии национальной экономики и культуры. В этом ей большую помощь оказало и продолжает оказывать сотрудничество с братским советским народом.

Марксистско-ленинские идеи, за которые боролся верный сын монгольского народа Х. Чойбалсан, успешно претворяются в жизнь под руководством МНРП и верного ученика Х. Чойбалсана — Первого секретаря ЦК МНРП Ю. Цеденбала.

Советские люди в день 75-летия выдающегося сына монгольского народа желают братской стране новых успехов на пути социалистического созидания.

УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ ПРАЗДНУЕТ СВОЙ ЮБИЛЕЙ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ — ЭТО МНОГО ИЛИ МАЛО?

Профессор С. В. РУМЯНЦЕВ, ректор Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, беседует с нашим корреспондентом Кимом Бакши. В разговоре принимает участие электронный помощник.

Сначала несколько слов об электронном помощнике. Его ответы щедро, широко напечатаны на бумажной ленте. Сотни данных и цифр — оценки успеваемости, проценты. Курсы, факультеты. Таблицы, таблицы... Длинный столбец — перечень стран, откуда приехали учиться студенты в Университет дружбы народов. Есть ли смысл перечислять все восемьдесят четыре государства?

РУМЯНЦЕВ. Можно совершить кругосветное путешествие, не выходя из стен университета. Четыре тысячи студентов, которые учатся у нас в этом году,— это четыре тысячи увлекательных историй, это бесконечная череда характеров. Многое можно понять в нашем быстро меняющемся мире, если побеседовать со студентами университета, вдуматься в этот длинный перечень стран, который дал вам наш электронный помощник, представить себе карту земли 1970 года.

При всем многообразии условий стран, для которых мы готовим специалистов, есть одна главная особенность: это страны освободившиеся, развивающиеся, нуждающиеся в высококвалифицированных национальных кадрах. Мы рады предоставить молодежи этих стран, особенно из малообеспеченных семей, более широкую возможность учиться в Советском Союзе, получать высшее образование. С этой целью десять лет назад, в феврале 1960 года, решением правительства СССР был учрежден Университет дружбы народов. Это решение основывалось на пожеланиях прогрессивных общественных и правительственных кругов многих стран, а также на предложениях ряда советских общественных организаций. Учредителями университета были Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов.

Мы снова обращаемся с вопросом к электронному помощнику. Так зовут в университете кибернетическую машину «Минск-22». Она трудится день и ночь: не только помогает учиться, но и следит за самим процессом учебы, ведет учет успеваемости, анализирует ее. Может в случае необходимости в короткое время дать сведения по каждому курсу каждого факультета, сказать, как идут дела у студентов каждой из восьмидесяти четырех стран.

Мы рассматриваем результаты экзаменационной сессии физико-математического, сельскохозяйственного, историко-филологического, факультета экономики и права. Невольно обращаем внимание, что больше всего студентов на медицинском и инженерном факультетах. Видимо, это не случайно?

РУМЯНЦЕВ. Это отражает особенность нашего университета, его направленность. Потребность во врачах, по-моему, самоочевидна. Что же касается инженерного факультета, то ведь он готовит геологов — разведчиков недр и специалистов по разработке полезных ископаемых, будущих конструкторов станков и машин, строителей гидростанций, проектировщиков промышленных и гражданских сооружений. Велико значение этих специалистов для развивающейся экономики.

Выпускник Университета дружбы Маунг Тин Тун из Бирмы спроектировал телевизионную башню для Рангуна, а Мария Мерседес Браво Камачо — ангар-мастерскую для большого международного аэропорта в столице Боливии Ла-Пасе. Очень интересна работа выпускников 1969 года из Цейлона. Они спроектировали новый центр столицы своей страны — Коломбо. Проект сочетает традиционно сложившийся облик города с требованиями современной архитектуры и строительства, учитывает нужды быстрорастущей столицы. Центром архитектурного решения стала группа высотных зданий и огромная эстакада, которая поможет решить транспортную проблему Коломбо. Этот проект разрабатывался в тесном контакте с муниципалитетом столицы Цейлона.

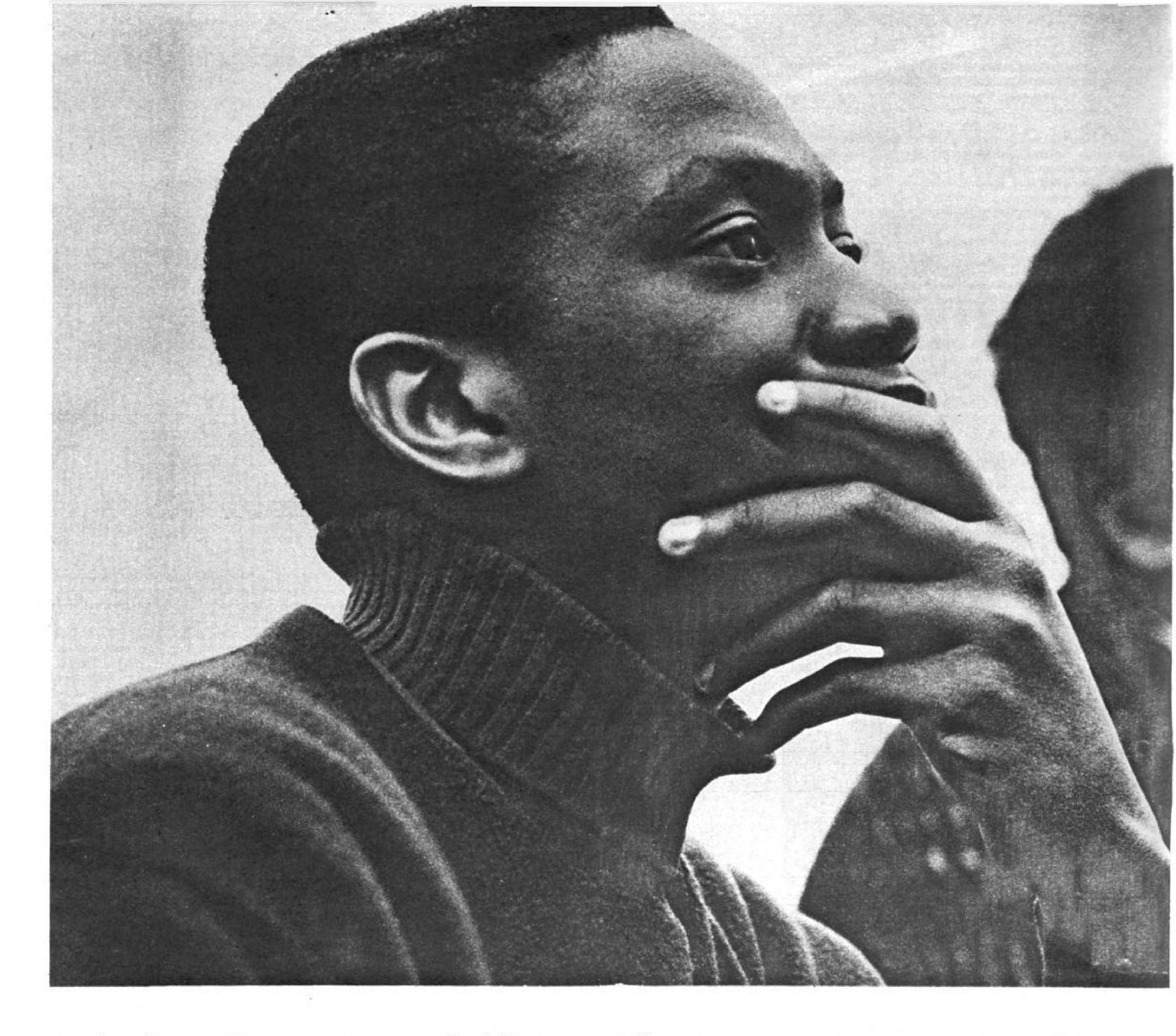
В Университете дружбы народов рядом с учебными классами, по соседству с аудиториями — там, где студенты осваивают азбуку науки, расположены лаборатории, где ученые ведут поиск на переднем крае современного знания, на той его грани, за которой начинается неизвестное, непознанное.

Лаборатории физики плазмы, волновых процессов, квантовой радиофизики — здесь делают большую науку: ищут новые применения лазеров, решают проблемы управляемой термоядерной реакции и т. д. Как-то даже не ожидаешь увидеть в учебном институте такие сложные, новаторски смонтированные исследовательские приборы. Не ожидаешь и потом досадуешь на себя: высокий уровень научной работы — это ведь необходимое условие нормального развивающегося университета.

РУМЯНЦЕВ. Да, соседство лабораторий учебных и чисто научных не просто территориальное. Оно отражает сближение науки и обучения, которое мы считаем генеральным вопросом. Часто можно видеть в лабораториях студентов начальных курсов. Так зарождаются серьезные исследовательские интересы. Студенты старших курсов приходят сюда для полноправного участия в научной работе. Став аспирантами, они завершают большие исследования. В лаборатории физики плазмы под руководством К. С. Голованивского сейчас работает аспирант из Колумбии Хайме Кастро Бланко, его тема связана с анизотропной плазмой. Бланко — выпускник университета, на родине работал преподавателем физики и вот снова приехал к нам в университет.

За десять лет Университет дружбы народов подготовил в аспирантуре 170 кандидатов наук. Значительная часть работ ученых издается редакционно-издательским отделом. Ежегодно выходит несколько томов Трудов университета.

Научно-исследовательская работа на кафедрах тесно связана с насущными проблемами

стран Азии, Африки и Латинской Америки. Ученые-геологи исследуют теоретические и практические проблемы, связанные с поиском полезных ископаемых в Африке и на Индостанском полуострове, биологи и агрономы — вопросы тропического лесоводства, земледелия и животноводства. В области гуманитарных наук ведется изучение социально-экономических проблем освободившихся стран, их экономики. Юристы исследуют формирование национальной государственности и права в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Медики Университета дружбы народов работают над вопросами тропической медицины.

Физико-химики университета под руководством профессора В. М. Грязнова провели большие исследования, связанные с проблемой катализа.

Работы ученых университета имеют большой выход в практику. Мы заключаем хозяйственные договоры с промышленными и научными организациями на проведение исследований, на внедрение в производство научных результатов. Такие договоры заключены с Уральским заводом тяжелого машиностроения, Институтом водных проблем Туркменской ССР, «Главгеологией» Узбекской ССР, Акустическим институтом Академии наук СССР и многими другими организациями.

— Сергей Васильевич, пожалуйста, несколько слов о международных связях Университета дружбы народов.

РУМЯНЦЕВ. Ну, прежде всего наш университет—член Международной ассоциации университетов. Мы поддерживаем активные связи со многими зарубежными учебными заведениями и исследовательскими центрами. Среди них — Государственный университет в Боготе (Колумбия), Центральный университет Лас Вильяс (Куба), Кхарагпурский технологический институт (Индия), Хартумский университет (Судан), Ибаданский университет (Нигерия). Профессора и преподаватели нашего университета выезжают за рубеж для чтения лекций и обмена опытом, а в ряде случаев длительные сроки работают в высших учебных заведениях стран Азии, Африки и Латинской Америки, помогают готовить на месте национальные кадры.

Наш университет поддерживает связи с ЮНЕСКО, которая проводит семинары и совещания с участием Университета дружбы народов, использует ученых в качестве экспертов в различных областях образования. Наши медики регулярно принимают участие в работе Всемирной организации здравоохранения.

Университет дружбы народов — признанный мировой методический центр обучения русскому языку иностранцев. Ежегодно у нас проводятся международные семинары. Как раз сейчас по просьбе ООН организованы четырехмесячные курсы для повышения квалификации инженеров-машиностроителей из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Электронный помощник многое знает о студентах, которые учились в Университете дружбы народов. Но нас интересуют лишь итоговые сведения. Вот они: за десять лет с учетом предстоящего юбилейного выпуска будет подготовлено 2 914 молодых специалистов.

Я помню Кремлевский Дворец съездов, летний вечер 1965 года, радостное, приподнятое настроение, ожидание большого события. В зале возникали песни, пестрели, как весенний луг, разноцветные национальные одежды. Это был торжественный акт выпуска первых 228 молодых специалистов. Первый выпуск совпал с пятилетием Университета дружбы народов. Каковы же итоги за десять лет? Они, эти итоги, конечно, не исчерпываются числом выпускников, работающих у себя на родине, хотя это число и велико.

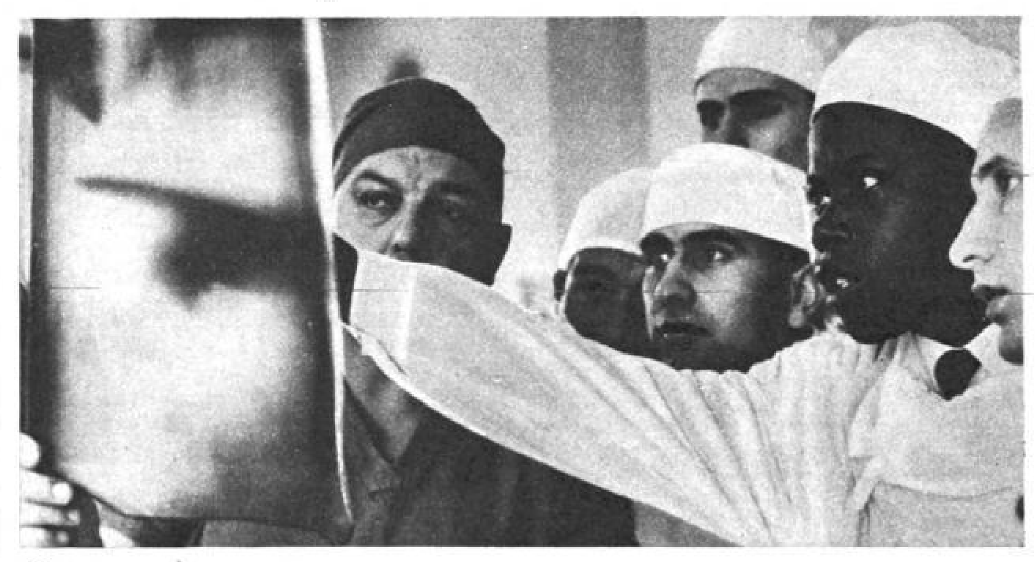
Мне запомнился на трибуне Кремлевского Дворца съездов один из первых выпускников университета, красивый нигериец Шегун Одунуга. На хорошем русском языке он произносил тогда слова благодарности университету и советскому народу за предоставленную ему и его товарищам возможность получить высшее образование. Как сложилась в дальнейшем судьба Шегуна Одунуги?

РУМЯНЦЕВ. В тот памятный вечер в Кремлевском Дворце съездов к Шегуну Одунуге подошел А. Н. Косыгин. Он спросил его о планах

Им строить новую жизнь. Студенты первого курса инженерного факультета Университета дружбы народов Дамбеле Махамаду (Берег Слоновой Кости) и Али Мохсин Баракат (Оман).

Встреча с большим ученым. Габриэль Эстебан Герерро (Аргентина) и Хайме Кастро Бланко (Колумбия) у лауреата Ленинской и Нобелевской премий академика Н. Г. Басова.

Профессор В. В. Виноградов с будущими медиками Патрисио Альваресом (Чили), Чарльзом Полем Огада (Кения) и Н. Ф. Павловым (СССР).

У макета нового центра Коломбо. Его спроектировали выпускники 1969 года из Цейлона. Арумугам Нагулесваран, Данапала Сесатпура Деваге, Гемуну Пирис и Лакшман Джаявира также хотят стать специалистами, полезными своему народу.

Фото Е. Умнова.

на будущее. Шегун ответил, что многие министерства и ведомства на родине зовут его на работу. «А я думал, вы, филолог, будете работать по специальности — преподавать русский язык»,— сказал тогда Алексей Николаевич Косыгин.

Шегун Одунуга часто вспоминает об этом разговоре. Он пообещал тогда главе Советского правительства, что будет преподавать русский язык, и Шегун сдержал свое слово. Он организовал отделение русского языка в Ибаданском университете. Прошли годы, и Шегун прислал заявление к нам в аспирантуру. Недавно Шегун Одунуга блестяще защитил диссертацию, и теперь он снова преподает русский язык у себя на родине, в Нигерии.

— Если я правильно вас понял, университет интересуется работой своих выпускников...

РУМЯНЦЕВ. Это естественно. Мы считаем, что в наших выпускниках — итог нашей работы, оценка качества нашего труда. В какой-то мере престиж нашего университета.

Я хочу привести лишь один пример — Колумбию. Для выпускников нашего университета там не создано каких-то особо благоприятных условий. Но все же давайте посмотрим, кем стали они в Колумбии.

Наши выпускники работают на шахтах, в национальной нефтяной компании, на металлообрабатывающем заводе, в больницах и, наконец, в университетах страны, которые в Колумбии, как и вообще в Латинской Америке, играют большую общественную роль. Альфредо Санчес Варгас — декан факультета физико-математических наук университета «Лос Андес», Герман Орамас — декан инженерного факультета университета в провинции Каука, Игнасио Парра заведует кафедрой механики в столичном университете «Инка», Лилия Рамирес и Анди Абриль — врачи, известные всей Боготе.

Пример Колумбии типичен. Молодые ученые, выпускники Университета дружбы народов, часто работают в научно-исследовательских и правительственных учреждениях своих стран. Канте Кабине заведует кафедрой математики в Конакрийском политехническом институте, Голламуди Венката Кришна Редди ведет кафедру математики в Институте технологии в городе Койбатор (Индия), Мохаммед Зейн Шаддад руководит кафедрой геологии в Хартумском университете. Как видите, мы готовим специалистов высокой квалификации. В то же время воспитываем людей с широким кругозором, готовых беззаветно служить своим народам, содействовать их экономическому, научно-техническому и социальному развитию.

— Десять лет — это много или мало? Для человека это отроческий возраст, а для университета?

РУМЯНЦЕВ. Это, конечно, не возраст для Парижского университета, которому восемьсот двадцать лет, или для Московского, которому больше двухсот. Нам всего десять. И мы с огромным уважением относимся к старшим коллегам. Но для нас десять лет — немалый срок. Университет дружбы народов оборудован на уровне мировой науки, в нем создана своя школа преподавания, складываются традиции, и среди них — главная, важнейшая — интернационализм, по закону которого живет и трудится университет.

Возникновение и деятельность нашего университета — одно из проявлений ленинской политики интернационализма, равенства народов, мира и дружбы между ними.

Через несколько дней в Москве состоится празднование десятилетия Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Съедутся многие гости из-за рубежа — видные общественные деятели, ученые, наши выпускники. Празднование — своеобразный итог и вместе с тем пролог нового пути. Вы спрашиваете, много или мало десять лет? Мало по возрасту, но много по результатам труда всего нашего коллектива.

РАССКАЗЫВАЕМ ОБ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Первый секретарь
Нахичеванского обкома
КП Азербайджана
Г. Х. ИБРАГИМОВ

28 июля 1920 года — дата, которую знает каждый житель Нахичевани. Именно в этот день трудящиеся края с помощью Красной Армии установили Советскую власть. А 9 февраля 1924 года Нахичевань получила автономию. Ныне, в канун всенародного праздника — столетия со дня рождения великого вождя революции,— успехи нашей маленькой республики, достигнутые за годы Советской власти, как-то особенно зримы, убедительны.

Нахичевань была одним из самых глухих и отсталых уголков Российской империи. О плачевном состоянии благоустройства в Нахичевани — самом большом городе края — с горьким юмором писал в своем журнале «Молла Насреддин» наш знаменитый соотечественник Мирза Джалил Мамедкулизаде. Он опубликовал карикатуру, которая, по сути, вовсе не была преувеличением: градоначальник верхом на верблюде тонет в уличной грязи.

А сейчас у Нахичевани все приметы современного благоустроенного города: башня телецентра, аэропорт, неоновые огни на улицах и в скверах, многоэтажные жилые дома. И статистика у нас обычная для советского города: каждый четвертый житель учится, более половины молодых граждан имеют высшее или среднее образование.

В республике созданы оснащенная по последнему слову техники горнодобывающая промышленность, предприятия легкой и пищевой индустрии. Продукция Гюмушлинского и Парагачайского рудников, наших фабрик и заводов идет во все концы Советского Союза. А хлопковое волокно, производимое на Ильичевском заводе, мы поставляем в социалистические страны.

За годы Советской власти в Нахичевани выросла своя интеллигенция — инженеры, врачи, писатели, ученые. Некоторые из них, например, крупнейший ученый-химик Юсиф Мамедалиев, доктор философских наук Мехбали Касумов, доктор филологических наук профессор Али Султанли, сыграли большую роль в развитии отечественной науки.

Многие наши земляки ныне работают в научных учреждениях и вузах разных городов страны. Но связи с родной республикой не порывают. Профессор МГУ имени Ломоносова Азиз Шариф, филолог Мамед Джафар Джафаров, физик, действительный член Академии наук Азербайджанской ССР Гасан Абдуллаев и другие уроженцы Нахичевани плодотворно трудятся на ниве науки и ведут большую преподавательскую работу — воспитывают молодых исследователей.

Достижения нашей автономной республики лишний раз подтверждают, сколь правильна ленинская национальная политика, которую неукоснительно проводит Коммунистическая партия. Трудящимся Нахичевани всегда оказывали и продолжают оказывать большую помощь все народы Советского Союза, в особенности великий русский народ.

Наши братские чувства к русскому народу имеют глубокие и прочные корни. Одна из улиц Нахичевани носит имя великого русского поэта Пушкина. Так назвали улицу еще в 1899 году, когда общественность Нахичевани отмечала столетие со дня рождения основателя новой русской литературы. Уже в то время наши передовые люди приобщались к несметным сокровищам русской культуры.

Трудящиеся Нахичевани высоко ценят самоотверженно работающих в республике русских товарищей: врача Александру Ивановну Кулакову — депутата Верховного Совета Нахичеванской АССР, отличного электросварщика Аркадия Тараканова и других специалистов. В нашем городе жила врач Валентина Филипповна Гнедкова — отличный специалист, человек широкой, доброй души. Однажды, спеша по вызову, чтобы оказать срочную помощь больному, она попала в автомобильную катастрофу и погибла. В последний путь ее провожал весь город. Многие горевали так, будто потеряли самого близкого человека.

Вскоре в Нахичевани был построен большой, отлично оборудованный роддом, и тут в обком и в горисполком стали приходить делегации трудящихся. Они просили присвоить новому медицинскому учреждению имя врача Гнедковой. Просьба эта, конечно, была удовлетворена...

Как зеницу ока берегут трудящиеся Нахичеванской АССР дружбу народов. Все больше и больше крепнут их хозяйственные и культурные связи с трудящимися соседних районов братской Армении. А наше социалистическое соревнование с жителями Нагорного Карабаха уже стало традиционным.

ВЕЛИКАЯ СИЛА

Как-то летом я ездил в Ильичевский район. Под вечер, возвращаясь домой, завернул в колхоз имени Мехти Гусейнзаде. Рабочий день у колхозников уже закончился, все разошлись по домам, но на хлопковом поле я вдруг увидел звеньевую Бахар Талыбову.

— Ты что здесь делаешь, почему не отдыхаешь?

— Да вот смотрю на наш хлопок. До чего же он красив, и уходить не хочется. А потом,— пошутила Бахар,— мне кажется,— когда я смотрю на хлопок, он лучше растет, скорее созревает.

Бахар Талыбова — знатный человек: Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК Компартии Азербайджана. Таких замечательных женщин у нас немало, например, Герой Социалистического Труда колхозница Разия Рустамова, замечательный педагог Роза Торосян...

Некогда приниженные и бесправные, женщины Нахичевани стали теперь великой силой. Они не только активно участвуют в общественной жизни. Кто бы мог подумать в дореволюционной Нахичевани, что здешние женщины станут государственными деятелями! А ныне... Доярка Марьяма Акопджанян — депутат Верховного Совета Нахичеванской АССР. Учительница математики Фарида Алиева — заместитель председателя Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. И уже седьмой год руководит Президиумом Верховного Совета нашей автономной республики бывшая учительница Сакина Алиева.

Женщины Нахичевани весьма энергичны. Они умеют настоять на своем. Запомнилась мне история постройки нового родильного дома. К тому времени благодаря заботам Коммунистической партии и Советской власти здравоохранение в автономной республике уже достигло немалых успехов. Резко снизились заболевания и смертность среди населения. Исчезли такие болезни, как оспа, сыпной тиф, трахома, малярия. В городах и селах были построены больницы и поликлиники. А вот современного родильного дома в Нахичевани еще не было. Строить его, конечно, следовало, только вопрос: когда?

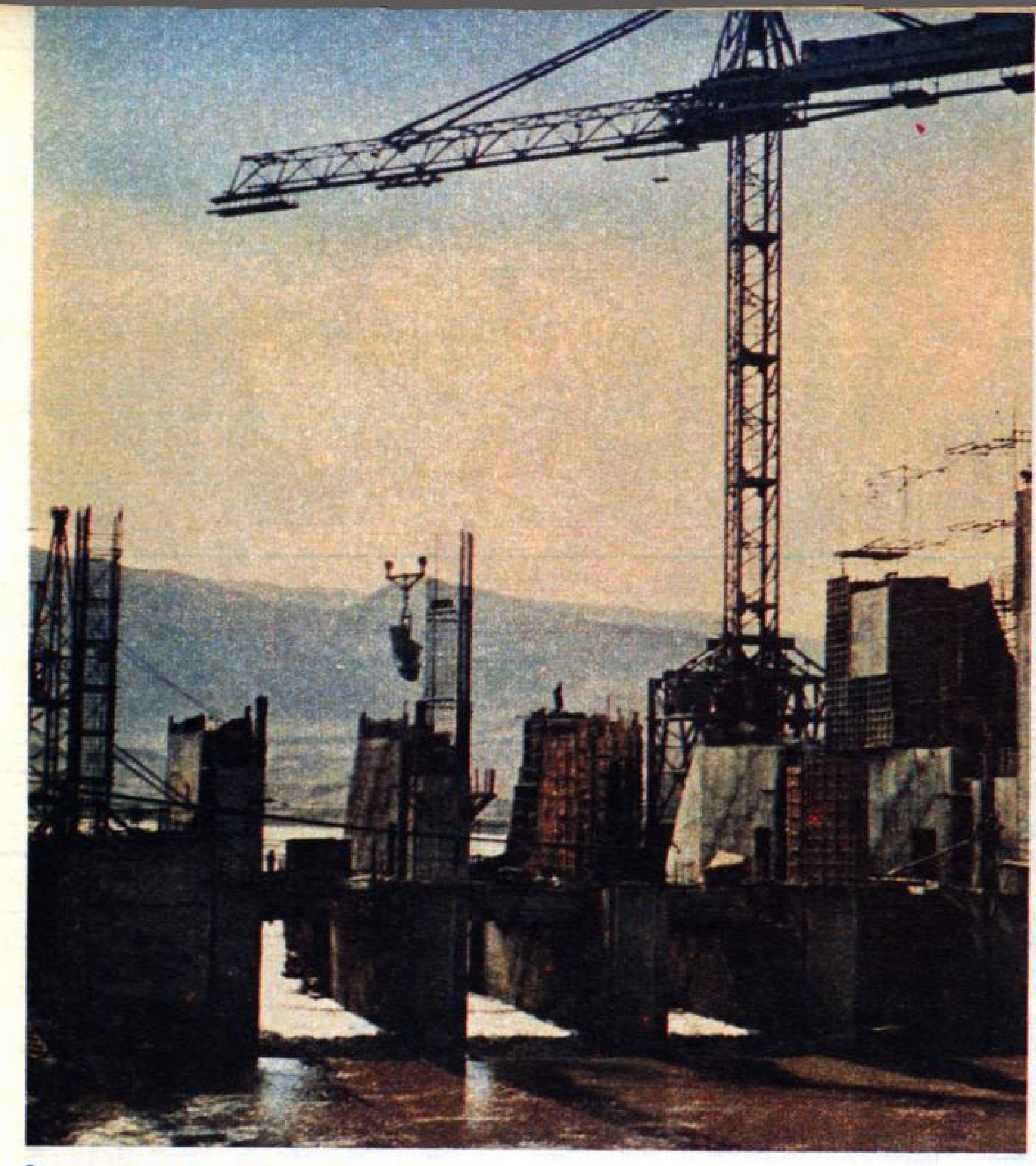
Строительных материалов в республике не хватало, а на повестке дня стояло сооружение десятков объектов, на взгляд мужчин, не менее важных, нежели родильный дом.

И тут необычайную настойчивость проявила врач Сайма Алиева. Она выступила на бюро обкома партии, спорила с секретарями, просила, убеждала, требовала. И великолепный родильный дом в Нахичевани был построен вне очереди.

ВОДА ПРИШЛА НА ПОЛЯ

В начале 1961 года я побывал в колхозе имени Ленина, в селе Карачуг. Вечером зашел в чайхану. А надо вам сказать, что сельская чайхана у нас — это своеобразный клуб, где обсуждается самый широкий круг вопросов: от насущных колхозных дел до запутанных международных проблем. И к тому же дается оценка руководителям всех рангов, невзирая на лица.

Прошел я мимо двух огромных самоваров, поздоровался с людьми, уселся за столик и попросил чаю. Тогда я только-только был избран первым секретарем обкома партии. Чувствую, как на меня все незаметно поглядывают: каков, мол, он, новый? Ну, конечно, начались

Строительство гидроузла на реке Аракс.

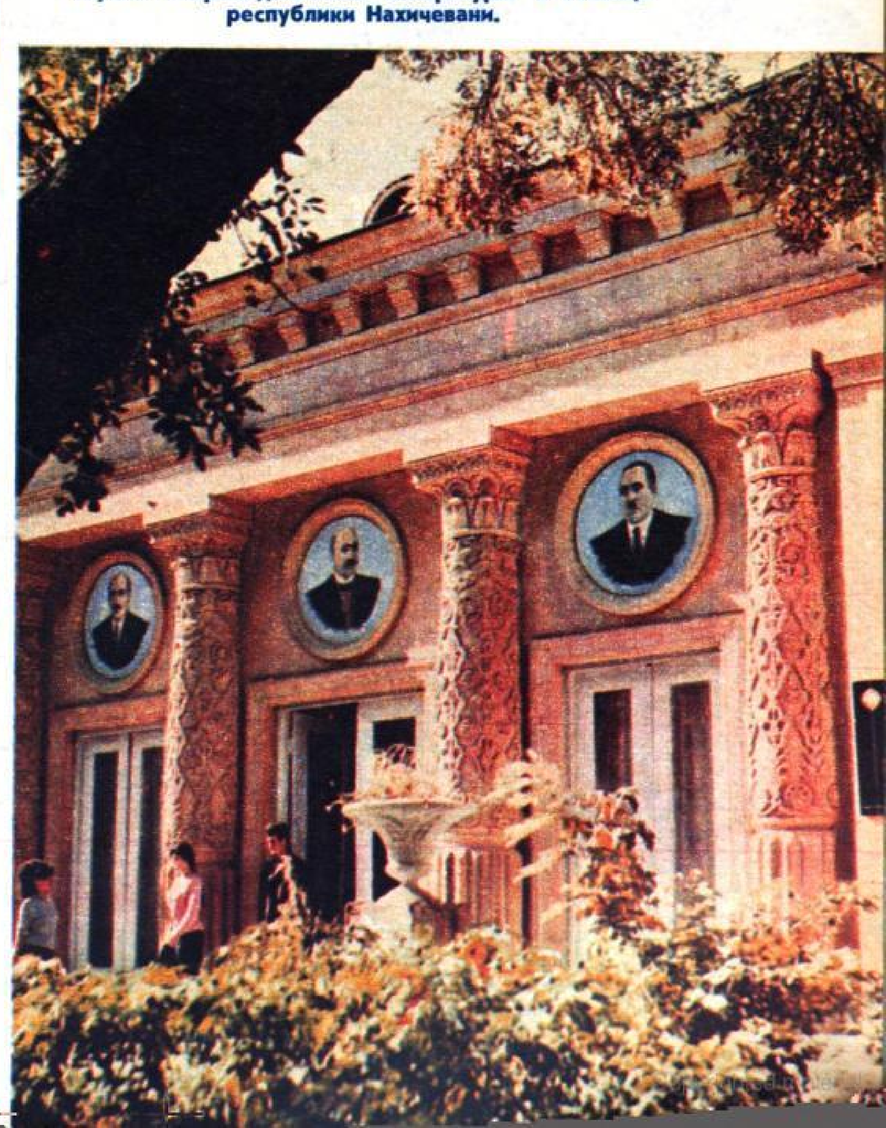
Новруз Ибрагим оглы Алиев, молодой писатель, преподает литературу в неграмской школе.

Домашняя утварь, найденная при раскопках в селе Неграм.

Фото К. Каспиева.

Музей азербайджанской литературы в столице республики Нахичевани.

Сельская свадьба.

Мемориальная доска в неграмской школе.

Первоклассницы.

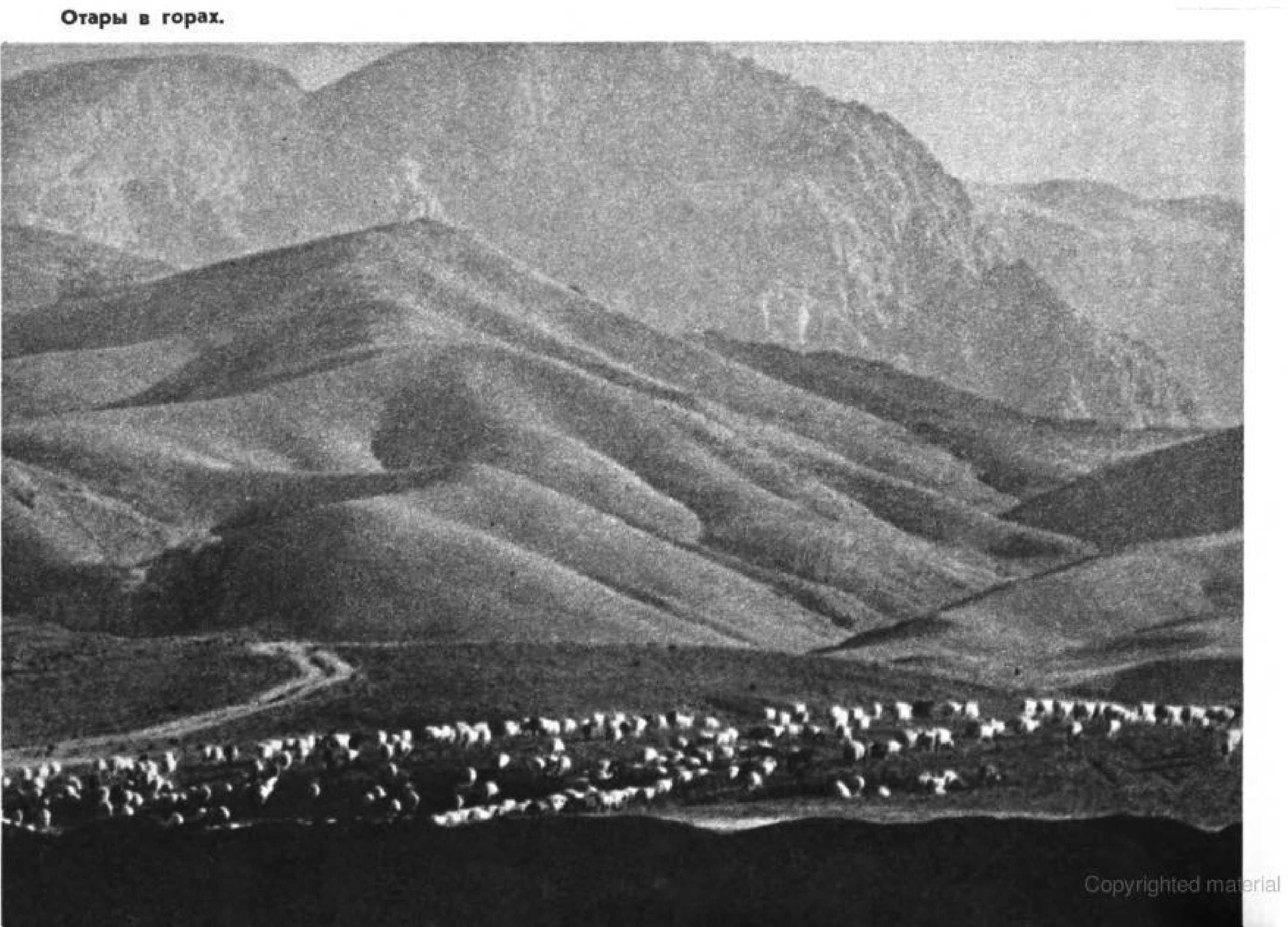

Булгенс Алиева участвует в самодеятельности.

Памятник XIV века.

Отары в горах.

разговоры. Сначала, как водится, о том о сем, а потом и о делах. Тут один старик говорит мне: «Хочешь быть хорошим секретарем, хочешь, чтобы тебя народ всегда добром поминал, дай на поля воду: воды не будет — и хорошей жизни не будет».

Поехал я потом в село Джагры. И там разговор о воде. Земля хорошая, а без воды ничего не родит. Ясно было, что для нашей республики орошение полей — проблема номер один. И тогда же на очередном пленуме обкома партии вопрос об орошении полей подвергся самому серьезному обсуждению.

Затем последовали годы напряженной работы. Были созданы Узунобинское и Неграмское водохранилища, целый ряд насосных станций, прорыт Шарурский канал. Короче говоря, на создание системы орошения полей мы затратили в четыре раза больше средств, чем в предыдущие десять лет. И результаты получились весьма ощутимые: улучшилось орошение 15 тысяч гектаров полей, были освоены 5 тысяч гектаров новых засушливых земель. Стали быстро развиваться виноградарство и табаководство, значительно повысились урожаи хлопка, зерновых культур, овощей. Жизненный уровень народа стал выше.

Однако мы еще не полностью решили эту важнейшую проблему. Работы по созданию оросительных систем продолжаются с большим размахом. Ныне сооружается гидроэнергетический комплекс на пограничной реке Аракс: электростанции, водохранилища, каналы. Мы получим большой запас воды для полей Нахичевани и других районов Азербайджана. Электроэнергию, воду для поливов получит и Иран: стройка на Араксе ведется совместно с дружественным государством. Бок о бок трудятся наши и иранские специалисты и рабочие. Совместные работы на Араксе еще более укрепляют добрососедские отношения между Советским Союзом и Ираном.

Окончательно же разрешит водную проблему Нахичеванской АССР завершение строительства на реке Арпа. Здесь создается огромное хранилище — 150 миллионов кубических метров воды. Оно полностью утолит жажду наших засушливых районов, позволит оросить более 33 тысяч гектаров земли.

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ

В городе Нахичевани ведутся работы, которые, несмотря на сравнительно небольшой размах, привлекают всеобщее внимание. Воздвигается обелиск — памятник сынам Нахичевани, павшим в боях с фашистскими захватчиками. Возле обелиска будет разбита Аллея Героев.

В грозные годы Великой Отечественной войны тысячи наших земляков ушли на фронт и мужественно сражались с врагом. Нахичеванский учитель, командир орудия Газанфар Акперов в бою под белорусским городом со своим расчетом отражал атаку пяти немецких танков. Потеряв в бою всех товарищей, он один продолжал вести огонь, уничтожил четыре немецких танка, десятки гитлеровцев и погиб смертью героя...

В памяти нахичеванцев навсегда сохранится имя замечательного советского патриота Акпера Агаева. В плену, в Бухенвальде, он самоотверженно вел политработу среди заключенных, всячески старался облегчить их участь. И без колебаний отдал жизнь, чтобы освободить товарищей, томившихся в лагере.

Всем жителям республики известны имена Героев Советского Союза Аббаса Кулиева, Наджафкули Рафиева. Никогда не забудут трудящиеся Нахичевани смелых воинов Отечественной войны: Али Аббасова, Аллахверди Керимова, Али Гусейнова и многих-многих других своих земляков, отдавших жизнь за свободу и независимость Советской Отчизны.

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

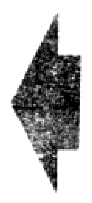
Сейчас у нас в республике в связи с созданием водохранилища на реке Аракс строятся новые села для переселенцев. Их возводят по плану и называют социалистическими. Одно такое село строит трест № 5. Там работает молодой каменщик Аннаги Магеррамов. Недавно при встрече он меня спросил, получил ли обком партии рапорт о том, что их строительная организация досрочно выполнила план. И тут же сказал:

— Мы сейчас работаем изо всех сил. Да и как иначе?! Год особый, юбилейный! Все наши бригады давно уже стали на ленинскую вахту.

В эти дни такие слова можно услышать от каждого труженика Нахичеванской АССР. С именем Ленина связано социальное и национальное освобождение всего азербайджанского народа. В нынешнем году мы будем праздновать 50-летие установления в Азербайджане Советской власти и полвека со дня основания коммунистической партии Азербайджана. Владимир Ильич живет в наших сердцах, делах, в наших помыслах.

В прошлом году на нашу республику обрушились стихийные бедствия. Однако благодаря самоотверженному труду нахичеванцы завершили 1969 год досрочным выполнением плана по промышленности, дали на 12 процентов больше продукции, чем в предшествующем году. Колхозы и совхозы превысили годовые задания по продаже государству зерна, хлопка, табака, винограда, фруктов, молока... Например, в колхозе имени Шаумяна Константин Егджян и другие колхозники сняли по 180 центнеров винограда с гектара.

С первых же дней 1970 года на предприятиях, стройках, на полях колхозов и совхозов царят небывалый подъем, высокая организованность. Каждый рабочий, колхозник, служащий стремится достойно встретить дорогой для советских людей юбилей.

ЗДЕСЬ ЖИЛ ВЕСЕЛЫЙ МУДРЕЦ

«Село Неграм в значительной мере типично для нашей автономной республики»,— говорил мне инструктор Нахичеванского обкома компартии Азербайджана Фаттах Гейдаров и советовал побывать там. И вот я еду в Неграм по прямой асфальтированной дороге. Справа и слева тянутся распаханные поля, а впереди, совсем недалеко, синеют горы. Это уже Иран.

Село большое. Центр старый — улицы узкие, стесненные сплошными глинобитными заборами. А на окраине новые дома колхозников — каменные, со светлыми окнами, веселыми разноцветными черепичными крышами. Здесь все приметы современного благоустроенного селения: больница, родильный дом, детский сад, ясли. Афиши сообщают о концерте в Доме культуры артистов из Нахичевани, о демонстрации фильма «Гамлет».

«Волга» моего спутника, председателя сельсовета Джафарали Гусейналиева, останавливается возле школы. Их в селе три. Одна десятилетка. И тут я узнаю о самой главной достопримечательности села: здесь долго жил и учительствовал известный азербайджанский писатель Мирза Джалил Мамедкулизаде, избравший своим псевдонимом имя героя восточных народных сказок Моллы Насреддина. Веселый мудрец, возмутитель спокойствия, Молла Насреддин странствовал по дорогам Востока, высмеивал глупость и жадность, боролся с косностью, насилием, несправедливостью. Писатель и свой сатирический, очень популярный тогда в Закавказье журнал назвал «Молла Насреддин».

— «Возмутитель спокойствия» и сейчас у нас любимый герой, особенно у ребят,— рассказывает директор средней школы Гусейн Тагиев.— А школьников в селе много — более тысячи трехсот. И половина из них — девочки.

— А после школы молодежь уезжает в город?

— Нет, зачем же так... Многие остаются в колхозе, заработки тут хорошие. Другие продолжают учиться — едут в Нахичевань, Баку. У нас вся сельская интеллигенция — коренные неграмцы. Я окончил пединститут, вернулся домой и уже работаю здесь восемнадцать лет. Так же и остальные наши учителя, врачи, агрономы. Остались в городе те, кто после вуза пошел в науку. У нас с большим уважением говорят об Исмаиле Мамедове, докторе медицинских наук, нейрохирурге; Мамеде Гаджиеве, он доцент, физик; о докторе химико-биологических наук Али Нуриеве...

К вечеру мы с председателем зашли в чайхану. Здесь, словно солнце, сияли два огромных самовара. Вдоль стен за длинными столами сидели колхозники, пили чай, неторопливо беседовали, читали газеты.

Возобновилась прерванная нашим приходом беседа. Обсуждалось будущее Неграма. Все сходились на том, что лет через пять в селе будет, как в городе. Поблизости построят комбинат по производству каустической и кальцинированной соды. Вырастет поселок, который сольется с селом. Электроэнергию комбинат получит от ГЭС, сооружаемой на пограничной реке Аракс.

— Это совсем рядом, километрах в трех отсюда,— поясняет Аскер Алиев.— Там много наших работает. Вместе с иранскими рабочими. Побеседуешь с ними и лучше понимаешь, сколько хорошего дала нам Советская власть. Не зря за нее народ кровь проливал.

— Опять про немецких фашистов газеты пишут,— говорит дедушка Комбар.

— О неофашистах,— поправляет его Аскер Алиев.— Правда, что новые, что старые фашисты — разницы нет — заклятые враги всех добрых людей.

А потом снова беседа в чайхане переключается на мирные дела: что нового на соседней стройке, какие вести от ребят, уехавших учиться в Баку?

А. ГОЛИКОВ

КОГДА КОНЧИТСЯ ВОЙНА?..

Атаджан ТАГАН

Рассказ

Рисунки Л. Хайлова.

Умса была первой красавицей в нашем ауле. И хотя к ней сватались многие видные женихи со всей округи, свадьба Умсы была не такой веселой, как у ее подруг. Где-то далеко-далеко уже четвертый год шла война, и пролитая там кровь скорбью отзывалась в сердце каждого жителя этого маленького селения, отстоящего на тысячи километров от фронта.

И вряд ли кто мог думать о радости и веселье в дни свадьбы Умсы. Праздничная одежда уже несколько лет лежала на дне сундуков и становилась добычей моли.

А когда снова Умсы вместо повседневного старенького платья надела другое, правда, не новое, стираное-перестиранное, многие в селе возмущались: «Что за дрянь баба! Как она может думать о нарядах, когда муж ее на фронте смерти в лицо смотрит!»

Несколько повозок, пять-шесть верховых — вот и все гости. Весело и беззаботно звенели бубенцы, но их звон казался странным в нашем ауле, потому что там давно забыли, что такое той[1]. Когда же уезжали со свадьбы, бубенцы пришлось снять; яшули[2] Улук-ага сказал:

— Не нравится этот звон никому, когда весь аул одет в траур.

...Мамур-эне сидела тихо, прислонившись к камышовой стене, и смотрела в сторону дома Ангала-ага, где шла свадьба; по ее лицу катились тяжелые, горькие слезы. От обиды и горя морщины еще резче обозначились на старом лице, глаза ее, добрые и милые глаза матери, были полны горечи и упрека.

Мы с Колли хотели погулять на свадьбе, но Мамур-эне не пустила нас.

— Грех ходить на такую свадьбу! Лучше посидите рядом со мной. Подумаешь: Умса замуж выходит! Ну и пусть выходит себе на здоровье! Слава аллаху, на ней свет клином не сошелся. Вот Нурджан приедет, и мы ему такую невесту найдем, что куда там Умса перед ней! А какую свадьбу сыграем! Вы на быстрых конях поскачете за невестой. Эх, и радости-то будет! Пишме[3] и еще разных сладостей наготовим! — размечталась бедная наша старушка.

А мы сидели, завороженные ее рассказом о свадьбе Нурджана, и радостно улыбались. Нам очень хотелось, чтобы Нурджан скорее возвратился с фронта, я даже представил его себе: высокий, красивый, в военной форме и со множеством орденов на груди. Ну, конечно, мы не пошли на свадьбу Умсы.

Нурджан, единственный сын Мамур-эне, ушел на фронт на следующий день после того, как сосватал Умсу, и свадьба была отложена до лучших времен. Сначала Мамур-эне получала от него письма раз в три месяца, потом они стали приходить реже. Вот уже целый год она не получала вестей от сына, но все же надеялась увидеть его живым и невредимым. О том, что Нурджан погиб еще весной 1943 года под Курском, знали башлык[4] и почтальон, но из жалости к старушке ничего ей не говорили. Много времени прошло с тех пор; похоронка, которую поспешно, чтобы никто не увидел, башлык спрятал на полке, где лежали старые книги, давно покрылась слоем пыли, а он все никак не мог сказать Мамур-эне о смерти сына...

...Мамур-эне была оскорблена тем, что Ангал-ага, нарушив свои обещания, выдает дочь за другого парня. Этого она не могла простить.

«Ах ты, старый черт! Рано ты хоронишь моего Нурджана. Неужто ты думаешь, что найдешь мужа для своей дочери лучше моего сына? Нет, такого джигита вовек не сыскать. Нурджан мне писал, что медалью его наградили, а медали-то на земле не валяются, их надо заслужить. Не будешь сильным, смелым джигитом, не видать тебе медали как своих ушей».

...За низким дувалом жалобно пел туйдук[5], барабан издавал глухие, словно проглоченные звуки, пищал гиджак[6]. В эти тяжелые дни войны даже свадебная музыка звучала печально, и, если бы никому в селе не было объявлено, что сегодня свадьба Умсы, многие могли подумать, что справляются поминки. Той никого не радовал. Не слышно было ни звонкого смеха, ни задорных, веселых свадебных песен. Приехавшие от жениха гости посидели за дастарханом, выпили по пиале кок-чая и уехали, увезли с собой невесту. Даже камня вслед никто не кинул[7].

Так Умса уехала в чужое село, и мы ее больше не видели.

* * *

Утром, как всегда, мы зашли проведать Мамур-эне. Она сидела, прислонившись к стене, и что-то беззвучно бормотала. У ее ног, положив голову на передние лапы, дремал Аждар, старый и верный пес. Отец Нурджана принес его в дом щенком, когда сыну было шесть лет. Какой породы был Аждар, я не знал, но такой умной собаки еще не видел. У нее были очень выразительные глаза. Стоило кому-нибудь войти в дом Мамур-эне, как по поведению Аждара можно было судить, с какими намерениями зашел человек. Он радостно вилял хвостом и заливался веселым лаем или, злобно рыча, оскалив большие желтые клыки, стоял у ног Мамур-эне. Она очень любила Аждара, больше, чем свою кормилицу-корову, и только за то, что Аждар был любимцем Нурджана. Куда бы она ни шла, Аждар был всегда рядом с ней, и Мамур-эне не гнала его от себя, привыкнув к этому молчаливому спутнику, который делил с ней все радости и печали.

Мы с Колли стали замечать, что последнее время Мамур-эне все больше хлопочет по хозяйству: она готовилась к свадьбе Нурджана. Ей казалось, что сын приедет осенью, когда кончится сбор хлопка.

— Ну и справим мы свадьбу! — радостно говорила Мамур-эне.— Это будет не такая свадьба, как в доме старого Ангала. Все село будет праздновать. Ничего не пожалею ради родного сына!

Я и Колли верили ее словам, верили, что все так и будет. Мы знали, что где-то далеко-далеко идет война, что гибнут там люди, но даже мысли не могли допустить о смерти Нурджана — так сильна была любовь матери к сыну.

Мы помогали ей собирать игде[8] для свадьбы Нурджана. Колли, хоть и мой ровесник, был ловчее и проворнее. Взобравшись по тонкому стволу игде на самую макушку дерева, он длинной палкой сбивал с веток золотистые плоды. За день мы набирали их целый мешок.

Вот и сегодня с раннего утра мы занялись сбором игде. Я сидел под деревом и следил за Колли, а он, никого не замечая, вовсю колотил длинной палкой по веткам. Палка так и свистела в его руке. Удар — и серебристые листья, как парашютики, летели, кружась, вниз, и на голову мне сыпались плоды.

— Эй, джигит! Кто же так игде собирает? — услышали мы грозный окрик.

Я оглянулся. Сзади меня на коне сидел башлык.

— Так дело не пойдет! Смотри, на будущий год горькую редьку придется есть вместо игде.

Колли испуганно таращил глаза и растерянно болтал ногами в воздухе, не зная, то ли прыгать с дерева, то ли сидеть.

— Их иначе и не собьешь, Сапар-ага...— сказал я.

Сапар-ага, видно, не ожидал от меня такого ответа и зло крикнул:

— Ну-ка сейчас же слазь с дерева!

Сидевшая недалеко от нас в тени, перебирая игде, Мамур-эне торопливо высыпала плоды из подола в мешок и направилась к нам.

---

[1] Той — свадьба, празднество.
[2] Яшули — почетный старец (обращение к старшему).
[3] Пишме — национальная сладкая еда из муки.
[4] Башлык — председатель.
[5] Туйдук — свирель.
[6] Гиджак — скрипка.
[7] По обычаю туркмен вслед увозимой к жениху невесте кидают камни. Этим подчеркивалось, что невеста должна жить с мужем в мире и согласии.
[8] Игде — желтоватые мучнистые плоды.

— Ты что это раскричался на них, Сапар? Разве не видишь, что ребята помогают мне собирать игде к свадьбе Нурджана?

Сапара-ага словно подменили. Он вдруг побледнел, виновато опустил голову, как провинившийся ребенок, и замолчал. Потом, ни слова не говоря, резко дернул за уздечку и поскакал прочь.

Вечером мы снова зашли к Мамур-эне. Она, как всегда, была одна. Старушка очень любила нас угощать, у нее всегда находилось что-нибудь поесть. Обычно мы с Колли заходили в комнату и молча садились у стены, где сквозь маленькое окошечко пробивался свет. Мамур-эне долго шарила в большом сундуке и, извлекая оттуда что-нибудь сладкое, протягивала нам. «Ешьте, детки мои! Нурджан вернется, я вам халвы приготовлю». Мы ели черствый, заплесневелый хлеб и сладко жмурились от предвкушения попробовать халвы Мамур-эне. А потом она рассказывала сказки. Чудесные сказки про царей и волшебников, про веселого Ходжу Насреддина и злых казиев [9], про далекие страны, где живут удивительные животные. Это были веселые и страшные сказки, но у них всегда был хороший конец. Рассказывая про чудовищ и огнедышащих драконов, она обязательно приговаривала: «Упаси нас, аллах!» — как будто и сама верила в то, что рассказывала. А если сказка была веселая и говорилось в ней о том, как дочь шаха влюбилась в красивого, но бедного парня, она мечтательно улыбалась: «Ниспошли, аллах, и Нурджану такую».

...Когда я и Колли вошли в комнату, она что-то искала в старом большом сундуке.

— Сыночек, принеси охапку дров со двора,— обратилась Мамур-эне к Колли.

Мы удивленно переглянулись. В доме было довольно тепло, и зачем ей вдруг понадобились дрова? А Мамур-эне сказала:

— Завтра поедем с вами в соседний аул сватать невесту для Нурджана. Там у соседки тетушки Аннатач — красавица дочь. Как та принцесса, о которой я вам в сказке рассказывала. А зовут ее Айча. Сосватаем ее, а когда приедет Нурджан, сыграем свадьбу. Сейчас надо приготовить пишме.

День выдался чудесный. Оседлав белого ослика, мы отправились в соседний аул к тетушке Аннатач. Она, оказывается, давно ждала нас. Мне с Колли не сиделось дома, и мы вышли поиграть во двор. Аждар, положив голову на передние лапы, дремал невдалеке от нас. Мы с Колли от нечего делать кидали в воду мелкие камешки, и, когда камешек падал вниз, по воде плыли ровные круги. С другой стороны арыка с кукурузного поля вышла и направилась к мосту красивая девушка. Честное слово, даже Умса, первая красавица нашего села, не стоила ее.

— Айча,— послышался голос из густых зарослей кукурузы,— где кол, к которому привязывали осла?

— Откуда мне знать?! — крикнула Айча в ответ.

Она остановилась на мостке, слегка приподняв длинное, до пят, платье, так что были видны загорелые ноги, легко присела и стала мыть руки. Над арыком у самого берега, звеня крылышками, пролетела зеленая стрекоза, девушка проводила ее долгим, любопытным взглядом.

— Айча, а мы тебя за Нурджана приехали сватать!— сболтнул я по глупости.

Колли больно ткнул меня в бок, но было уже поздно.

— Чего-о-о?..— удивленно раскрыв глаза, протянула Айча, внимательно разглядывая нас.

— Что ты сказал, глупыш?

— Я не глупыш, а сын Оракгельды-ага.

— Откуда ты взялся, такой сухарь?— улыбнулась она мне.

Колли сердито посмотрел на нее, а я не обиделся. Я действительно был тощим, как палка.

— Хочешь, покажу собаку Нурджана?— похвастался я.

— Какого такого Нурджана?

— Ба, как смешно, ты разве не знаешь?— удивился я.— Да это же сын Мамур-эне.

— А как зовут собаку?

— Аждар.

— А что, хозяин Аждара такой же старый, как и этот пес?

— Нурджан, что ли?

— Да.

— Ты что?! Нурджан разве может быть старым? Видишь вон кукурузу? Он такой же стройный и высокий.

— А что он у вас делает?— полюбопытствовала она.— Землю пашет?

— Зачем ему землю пахать? Он с немцами дерется. Раз, раз, раз... Одним ударом немца с ног валит. Его за это даже медалью наградили. Вот приедет он и женится на тебе.

Айча сердито посмотрела на нас и подошла поближе.

— Знаете что, катите-ка вы свою арбу, пока целы,— сказала она.

— А мы не на арбе, а на белом ослике приехали,— ответил я.— Он не может катиться, только ходит и бегает.

Мой ответ рассмешил ее.

— А что, ваша серая ослица сдохла, что ли? Бывают же в жизни совпадения! Как раз неделю назад у нас сдохла серая ослица.

— Ва-ай!— раскрыл я рот от удивления.— А откуда ты про нее знаешь?

— Я даже знаю, отчего она подохла!

— А ну скажи!

— Завязла в болоте и подохла.

— А вот и нет. Не угадала. Она не смогла разродиться и умерла.

— Осленок тоже умер?— спросила она тихо.

— Что ты глупости болтаешь?! Осленок жив остался. Он такой маленький, забавный, все по двору носится. Вот приедешь к нам, сама увидишь.

— Боже упаси! Иди и сам любуйся своим несчастным осленком,— засмеялась она и, вскочив, убежала домой.

* * *

Мы и сегодня рано утром пришли к Мамур-эне собирать игде. Она ходила по комнате веселая, радостная и что-то напевала. Родители девушки согласились выдать дочь замуж за Нурджана. Мамур-эне всем хвасталась:

— Моя Айча в тысячу раз красивее Умсы. Личико круглое, беленькое, сама стройная, высокая. Такая девушка как раз пара моему Нурджану. А какая трудолюбивая, какая умница, вышивает — просто чудо!

...Вдруг со двора послышался злобный лай. Давно я не слышал такого от старого доброго пса Аждара.

— Коллиджан, выгляни во двор, сыночек, что с Аждаром? Уж не кошку ли увидел?— встревожилась Мамур-эне.

Я выскочил первым.

К нашему дому, не обращая внимания на грозный лай собаки, ковылял на костылях незнакомый мужчина в военной форме. Остановившись, он показал рукой на дом и спросил:

— Эй, джигит! Мамур-эне здесь живет?

Ничего не ответив, я удивленно посмотрел на Аждара, который уже охрип от лая и только злобно рычал, словно этот незнакомец хотел ударить его.

Не получив ответа, незнакомец подошел ближе.

— Ты что, глухой? Я у тебя спрашиваю: в этом доме живет Мамур-эне?

Я кивнул и пошел в дом, незнакомец последовал за мной.

— Проходите, пожалуйста!— приветливо встретила его эне и указала на тур [10].

— Как живете, Мамур-эне? Как здоровье?— Гость сел, сложив рядом с собой костыли, и прислонился к мешкам с игде, что стояли позади него.

Мамур-эне долго всматривалась в лицо гостя и сказала:

— Я что-то не припомню, кто ты. Откуда?

— Я с фронта.

Старушка с неожиданной легкостью подскочила к нему поближе и села рядом. Она сияла от радости. Мы тоже обрадовались. Может быть, гость видел Нурджана на фронте и знает, когда он вернется.

— Скажи мне, сынок, ты, наверное, видел Нурджана? Как он там, жив-здоров? Когда вернется к своей бедной старой матери?— засыпала она его вопросами.

Гость молчал и многозначительно смотрел то на нее, то на нас. В его взгляде было что-то тревожно-мучительное.

Не дожидаясь ответа, Мамур-эне все спрашивала и спрашивала и, поглаживая рукав гимнастерки, сказала:

— Неужели и мой Нурджан такую рубашку носит с золотистыми пуговицами? Говорят, на фронте очень холодно? Вам дают какие-нибудь теплые вещи?

Вероятно, гость уже понял, в чем дело, и сдержанно спросил:

— Давно от него нет писем, Мамур-эне?

— Года полтора. Да я что... Я ничего, пусть только жив-здоров будет и поскорее приезжает.

— Да, конечно, приедет...— сказал гость и замолчал. Он низко опустил голову и, словно выдавливая из себя слова — ему было трудно говорить,— продолжил: — С Нурджаном ровно два месяца назад я виделся в Курске. Живздоров он. Потом мы расстались. После ранения в ногу демобилизовали меня... Я приехал в аул и дай, думаю, проведаю мать Нурджана... Ну, я пойду, всего хорошего вам,— пожелал он и взялся за костыли.

Мамур-эне просила посидеть, попить чаю, но он отказался, сказал, что спешит домой, и, ковыляя, поспешно ушел.

Мамур-эне от радости не знала, за что браться.

— Видишь, Орунгулы, Нурджан жив. А писать ему, значит, некогда. Ну ничего, война скоро кончится, он вернется домой. И сыграем мы ему свадьбу. А пока пойдем собирать игде.

Мы уже входили во двор, когда в дверях появился Ипбат-ага.

— Ва-ай! Ва-ай! Мамур-эне, погасло твое счастье, закатилось твое солнышко! Только что мне тот калека сказал, что Нурджан твой погиб полтора года тому назад. Его ранили в голову, и он умер у него на руках...— тонким, скрипучим голосом заныл старик и бросился на землю.

Мамур-эне, словно подстреленная, закачалась, схватилась руками за голову и рухнула

---

[9] Казий — судья.

[10] Тур — почетное место в комнате.

на пол. Мы впервые видели такое и, испугавшись, с криком выбежали на улицу...

...Целую неделю я и Колли не ходили к Мамур-эне. У нее и без нас каждый день толкались люди, а мы наблюдали за домом из засады, устроенной нами в густых зарослях игде. Все шесть дней из дома доносился монотонный голос моллы, читающего молитву.

Наконец мы решили ее проведать. Раздобыв где-то большой старый мешок, наполнили его плодами игде и зашли к Мамур-эне домой.

Она лежала в постели, бледная и худая, сложив загорелые жилистые руки на груди, и глядела в потолок. Увидев нас, она поднялась, ее глаза, прежде такие живые, потускнели, лицо совсем осунулось. О чем она думала, наша Мамур-эне? Может, о том, какие горести приносит война людям? Кусочек свинца, просвистев в воздухе, впивается в человека, и он, даже не успев подумать, крикнуть, умирает. И как мучительно долго идет потом известие об этой молниеносной гибели, принося горе и печаль близким.

Колли прислонил к стене мешок, наполненный игде. Мы знали, что она сейчас скажет: «Спасибо, сыночки! Дай бог вам хороших невест!»

А она вдруг глянула на нас и зарыдала. Я и Колли, не выдержав, тоже заплакали. Она с трудом подошла к нам.

— Не надо, милые, не плачьте! Это неправда! Нурджан не умер! Он приедет. Обязательно приедет к своей матери. Не надо плакать. Я же не плачу,— сказала она, украдкой вытирая слезы и стараясь улыбнуться.— И какую свадьбу сыграем!

Чтобы успокоить нас, она улыбалась.

Мы пересыпали игде в другой мешок. Я заметил, как мелко дрожали пальцы Мамур-эне.

— Вот мы и собрали три мешка, их теперь на всех хватит.

* * *

На другой день она вместе с нами отправилась к Сапару-ага. Всю дорогу Мамур-эне твердила:

— Мы узнаем у башлыка, когда кончится война и приедет Нурджан.

Когда мы вошли в комнату, Сапар-ага лежал на кошме. Нас он не заметил.

— Вставайте, Мамур-эне пришла!— сказала ему жена.

Башлык вскочил с пола и, подбежав к нам, приветливо сказал:

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

Мамур-эне прошла в комнату и, взглянув на башлыка, не сдержалась, горько заплакала. Сапар-ага, словно провинившийся перед ней, опустил голову. Жена Сапара-ага тоже прослезилась.

— Сапарджан, неужто это правда? Скажи мне, вернется мой Нурджан? Если бы это было правдой, ты бы первым узнал об этом. Скажи мне, что это ложь, Сапарджан! Он живой, мой родной сыночек, и вернется, когда кончится война... Скажи мне: когда кончится война? Будь она проклята!..

Сапар-ага молча поднял голову. Он хотел ей что-нибудь сказать, но не смог. За него ответила жена:

— Все на войне бывает, Мамур-эне. Упадешь на землю раненый — и считай себя погибшим, если не подберут. Нашим соседям тоже пришла недобрая весть, но не прошло и месяца, как он вернулся живым. Может, и с Нурджаном случилось такое. Он, наверное, живой. Вот кончится война, и приедет ваш сын.

Мамур-эне немного успокоилась. Но переспросила башлыка:

— А ты как думаешь, Сапарджан?

— Кончится война, Мамур-эне, и твой сын, может быть, вернется. Немцы отступают, так что война скоро кончится.

— Слыхали, сыночки?— радостно улыбнулась Мамур-эне, будто после слов башлыка война и в самом деле должна была кончиться.

Башлык, провожая гостей, горестно покачал головой, но она этого не заметила.

— О аллах, пусть сбудутся слова Сапарджана! Спасибо тебе на добром слове, быть тебе почетным гостем на свадьбе моего сыночка.

* * *

Прошла осень, зима... Наступила весна. Зацвел урюк. Мамур-эне считала про себя: вот уже четвертый год нет писем от Нурджана. А поздней весной, где-то перед началом лета, когда созревает урюк, в село прискакал всадник на белом коне. Простирая руки вверх, в небо, он радостно кричал:

— Эй, люди, радуйтесь! Победа! Конец войне!

Мы сразу же помчались к нашей старушке сообщить эту радостную весть. Мамур-эне выбежала на дорогу с чашкой игде в руке, чтобы угостить всадника, но он, не доехав до нас, свернул на соседнюю улицу.

Игде она высыпала нам на головы, они тяжело шлепались в пыль, а я и Колли, толкаясь, быстро собирали их с земли, как на свадьбе. Мамур-эне, глядя на нас, радостно смеялась.

Так кончилась война. Через несколько недель после этой радостной вести в село вернулись фронтовики. А Нурджана, которого мы ждали каждый день, все не было. Мамур-эне волновалась: она ходила к тем, кто вернулся с фронта, и спрашивала о сыне:

— Нурджана не видели?

Ответ у всех был один:

— Мы расстались с Нурджаном и больше ничего о нем не слыхали.

Тогда Мамур-эне перестала верить в то, что кончилась война. Каждый день она спрашивала: когда же все-таки кончится война? Даже несколько раз к башлыку узнавать ходила.

Бежали дни, недели, прошел год. Нурджана все не было. Мамур-эне была твердо уверена, что война еще идет, потому что он не возвращался.

Однажды, подходя к дому, мы услышали, что эне с кем-то разговаривает. Слышался только ее голос, собеседник молчал. Мы подсмотрели: посреди двора сидела Мамур-эне и, ласково поглаживая по спине Аждара, что-то ему говорила. А старый пес, как будто понимая ее, положив голову на передние лапы, вилял коротким хвостом.

— Ничего, Аждар, ты не огорчайся! Вот кончится война, придет твой хозяин, и мы вместе выйдем встречать его.

...Приближалась зима. Солнечные лучи все меньше грели землю. По утрам выпадал густой иней. Стало холодно.

Мы сидели у Мамур-эне в комнате у очага и слушали ее рассказ о детстве Нурджана: каким он маленький был плаксой и упрямцем. Вдруг какой-то парень влетел в комнату.

— Старушка, ты Мамур-эне? — спросил он.

— Да, я, милый.

— Радуйся, старушка, счастье тебе!

Мамур-эне так и замерла. Пиала с чаем вылетела из рук, ударилась о чайник, что стоял посреди очага, раскололась надвое и, зашипев, упала в огонь, подняв при этом тучу пепла.

— Счастье тебе, твой сын скоро приедет.

Она чуть не бросилась ему на шею, но, боясь, что ослышалась, тихо переспросила:

— Что ты сказал, сынок?

— Я племянник Гочака. Сегодня мой дядя вернулся с фронта. Целый год он вместе с Нурджаном лежал в госпитале. Завтра или послезавтра жди своего сына,— сказал он, направляясь к двери.

— А я пойду поздравлю еще одного счастливчика! Может, дадите суюнчи [11] за радостную весть, а то мне бежать дальше?

— Не убегай, сынок! Получишь суюнчи. За такую добрую весть и всего моего богатства мало. Все отдам, не пожалею.

Она достала из сундука большую серебряную брошь, которую все это время берегла для своей невестки. Парень схватил подарок и выбежал во двор.

— Подожди!— крикнула Мамур-эне.— Где я смогу отыскать твоего дядю?

— Да его в селе Хештекли каждый знает. Он бы и сам зашел, но у него в доме столько гостей, что не вырваться!— крикнул он на ходу.

Мамур-эне не терпелось увидеть дядю Гочака. Как только парень ушел, она сказала:

— Пойдемте к нему, детки!

Село Хештекли находилось на том берегу реки. Моста через реку поблизости не было, и, чтобы попасть в село, приходилось идти по крайней мере километров пять в обход.

Мамур-эне, свернув с дороги, направилась к реке, а мы, как всегда, побежали за ней. Мы бежали через все село, оглашая его радостными криками: «Нурджан жив! Нурджан скоро приедет!» У меня падали штаны, а я все бежал, поддерживая их обеими руками, и кричал что есть мочи. Мы не брали суюнчи, нам было достаточно того, что люди делили с нами радость. Аждар тоже радовался: весело прыгая, он то обгонял нас, то отставал, а потом снова настигал, словно играя в салки.

Мы приближались к реке, эне очень устала, но, продолжая бежать так же быстро, она то и дело повторяла:

— Я же говорила вам, что война кончится! Я же говорила...

Река наша довольно широкая и глубокая, редко кому из мальчишек удавалось ее переплыть. А сейчас, осенью, вода в ней к тому же была холодна. Но любовь матери победила страх.

Мамур-эне бросилась в холодную воду. Аждар встревоженно посмотрел на нас и прыгнул вслед за ней.

Мы в испуге бегали по берегу, не зная, что предпринять, если эне утонет. Но Аждар подталкивал ее сбоку, чтобы не унесло течением, и она благополучно добралась до противоположного берега.

Выбравшись из воды и потеряв одну хокгу [12], она сбросила с ноги вторую, которую тотчас подхватил Аждар. Мамур-эне побежала в аул Хештекли.

...Весть о том, что жив Нурджан, очень обрадовала всех в ауле. Когда мы с Колли вернулись к дому Мамур-эне, услышали взволнованные голоса:

— Все бывает в жизни...

— Все в руках аллаха: умереть или остаться тебе в живых.

— Какая Мамур-эне счастливая! Целых пять лет ждала и дождалась. Видно, чует материнское сердце.

— Аллах вознаградил ее за долготерпение.

— Ешьте, милые, ешьте! К свадьбе готовили, на свадьбе и угощаем!— Мешок, из которого тетушка Хесел раздавала игде, быстро пустел.

Ибат-ага уже рыл большие очаги.

— Вы думаете, я просто так рою очаги?— намекал он.— Уж придется Мамур-эне по такому случаю зарезать свою корову и устроить свадьбу.

Да, очаги пришлось рыть не зря...

...Поздно вечером в маленькой двухколесной скрипучей повозке, запряженной осликом, привезли полуживую Мамур-эне. За повозкой, понурив голову, плелся Аждар. Он все еще держал в зубах хокгу хозяйки.

Оказалось, что дядя Гочак не видел Нурджана. Он даже не знал его. Это тот молодой человек, который был у Мамур-эне, перепутал Пирджана с Нурджаном и поспешил обрадовать старушку.

Вечером в полутемной комнате при свете коптилки Мамур-эне с трудом открыла глаза. Она окинула нас всех, сидящих вокруг нее, холодным взглядом и тихо спросила:

— Нурджан еще не приехал? Когда же наконец кончится война?

Никто не ответил на ее вопрос; люди, которым война принесла столько страданий и горя, уже не хотели ничего слышать о ней. А я не выдержал, мне хотелось обрадовать ее:

— Война давным-давно кончилась, Мамур-эне!

Колли больно ткнул меня в бок, но я не заплакал.

Мамур-эне пустыми глазами посмотрела мимо меня и что-то прошептала, губы ее беззвучно шевелились. «Орунгулыджан, милый, когда кончится война?» — Я понял это по движению ее губ. Мелкая дрожь прошла по ее телу.

Мамур-эне, раскинув руки и уставившись глазами в потолок, замерла, прислушиваясь к тишине.

Что было потом, я не понял.

— Ва-ай! Мамур-эне-е! — раздался с улицы горестный крик Сапара-ага [13], оповещающий село о смерти.

Но нам он слышался не как плач о смерти человека. Он говорил нам о том, что война, которая принесла столько горя и страданий старушке, для нее наконец-то кончилась.

Авторизованный перевод с туркменского Камрона Хакимова.

[11] Суюнчи — подарок за радостную весть.

[12] Хокга — обувь из сыромятной кожи.

[13] По обычаю туркмен, когда умирает человек, кто-то из близких мужчин выходит на улицу и с воплями бросается лицом на землю.

С ЛЮБОВЬЮ И ВЕРНОСТЬЮ

Начало см. на стр. 1.

очень большие и, очевидно, очень красивые. А мой провожатый уже переключился на другое: — Еще совсем недавно здесь был пустырь, на котором паслись коровы и овцы. А теперь вот какой комбинат отгрохали — больше сорока гектаров занимает! Пущена пока первая очередь, вторая еще строится. И все-таки махина. Шесть тысяч рабочих! А будет десять.

Да, все эти светлые, высокие здания, переходящие одно в другое, сразу и взглядом нельзя было охватить...

— А это наш микрорайон.— Нугманов показал рукой на многоэтажные дома неподалеку.— Там и детские сады и общежития. Знаете, как девушки свое назвали? «Эдельвейс». Фантазерки...

Хайржан Газизович подвел меня к одному из подъездов:

— Заглянем теперь в цеха?

А мне все еще было странно, что это вход не в какое-нибудь учреждение, а на предприятие, каких я вроде бы видела немало. Но, оказывается, что таких все-таки еще не видела...

Все здесь было огромно и чуть-чуть фантастично. Все вызывало сравнения, порождало ассоциации. Над нашими головами медленно плыли в люльках белые «холсты», похожие на туго запеленатых во что-то стерильное младенцев. По рельсам в полу без конца ехали тяжело груженные пушистой лентой цилиндры. И все будто само по себе! Будто люди тут ни при чем!

Нугманов наклонился ко мне.

— У нас уже свыше семи тысяч метров только конвейерных и монорельсовых путей! А скоро это количество удвоится.

Мы задержались у длинющего ряда прядильных машин с веретенами, вращающимися на такой скорости, что казалось, будто они вовсе не крутятся. И я вдруг увидела, что на нас движется какое-то чудище с висячими зеленоватыми «лапами», словно из научно-фантастического романа. «Оно» проплыло над машинами совсем близко, повернуло назад и вскоре уже ползло над другим рядом, обнимая его своими толстыми, неуклюжими «руками».

— Это пухосборщик. Очень нам помогает.— Хайржан Газизович словно задался целью разрушить мое романтическое настроение. Но я ошибалась.— Знаете, что такое «сауле»? В переводе с казахского это «луч света». Сейчас вы увидите, как такой «лучик» работает. Пока же маленькая информация: веретено делает одиннадцать тысяч оборотов в минуту, а веретен у хорошей прядильщицы до полутора тысяч. Снимешь его неумело — ладонь обожжешь... А вот и Сауле Джунуспаева. Титулов у нее хоть отбавляй! И член комитета комсомола, и член профкома, и депутат райсовета... Учится на подготовительных курсах текстильного института. Недавно мы ее в партию приняли.

Небольшого росточка скуластенькая девушка не спеша ходила вдоль своих машин. Время от времени она останавливалась, что-то, наклонившись, делала и тотчас шла дальше.

— Нитку присучивает, обрыв ликвидирует,— пояснил Нугманов.— На эту операцию положено пять секунд. Она справляется за две, две с половиной. Сауле закончит свою пятилетку уже в апреле!

Я пыталась подсмотреть, как все-таки Джунуспаева это проделывает. И не смогла. Настолько неуловимы были движения ее тренированных пальцев. Тут нужна, наверное, замедленная съемка. Когда я узнала, что Сауле всего двадцать один год и удивилась, в свою очередь, удивился мой гид:

— А что тут особенного? У нас средний возраст рабочих — двадцать четыре года... Запишите еще одну цифру. На комбинате вы можете встретить представителей тридцати двух национальностей. Для нас текстильная промышленность — новое дело. Так мы не стеснялись: пригласили специалистов с разных концов страны — молодежь нашу обучать. А многие и сами приехали, когда узнали про наш размах. Наташа Пельгулева, например. Она из Кировабада. На комбинате недавно, но уже чувствуется, что опытная работница. ...Сейчас мы пойдем с вами на другую фабрику, в другое производство. Так вы обратите внимание на Валентину Сукневу. Замечательный человек...

Но прежде я обратила внимание на ткацкий цех, куда мы попали, не выходя на улицу. Я никогда не видела такого большого цеха: он занимает площадь в 33 696 квадратных метров. И нет ему, кажется, ни конца, ни края. К счастью, Нугманов великолепно ориентировался в этом море машин. Поэтому через несколько минут мы уже стояли около станков, которые обслуживает Валентина Сукнева — ударница коммунистического труда, о чем извещал заботливо укутанный в полиэтилен вымпел. Разговаривать здесь не было никакой возможности, и я лишь любовалась, как без суеты, без напряжения работает светловолосая и светлоглазая Валя. Приехала она в этот город из Барнаула. Приехала, когда ткать еще было нечего, когда нужно было чистить, мыть, устанавливать станки. И Валя делала эту грубую работу, хотя пальцы ее — пальцы опытной мастерицы — давно привыкли к другому, более тонкому ремеслу: понимала, что сейчас нужно именно это.

Валя — гордость комбината. Только в минувшем году она одна дала почти 15 тысяч метров ткани сверх плана. К 7 ноября Сукнева выполнит свое годовое задание. А пятилетку — и того раньше: к 1 октября. «Сильная ткачиха»,— говорит о ней руководство. «И прямая...» — добавляют рядовые. Даже и не знаешь, какая из этих оценок выше.

— А как вам понравилось отделочное производство?— Вопрос Михаила Ефремовича Чистякова, начальника отдела внедрения новой техники и технологии, перенес меня из Алма-Аты в Москву: я вновь оказалась в новоарбатском небоскребе, в министерстве.— Вы знаете, что это лучшая «отделка» в стране?

Нет, я не знала. Хотя фабрика эта, недавно введенная в строй, не оставила меня равнодушной. И вот главным образом почему: там я познакомилась с Марией Егоровной Дидоренко.

Беседовали мы в ее кабинете, где было полно подчиненных, где постоянно кто-то открывал дверь и спрашивал: «Начальник здесь?» Ему отвечали: «Здесь. Но сейчас занят». Дверь нехотя закрывалась. Начальник — это Мария Егоровна. Она возглавляет аппретурный цех. Ведь даже после того, как на ткани уже появился рисунок, ее не оставляют в покое: она ширится до гостовой нормы, на нее наносят аппрет — крахмал, чтобы она блестела. Если требуется серебрение, ее пропускают через серебристый каландр и т. д. и т. д. За все это и отвечает Дидоренко.

Лет ей немного. Но все-таки, наверное, удивитесь, когда узнаете, сколько: двадцать два года. Она самый молодой начальник цеха на комбинате. Думаю, что и на других предприятиях таких поискать...

Сидит, значит, Маша за длинным столом, заваленным бумагами (рыжеватая челка, чуть вздернутый нос, фисташкового цвета изящное платье, так хорошо вяжущееся с ее пышными и яркими волосами), доброжелательно со мной разговаривает и успевает еще отдавать всякие распоряжения. Постепенно узнаю, что она приехала сюда из Харькова, окончив текстильный техникум; что была сначала помощником мастера, потом мастером; что сейчас у нее под началом шестьдесят человек; что она комсомолка, любит ходить в походы, любит петь песни, особенно «Черемшину»; что у нее пять сестер и брат. («Много? Зато как нам здорово, когда все собираемся...») Живет Маша в общежитии вместе с подружками-харьковчанками («Мы не только с одного техникума — с одной группы!»), и их водой не разольешь. В комнате той тесно не столько от кроватей, сколько от всякой литературы. Книги, которые покупаются в огромном количестве, везде. Даже в шифоньере на полках, где добропорядочные невесты обычно копят белье.

А вот что подруги сообща выписывают: «Юность», «Роман-газету», «Иностранную литературу», «Науку и жизнь», «Молодую гвардию», «Работницу», «Литературную газету», «Литературную Россию»... Разве скажешь, что в этой комнате живут простые текстильщицы? Впрочем, такие ли они простые... Не устарело ли это определение для людей, похожих на Машу, простите, на начальника аппретурного цеха Марию Егоровну Дидоренко?

— Комбинат, по сути дела, еще ребенок: ему всего четыре года,— теперь мои воспоминания прервал Сергей Александрович Новиков, старший инженер производственного отдела министерства.— Но этот «малыш» вскоре многое изменит в облике республики. Раньше в Казахстане практически не было хлопчатобумажной промышленности. На душу населения в год приходилось столько собственной ткани, что «душе» этой не хватало даже на одно платье. Везли сюда ситцы да сатины бог знает откуда! Чаще всего из старых текстильных центров. Представляете, какие это расходы? Как это нерационально? Ведь хлопок под руками. Зато, когда пустим вторую очередь комбината — надеемся, не позже следующего года,— за сутки можно будет одевать примерно сто тысяч женщин! Ну, а что недоделки у них и недочеты,— так ведь строятся еще, отлаживаются! Болезни роста...

В устах не склонного, как я заметила, к иллюзиям сотрудника министерства это звучало довольно оптимистично. Приблизительно так же, как в устах алмаатинцев утверждение, что в их городе триста дней в году — солнце. И лишь в оставшиеся шестьдесят пять — несколько иная погода. Не такое уж плохое соотношение!

...Я шла по проспекту Калинина и все думала о комбинате, о людях, с которыми там встретилась,— видимо, под впечатлением разговора, только что состоявшегося на семнадцатом этаже одного из «парусов». Кстати, отчего эти дома так прозвали? Они скорее похожи на раскрытые книги. И тут мне припомнилась другая книга, которую я с большим вниманием прочитала от корки до корки в кабинете директора комбината Николая Васильевича Дикина,—«Книга почетных гостей». Я кое-что выписала оттуда в свой блокнот.

«Рады, что познакомились с этим во всех отношениях современным текстильным комбинатом» — делегация Венгрии. «...Люди работают с революционным пониманием» — журналисты латиноамериканских стран. «...Мы удостоверились, что Алма-Ата является родиной не только яблок и винограда, но и городом большого текстильного завода» — делегация Финляндии. Десятки стран. Десятки признаний. Болгария и Эфиопия, Чехословакия и Сомали, Италия и Камбоджа, Бельгия и Ливия... Поистине, чуть перефразируя Пушкина, можно сказать: «Все флаги в гости к ним...» Значит, заслужили. Значит, есть что показать.

А лично мне в заключение хочется присоединиться к лаконичной записи артистов нашего Малого театра: «С любовью и верностью».

С ЛЮБОВЬЮ И ВЕРНОСТЬЮ

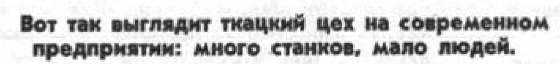
Горы и лес — совсем рядом!

От работы художественной мастерской комбината зависит спрос на его продукцию. Наталия Савенко и Муратбек Нурлыбаев делают все, чтобы радовать наших женщин.

Валентина Московкина не только одна из лучших работниц прядильного цеха, но и всеми уважаемый комсорг.

Вот так выглядит ткацкий цех на современном предприятии: много станков, мало людей.

Это вход не в кинотеатр и не в гостиницу, а в один из производственных корпусов.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры

Десятилетиями я встречаюсь с коллекционерами и хорошо знаю, что в деле собирательства почти каждый имеет свой собственный, ему одному присущий характер. Поэтому давно не удивляюсь их странностям и даже причудам. И только один коллекционер меня всегда поражает.

Для удивления имеются все основания: часто ли встречается собиратель, который не только не украшает своей квартиры отысканными редкостями, но даже не держит дома своей коллекции, а хранит ее в сундуках где-то на складе, самое же ценное — в банковском сейфе? И к тому же не в полной мере помнит, что входит в его собрание, так как оно поистине огромно. Вот с таким коллекционером я давно знаком, много раз встречался и теперь нахожусь в самых добрых отношениях. Владеет же он лучшим во Франции, да, пожалуй, во всем мире, личным собранием автографов великих русских писателей, композиторов и художников. Ко всему этому у него имеются превосходные произведения отечественного изобразительного искусства.

Можно представить себе, что у коллекционера, затрачивающего массу энергии на поиски, иногда не хватает времени систематизировать свои приобретения. Но можно ли предположить, что коллекционер никогда или почти никогда не любуется тем, что с таким трудом собрал?! Я ему как-то в сердцах сказал, что он хуже пушкинского Скупого рыцаря,— тот все же часто спускался в подвал, чтобы насладиться «волшебным блеском» своего злата. Коллекционер, о котором веду речь, только улыбнулся, но в свое оправдание ничего не сказал.

Во Франции я осмотрел множество различных частных собраний, которые восхищали замечательными реликвиями русской культуры,— об их владельцах я узнал только там. А с коллекционером-оригиналом я переписываюсь с 1958 года. Три года спустя он впервые приехал в Москву, мы познакомились. Несколько раз виделись во время моего пребывания во Франции — и тем не менее он единственный из всех русских собирателей в Париже ничего мне не показал из своей коллекции. Потому только, что это было сопряжено с большими трудностями, так как дома, повторяю, он ничего не хранил. И все же это человек, самозабвенно любящий свое собрание. Конечно, Скупым рыцарем назвать его нельзя: коллекционер уже передал на Родину некоторые свои первоклассные находки. Это Сергей Михайлович Лифарь.

Благодаря счастливым обстоятельствам я в какой-то степени знаю состав этой замечательной коллекции не хуже самого владельца и могу поэтому рассказать о ней, используя также и дополнительные сведения, которые он мне любезно сообщил.

1. «...ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ РОССИИ»

В мою задачу не входит описание жизни Сергея Лифаря в балете — об этом рассказано в посвященных ему книгах и многочисленных статьях. И почти во всех говорится, что после знаменитого русского танцовщика Вацлава Нижинского именно Лифарь был одним из лучших балетных артистов, вписавших яркую страницу в историю хореографического искусства. А став затем постановщиком, он был на протяжении двадцати пяти лет художественным руководителем балетной труппы Grand Opéra.

Лишь напомню, что когда в 1958 году на сцене Большого театра СССР гастролировал балет Национальной оперы Франции, то из тринадцати привезенных и показанных в Москве балетов одиннадцать были поставлены Лифарем.

Как танцовщик и постановщик он объездил добрую половину света: был в Лисабоне и в Токио, в Гетеборге и в Дакаре, в Абиджане и в Лиме, в Каире и в Хельсинки.

Но свои пути в искусстве он не ограничил балетом, так как принимал деятельное участие во многих начинаниях, которые проводились в различных областях русской культуры за рубежом. Основал во Франции «Общество охраны русских культурных ценностей», много сделавшее в этом направлении.

Начало его коллекции положили собирательские труды выдающегося деятеля русской культуры С. П. Дягилева, о котором расскажу в следующем номере «Огонька». Сейчас лишь отмечу, что находки Дягилева были поразительными. И самые значительные из них, в том числе десять писем Пушкина к невесте Н. Н. Гончаровой и одно к ее матери, после смерти Дягилева в 1929 году в числе многих других ценных материалов были приобретены Лифарем. Он сумел все это не только сохранить на протяжении последующих сорока лет своего коллекционерства, но и значительно приумножить. Убежден, что полное описание этой коллекции могло бы составить интересную книгу. А сейчас расскажу о некоторых известных мне раритетах, отысканных самим Лифарем.

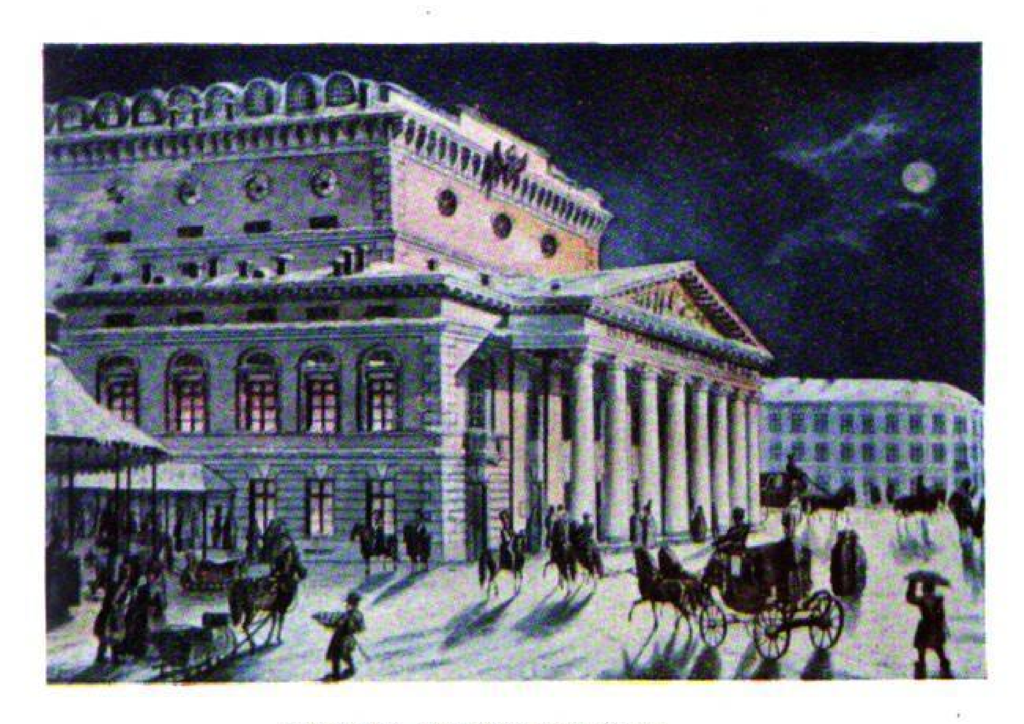
У читателей может возникнуть вопрос: нашел ли он сам что-либо из рукописей Пушкина? Да, нашел, к тому же такие рукописи, о существовании которых в литературе до того времени не было никаких сведений.

Это прежде всего беловой автограф предисловия к «Путешествию в Арзрум». С присущим ему юмором коллекционер вспоминает: в 1933 году он обнаружил этот великолепный автограф, представляющий собою тетрадь в пять листов большого формата, у одного парижского продавца старых книг на улице Бонапарт. Когда, зайдя в магазин, Лифарь спросил, нет ли русских рукописей, букинист с полным безразличием во взгляде ответил: «Только Пучки́н»,— явно не представляя себе, чем же этот «Пучки́н» прославился, и, видимо, огорчаясь, что не может предложить хорошему покупателю автографа Екатерины II или Николая I, за которые можно как следует запросить. Собиратель, к тому времени уже хорошо знавший руку Пушкина, немедленно приобрел этот, чудом попавший в книжную лавку, превосходный оригинал. На обороте заглавного листа оказалась надпись: «Печатать дозволяется с тем, чтобы по напечатании представлены были в Цензурный комитет три экземпляра. 28 сентября 1835. Цензор В. Семенов». Тем самым подтвердилось предположение, что Пушкин собирался выпустить отдельное издание «Путешествия в Арзрум», которое осуществить ему не удалось.

В следующем, 1934 году Лифарь выпустил в Париже в пятидесяти экземплярах «Путешествие в Арзрум», включив в это издание факсимильное воспроизведение автографа предисловия. В 1956 году в Сорбонне при открытии первой выставки советской книги коллекционер передал этот автограф для отправки в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), где хранятся находившиеся ранее в различных архивах нашей страны рукописи великого поэта. В сопроводительном письме, датированном 5 мая 1956 года, Лифарь говорил, что тот дар он сделал, «желая принять участие в великом деле сосредоточения реликвий Пушкина».

Спустя пять лет, в мае 1961 года, впервые приехав в Москву и в Ленинград, он привез с собою и передал в Институт русской литературы поступившую к нему в составе коллекции Дягилева подорожную, с которой Пушкин направлялся в 1820 году в южную ссылку.

Самому Лифарю, кроме авторской рукописи предисловия к «Путешествию в Арзрум», удалось также раздобыть неизвестный автограф двух строф шестой главы «Евгения Онегина», который оказался в Выборге; письмо Пушкина к А. И. Беклешовой, некогда принадлежавшее видному государственному деятелю царской России С. Ю. Витте; юношеский рисунок поэта; миниатюру, его изображающую и приписываемую кисти В. А. Тропинина; печать с родовым гербом Пушкиных. В том же собрании хранится картина братьев Чернецовых «Пушкин в Бахчисарайском дворце» (1837 год) и этюд Карла Брюллова «Одалиска» (по-видимому, к картине «Бахчисарайский фонтан» на сюжет поэмы Пушкина); оба произведения некогда находились в знаменитом париж-

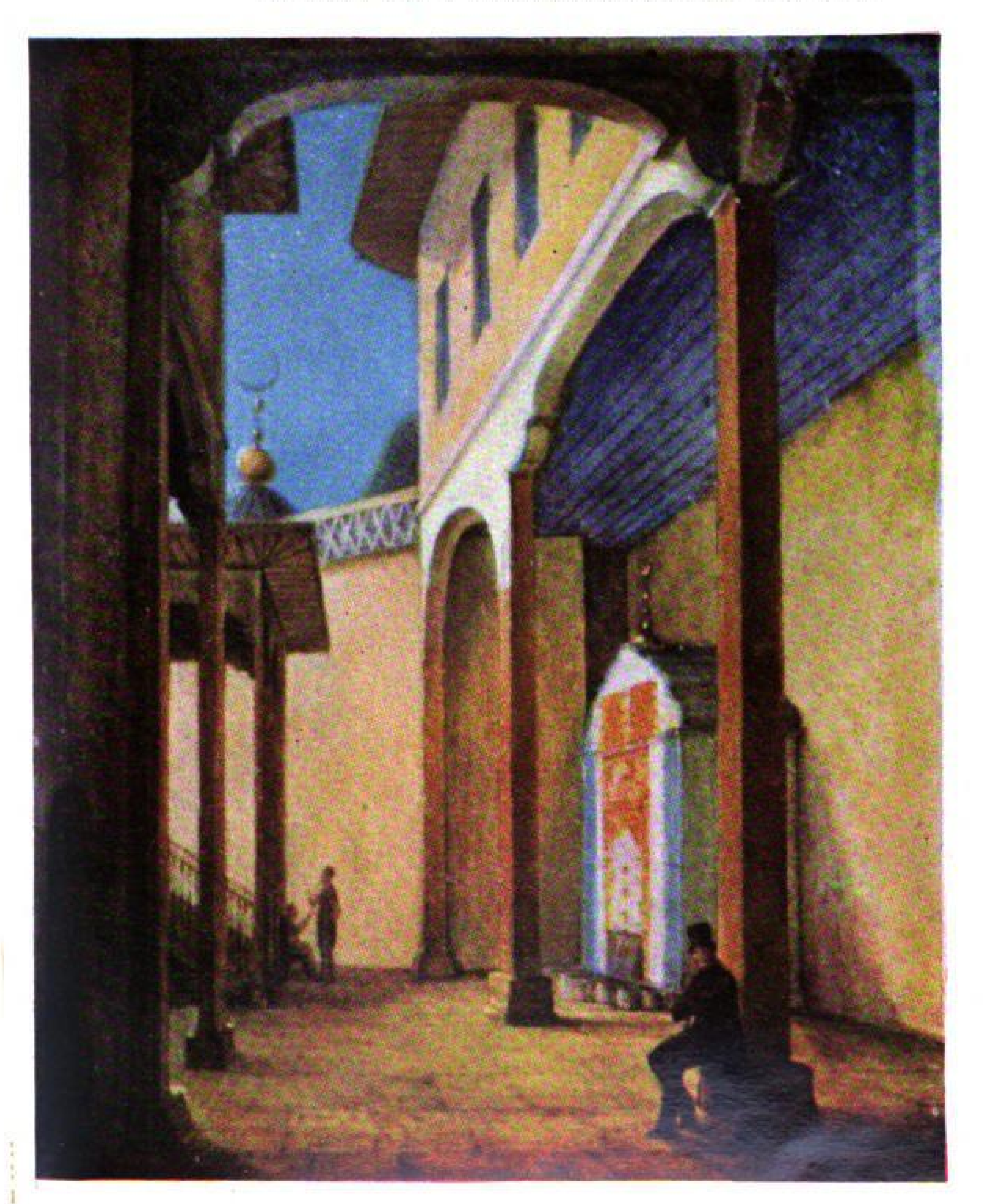
ПЕТЕРБУРГ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ.

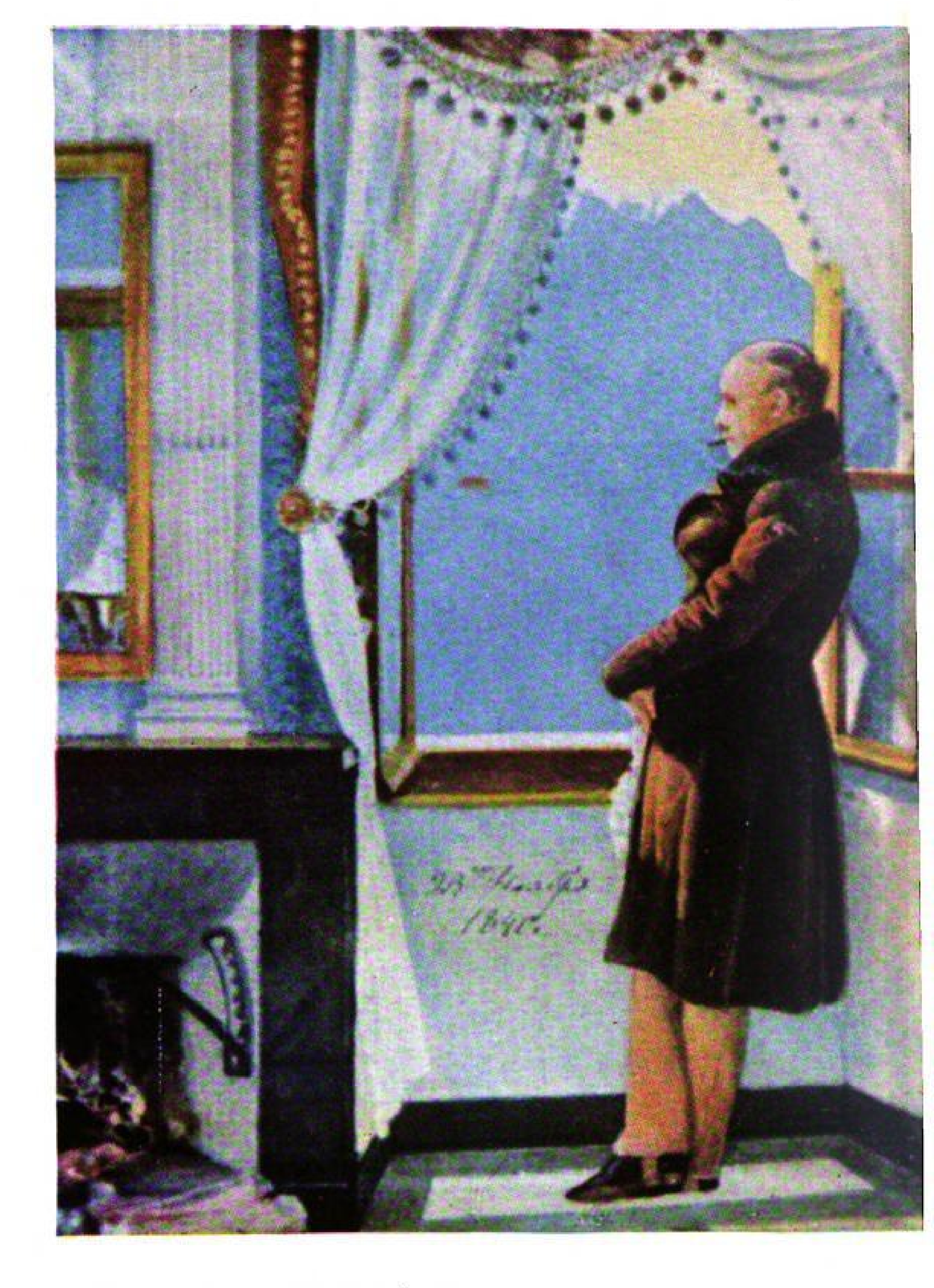
Из альбома акварелей, подаренного балерине Марии Тальони во время ее гастролей в Петербурге в 1837 году.

Григорий и Никанор Чернецовы.

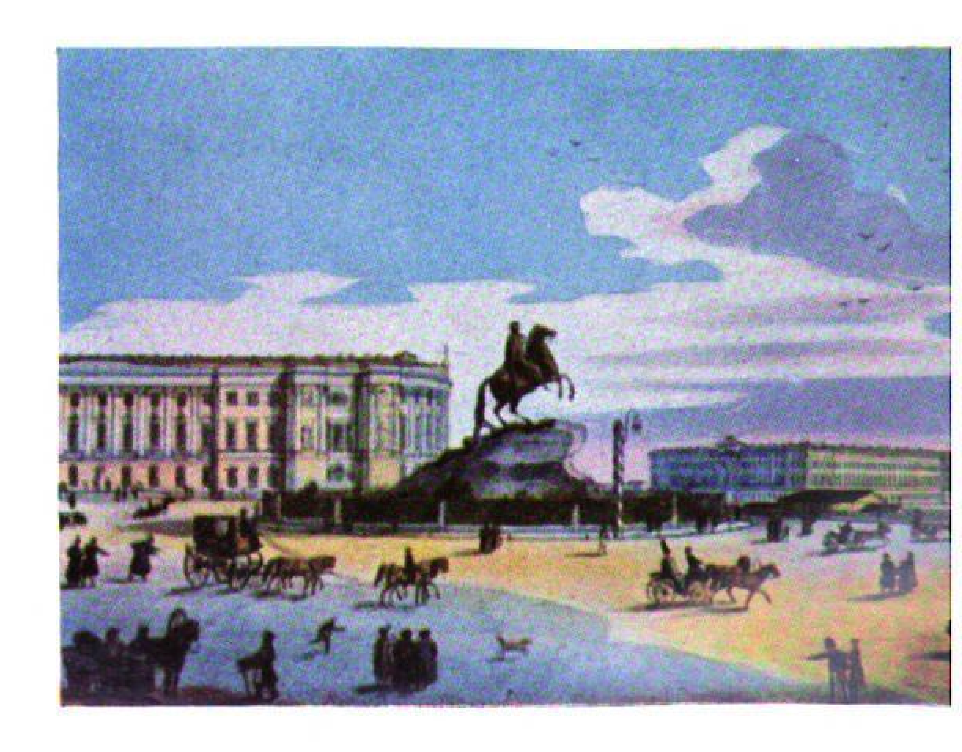
А. С. ПУШКИН В БАХЧИСАРАЙСКОМ ДВОРЦЕ. 1837.

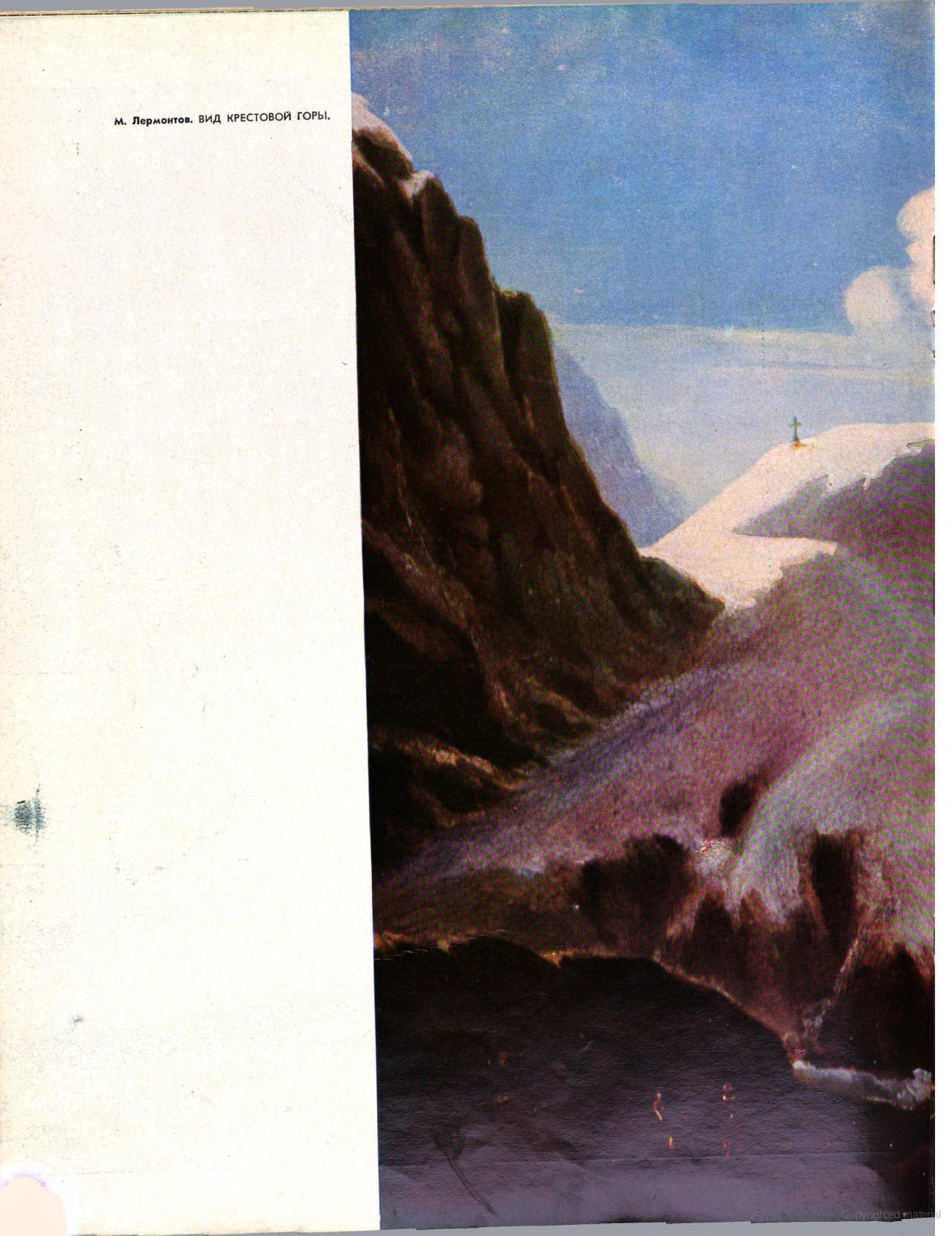

Г. Рейтерн. В. А. ЖУКОВСКИЙ. 1840.

ПЕТЕРБУРГ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ.

М. Лермонтов. ВИД КРЕСТОВОЙ ГОРЫ.

В. Серов. 1865—1911. ПОРТРЕТ С. П. ДЯГИЛЕВА. 1904. (Неокончен). Государственный Русский музей.

ском собрании А. Ф. Онегина. Наконец, виды Петербурга той поры запечатлены в двадцати двух акварелях, входящих в состав альбома, поднесенного балерине Марии Тальони во время ее гастролей в 1837 году в столице России.

Кроме тех четырех писем Лермонтова, что перешли к Лифарю из собрания Дягилева, украшением коллекции являются два стихотворения Лермонтова — «Кинжал» и «Не плачь, не плачь, мое дитя...», манускрипты Глинки, в числе которых написанная на текст Пушкина песня «Мери». Что же касается автографов других современников Пушкина, то в этой коллекции представлены Державин, Жуковский, Дельвиг, Вяземский. В ней имеются также два акварельных портрета Жуковского, исполненных Е. Р. Рейтерном.

И даже отдельные экспонаты знаменитого «Нащокинского домика» из тех, что считались утраченными, оказались в собрании Лифаря! По письмам Пушкина хорошо известно, как он восхищался затеей своего друга П. В. Нащокина, не пожалевшего огромной суммы в 10 000 рублей серебром на создание своеобразного произведения искусства — миниатюрной копии его дома, выполненной первоклассными макетных дел мастерами, русскими и зарубежными. Приезжая в Москву и останавливаясь у Нащокина, Пушкин с трудом переносил царившую там атмосферу богемы. Он писал жене 16 декабря 1831 года о своем пребывании у Нащокина: «...дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать?.. Вчера Нащокин задал нам цыганской вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит». С большим интересом Пушкин отзывался о миниатюрном «Нащокинском домике» — его размер был 2,5 × 2 метра, он состоял из двух этажей, причем первый этаж делился на 8—10 комнат, а в верхнем находилась зала, и все это просматривалось с двух застекленных сторон. Работа над созданием этой уникальной вещи растянулась на несколько лет. Первое упоминание о ней в письмах Пушкина к жене относится к 8 декабря 1831 года: «...что за подсвечники, что за сервиз! Он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку...» (на этом крошечном фортепьяно жена Нащокина с помощью вязальных спиц разыгрывала музыкальные произведения). А последнее упоминание имеется в письме Пушкина от 4 мая 1836 года: «Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечиков».

В позднейшие десятилетия «домик» неоднократно переходил из рук в руки. В настоящее время этот великолепный интерьер дворянского быта хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде и входит в экспозицию зала, посвященного роману «Евгений Онегин». Но некоторые из многих сотен экспонатов, составлявших «Нащокинский домик», остаются ненайденными. А у Лифаря имеется часть того миниатюрного сервиза, которым так восторгался Пушкин.

Кроме того, что я получил полное описание коллекции Дягилева, из которого мне стало известно, что после его смерти приобрел Лифарь, случилось еще одно счастливое обстоятельство, давшее мне возможность узнать о другом ценном архиве, полученном коллекционером. В 1961 году, кроме подорожной Пушкина, он привез в Москву также автограф письма Чайковского к В. Н. Тенишеву о балете «Щелкунчик», который передал в Дом-музей Чайковского в Клину. Естественно, что, когда Сергей Михайлович побывал вместе со своей женой шведкой Лиллиан Алефельд в те дни у меня, я задал ему вопрос о происхождении этого автографа. «Да ведь много лет назад мною был приобретен громадный альбом, куда Тенишева вклеивала рисунки, эскизы декораций и костюмов, письма»,— услыхал я в ответ. Но чьи она вклеивала письма, узнать так и не удалось, так как коллекционер не мог вспомнить ни одного имени. А речь шла о вдове адресата великого композитора Марии Клавдиевне Тенишевой, энергичной пропагандистке русского искусства, скончавшейся в 1928 году во Франции. Должно же было случиться так, что вскоре после наших встреч с Лифарем в 1961 году я познакомился с ее книгой «Впечатление моей жизни», вышедшей в 1933 году на русском языке в Париже. И в одном из примечаний прочел: «В архиве М. К. Тенишевой, находящемся сейчас у кн. Е. К. Святополк-Четвертинской, сохранилось большое количество писем от А. Бенуа, Репина, Врубеля, Бакста, Рериха, Нестерова и других русских художников». Теперь мне в какой-то степени стало ясно, чьи письма находятся в приобретенном Лифарем «громадном альбоме» М. К. Тенишевой! Зная же о том, что она была тесно связана с видными мастерами русской культуры, вполне можно предположить, как много интересного находится в этом альбоме!

Вспоминаю еще одну беседу с коллекционером в том же 1961 году в Москве. Задумав создать книгу «И. С. Тургенев и его зарубежные связи. Новонайденные материалы», я спросил у Лифаря, нет ли у него автографов Тургенева. «Как же, имею связку его писем к какому-то переводчику!» А когда после неоднократных просьб я получил фотографии, то выяснил, что эти письма, адресованные Тургеневым в 1850-х годах своему приятелю, критику и переводчику Августу Видерту, представляют незаурядный интерес. Благодаря же ответным письмам Видерта, присланным парижской Национальной библиотекой, для меня стало возможным сделать для задуманной книги специальную главу «Переписка Тургенева с Августом Видертом», целиком построенную на ранее не опубликованных материалах.

Конечно, все то, о чем я сообщил здесь, является лишь малой частью отысканного самим коллекционером за сорок лет его самостоятельного собирательства.

Делом жизни Лифаря является также издание книг о Пушкине, устройство выставок и лекций, посвященных творческому пути великого поэта.

Организованная по его инициативе в 1937 году в Париже превосходная выставка «Пушкин и его эпоха», приуроченная к столетию гибели поэта, произвела, судя по откликам печати, настоящий фурор.

Что же касается выпущенных им книг, связанных с именем Пушкина, то их около десяти. Вслед за двумя изданиями «Путешествия в Арзрум», в которых был воспроизведен автограф предисловия и напечатана вступительная статья Лифаря, в 1936 году вышли в свет двумя изданиями «Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой»; в первом из них все одиннадцать автографов были даны в факсимильных репродукциях, исполненных с поразительной точностью (обоим изданиям этих писем предпослано вступление собирателя). В 1966 году он издал книгу «Моя зарубежная пушкиниана» — полезный справочник для всех тех, кого интересует судьба творений великого поэта за границей в последнее пятидесятилетие.

Член-корреспондент Академии наук СССР Д. Д. Благой в недавно вышедшей монографии «Творческий путь Пушкина. 1826—1830» говорит о Лифаре как об «известном балетмейстере и танцовщике.., сделавшем очень много для пропаганды творчества Пушкина за рубежом». И действительно, коллекционер прочел множество лекций о Пушкине, организовывал посвященные ему концерты, напечатал много газетных и журнальных статей для прославления бессмертного гения русской литературы. С полным правом — об этом свидетельствует множество фактов — он писал о себе: «Пушкин был и навсегда останется моей радостью, солнечным лучом в моей жизни. Как теплота материнской ласки, он дорог и близок моему сердцу. Он согревал меня, утоляя мою духовную жажду». Вот почему Александр Бенуа, передавая собирателю 25 декабря 1952 года свою картину «Наводнение» (на тему «Медного Всадника»), имел все основания написать на ее оборотной стороне: «Моему дорогому Сергею Лифарю в воспоминание о прекрасных выставках, им организованных, и как свидетельство нашего общего преклонения перед великим Пушкиным».

С. М. Лифарь выпустил книги и по другим вопросам. И хотя со многими его высказываниями об искусстве никак нельзя согласиться, мне прежде всего хочется подчеркнуть всегда имеющиеся в этих работах патриотические мотивы: первый — любование величием Родины и ее культурой, второй — категорическое утверждение, что именно на его Родине должны в конечном счете храниться те отечественные реликвии, которые он собрал за рубежом. Например, в своей работе «Влияние русской культуры на мировую», вышедшей в 1958 году в Париже, он пишет:

> «Русская культура в XX веке из самой молодой выросла в самую могучую. Она оказала огромное влияние на мировую культуру, внеся в нее свою поэзию, поэзию русского народа, свою душу, свои достижения, свою науку.., свои научные, культурные и свои социальные взрывы и подвиги, заняв место передовой двигающей культуры».

Вот что писал Сергей Михайлович о будущей судьбе своей коллекции:

> «В моем книжном и рукописном собрании,— говорится в его статье, напечатанной в 1958 году,— находятся многие ценнейшие документы, связанные с Пушкиным, его жизнью и творчеством... Давно уже я сказал себе, что документами этими я морально вправе владеть лишь временно или, может быть, пожизненно, а что по существу они принадлежат России и русскому народу, Пушкина создавшему». И далее: «Когда-нибудь они будут храниться в Москве или, может быть, в Петербурге, городе, где Пушкин жил и умер».

А в книге «Моя зарубежная пушкиниана» Лифарь утверждал:

> «Коллекционеры во всем мире знали о моих сокровищах и не раз предлагали мне огромные суммы за некоторые из них. И на каждое предложение я отвечал отказом, ибо я считал и продолжаю считать, что единственным местом, где эти бесценные реликвии русского национального гениального поэта должны храниться,— на его Родине».

У меня нет сомнений, что сказанное собирателем в полной мере осуществится. Но думаю, что откладывать это вряд ли целесообразно,— ведь коллекция уже потеряла невосполнимую часть. Оказавшись в 1938 году с балетной труппой на гастролях в США, Лифарь был вынужден продать принадлежавшее ему первоклассное собрание акварелей и рисунков, в котором было около двухсот эскизов декораций и костюмов, а также портретов, исполненных Александром Бенуа, Бакстом, Добужинским, Стеллецким, Коровиным, Гончаровой, Ларионовым. Вся эта коллекция ныне принадлежит музею Wadsworth Atheneum, который недавно устроил ее выставку и выпустил богато иллюстрированный каталог. Даже он один представляет большой интерес, а что говорить о самой коллекции?! И разве не следовало бы ей находиться на родине того, кто с такой любовью все это собирал лист за листом?

В январе 1968 года С. М. Лифарь по приглашению начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г. А. Белова провел две недели в СССР, а в июне прошлого года был почетным гостем на организованном в Москве Первом международном конкурсе артистов балета. Неизгладимое впечатление оставило в нем посещение родины в качестве туриста еще в 1961 году. «Я счастлив быть русским»,— говорил он тогда в беседе с корреспондентом, а вернувшись в Париж, с благодарностью рассказал на страницах еженедельника «Ар» о внимании, оказанном ему в СССР. В 1968 году Лифарь выступал в Москве в Главном архивном управлении, в Музее А. С. Пушкина, в Доме художника с сообщениями о своей коллекционерской деятельности и своих изданиях, посвященных Пушкину.

Приезд С. М. Лифаря в 1968 году в Москву ознаменовался тем, что он передал Главному архивному управлению замечательный дар, о котором я и расскажу сейчас.

2. У МОЛЬБЕРТА — ЛЕРМОНТОВ

Александр Николаевич Бенуа в письмах ко мне неоднократно сообщал адреса тех, у кого хранились за рубежом документальные, эпистолярные и мемуарные первоисточники по истории русской литературы и живописи. В начале 1958 года он прислал мне адрес С. М. Лифаря. С той поры и возникла наша переписка.

В ответ на мое поздравление с Новым годом и пожелание удач, творческих и коллекционных, я получил датированное 17 января 1967 года письмо, которое меня поразило. Сообщая о том, что в конце прошлого года ему удалось достать в Хельсинки картину Лермонтова, Сергей Михайлович писал: «Это мое приобретение как бы оправдало Ваше предчувствие и пожелание мне счастья в моем художественном собирательстве в новом 1967 году». Говоря откровенно, сперва во мне жила какая-то доля сомнения в том, что автор картины Лермонтов. Да к тому же представлялось неясным, как подлинная его картина могла оказаться в Хельсинки! В письме я просил прислать мне описание картины, сообщить, нет ли на ней какой-либо надписи, а также выполнить цветной снимок с картины. 21 апреля 1967 года Лифарь прислал описание картины, главное же — привел имеющуюся на оборотной стороне надпись:

«Эта картина рисована Поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору — место его смерти.

Кн. В. Одоевской».

Уже одна эта надпись (несмотря на имеющиеся в ней неточности, о которых скажу ниже) отметала малейшие сомнения в подлинности картины — известна большая дружба, связывавшая поэта с Владимиром Федоровичем Одоевским.

В июне 1967 года я получил цветной снимок. И хотя выполнен он был хорошо, я был огорчен: даже по снимку стало ясно, что живопись Лермонтова как бы похоронена под густым слоем разложившегося лака, которым ее, по-видимому, покрыли свыше 125 лет тому назад. Единственная возможность воскресить картину — начисто освободить ее от старого лака, ставшего мутно-желтым от вековой грязи и копоти. Но просить об этом С. М. Лифаря было делом безнадежным — когда бы у него дошли руки до передачи картины реставратору? Он просто положит картину в сейф и все. Но как раз незадолго до этого С. М. Лифарь был приглашен ГАУ в Москву. Поэтому, сообщал Сергею Михайловичу: «Г. А. Белов просил Вам написать, что ждет Вас 4 января»,— далее в моем письме были такие строки: «Разрешите обратиться к Вам с деловым предложением. Судя по цветной фотографии, любезно присланной мне, картина Лермонтова, приобретенная Вами в Хельсинки, покрыта лаком, который уже разложился. Советую Вам привезти картину с собой в Москву, и наш лучший реставратор А. Д. Корин в два-три дня снимет старый лак и покроет картину новым. Тогда она засверкает». Ответное письмо от 28 декабря 1967 года обрадовало, так как Сергей Михайлович писал: «4 января я буду рад встретить Вас в Москве... Картину Лермонтова захвачу с собой. Буду рад исполнить Вашу просьбу — показать ее Вам».

Обещание свое он выполнил: картину «Вид Крестовой горы» привез. И сразу же заявил, что, уезжая из Москвы, увезет ее обратно.

Как и все лермонтовские работы маслом, она небольшого размера (33 × 40 сантиметров) и, как все пейзажи его кисти, написана на плотном картоне. Что же сказать о самой картине? Ее вид производил бесконечно унылое впечатление: вся она была как бы затянута мертвяще-тусклой многослойной пеленой ядовито-зеленого цвета! И лишь в немногих местах, где лак осыпался, пробивались нежно-голубые тона. И, конечно, незабываемой осталась в памяти надпись Одоевского, сделанная широким, размашистым почерком.

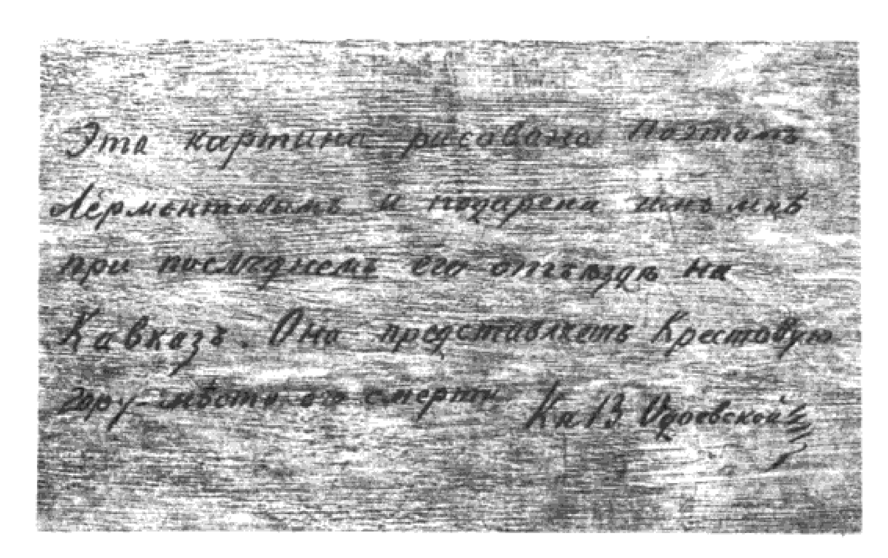
Уже на следующий день картина была у А. Д. Корина. О том, как Александр Дмитриевич в три дня воскресил картину Лермонтова, не расскажешь — слов не хватает! Она действительно засверкала в своей первозданной прелести, возрожденная золотыми руками великолепного живописца и реставратора.

К тому же это один из наиболее совершенных пейзажей кисти Лермонтова. И тем приятнее, что он теперь полностью возвращен к жизни на радость миллионам его почитателей, всем тем, для кого творческие грани Лермонтова — поэзия, проза, изобразительное искусство, которому он уделял так много времени,— составляют единое целое. Хочется отметить и то, что новооткрытый пейзаж — находка весьма редкая. Во втором лермонтовском томе нашего «Литературного наследства», вышедшем в 1948 году (№ 45—46), Н. П. Пахомов в своем обстоятельном исследовании «Живописное наследство Лермонтова» смог описать всего одиннадцать известных к тому времени картин и портретных работ поэта, исполненных маслом. За истекшие двадцать с лишним лет обнаружились еще две картины Лермонтова — в Пензе и в ФРГ. И вот теперь мы имеем возможность ознакомиться с четырнадцатой его картиной, оказавшейся в Финляндии, да еще едва ли не лучшей в ряду других его работ.

Эта картина очень интересна еще и тем, что на ней запечатлен тот вид Кавказа, который произвел на Лермонтова незабываемое впечатление. Как известно, он посвятил восторженные строки Крестовой горе и в письме к другу, и в «Бэле»[1]. Создание элегии «Смерть поэта» привело к высылке Лермонтова весною 1837 года на Кавказ, а его друг Святослав Раевский за распространение этого стихотворения после ареста поплатился переводом в Петрозаводск.

В письме к Раевскому, отправленном из Тифлиса в конце 1837 года, Лермонтов, сообщая о самых ярких своих впечатлениях от Кавказа, о том, что он «находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами», далее писал: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь».

Этот отрывок из письма Лермонтова любопытен не только описанием великой радости, которую принесло ему пребывание на Крестовой горе. Знаменательно то, что именно Раевскому он сообщает о тех рисунках и, возможно, этюдах, послуживших заготовками для будущих картин, которые он «снял на скорую руку» в месяцы скитаний по Кавказу. Ведь Раевский, крестник бабушки Лермонтова, жил в Петербурге вместе с ними и, разумеется, не раз видел своего друга за мольбертом. В «Объяснении губернского секретаря Раевского о связи его с Лермонтовым и о происхождении стихов на смерть Пушкина» сказано, что в Петербурге Е. А. Арсеньевой и Михаилом Юрьевичем ему «предложены были в доме их стол и квартира. Лермонтов имеет особую склонность к музыке, живописи и поэзии, почему свободные у обоих нас от службы часы проходили в сих занятиях».

Эта картина рисована Поэтомъ Лермонтовымъ и подарена имъ мнѣ при послѣднемъ его отъѣздѣ на Кавказъ. Она представляетъ Крестовую гору — мѣсто его смерти. Кн. В. Одоевской

Надпись В. Ф. Одоевского на оборотной стороне картины Лермонтова «Вид Крестовой горы».

Начало повести «Бэла», написанной в следующем, 1838 году и напечатанной впервые в мартовской книжке «Отечественных записок» 1839 года, озарено воспоминаниями о подъеме из Койшаурской долины на Крестовую гору:

«Я ехал на перекладных из Тифлиса... Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую Долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею».

На следующих страницах «Бэлы» Крестовая гора упоминается дважды в разговорах Максима Максимыча, и, наконец, о Крестовой горе идет речь и в авторском отступлении:

«...Переезд через Крестовую гору (или, как называет ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства...

— Вот и Крестовая! — сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову Долину, указывая на холм, покрытый пеленою снега; на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом: наши извозчики объявили, что обвалов еще не было и, сберегая лошадей, повезли нас кругом».

Кстати, напомню, что и Пушкин в «Путешествии в Арзрум» писал о своем переходе через Крестовую гору, об обвалах, случавшихся там, завершая свой рассказ словами:

«Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым. Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком... Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух Юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская Долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой,— извивающейся, как серебряная лента, и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога».

Теперь посмотрим на Крестовую гору глазами известного исследователя Е. Г. Вейденбаума (в книге «Путеводитель по Кавказу». Тифлис, 1888 г.). Прежде всего он сообщает, что на меридиане Казбека центральная часть Главного хребта достигает наибольшего своего понижения, и здесь находятся два перевала, в том числе и Крестовый, не достигающие 8000 футов (один фут — 30,48 см.). И далее:

«Такая сравнительно незначительная высота и расположение почти на середине протяжения хребта определили с древних времен направление главного пути сообщения Предкавказья с Закавказским краем по ущельям Терека и Арагвы. Путь этот называется Военно-грузинской дорогой».

А переходя к описанию Крестовой горы, Вейденбаум пишет:

«Перевал через главный хребет называется обыкновенно крестовым. Название это возникло вследствие того, что в 1824 году управлявший тогда горскими народами майор Давид Кананов поставил на старой дороге каменный крест для обозначения точки перевала. От нынешней

---

[1] Существует литография Лермонтова, под которой его рукой написано: «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби». Но, как выяснил И. Л. Андроников, в действительности здесь изображена гора Кабарджина, примыкающая к Крестовой с севера.

дороги крест этот находится несколько выше и влево, в расстоянии около ¼ версты. Путешественник Гамба, бывший при Ермолове французским консулом в Тифлисе, не поняв значения названия Крестовая гора, переделал его в Mont St.-Christophe. От Гамбы название это перешло в некоторые французские и даже русские сочинения о Кавказе».

Когда написана картина, подаренная В. Ф. Одоевскому в 1841 году? Возможно, что она была в основном исполнена еще в 1838-м в Петербурге или в Новгороде, где Лермонтов по возвращении из первой ссылки продолжал отбывать наказание в Гродненском гусарском полку и писал картины, пользуясь карандашными набросками, сделанными во время путешествия по Военно-Грузинской дороге.

С полным основанием можно утверждать, что в новонайденной картине Лермонтов изобразил не только то, что увидел, но кое-что дополнил своей могучей фантазией. Слова Одоевского, написанные на обороте картины,— «представляет Крестовую гору» — не совсем точны: в действительности на первом плане Койшаурская долина и начало подъема, по которому можно было достигнуть Крестовой, совершив длительный путь через станцию Койшаури, Гуд-гору и Чертову долину, о которых идет речь при описании путешествия в «Бэле». Картина Лермонтова является как бы автоиллюстрацией к процитированным выше начальным строкам повести, а также к следующему описанию в «Бэле»:

«...такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская Долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую,— и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки...»

Когда я показал картину И. Л. Андроникову, он назвал ее замечательной находкой, согласился, что вступление к «Бэле» очень близко к изображенному на картине, и сделал ценное уточнение: никакие реки на Крестовой горе не сливаются и сливаться не могут, как это происходит на переднем плане картины,— ведь главный Кавказский хребет, на котором лежит и Крестовый перевал, служит для рек водоразделом. И все же картина должна войти в литературу о Лермонтове под названием, записанным рукою Одоевского.

Хочется обратить внимание на превосходно осуществленную композицию картины, в которой чувствуется глубина пространства, выразительно переданы суровые громады гор. Каменный крест на вершине Крестовой горы как бы завершает композицию, придает ей стройность. Множество тончайших оттенков находит Лермонтов, когда пишет снег! И рядом смело бросает насыщенные, мощные красновато-коричневые тона скал! Все это поистине великолепно контрастирует с чистой голубизной неба и грядой лучезарных облаков. Картина кажется напоенной светом — он отражается и на снежных вершинах дальних гор и на их склонах. И все это окутано воздухом — тем горным воздухом, который в письме к Святославу Раевскому поэт называет «бальзамом». Оживляет картину и поднимающаяся по склону тележка, запряженная тройкой лошадей,— их погоняет сидящий на облучке извозчик, а впереди шествует человек в папахе (не себя ли изобразил здесь Лермонтов? Ведь сообщая Святославу Раевскому о своих странствиях по Кавказу, он писал, что ходил и ездил «одетый по-черкесски, с ружьем за плечами»). Слева, на переднем плане картины, изображены часовые, они отдыхают в тени — один из них стоит, другой сидит на земле.

Постичь очарование новонайденной картины Лермонтова поможет цветное воспроизведение, впервые здесь публикуемое.

Теперь расскажу, как сложилась судьба подарков, которыми обменялись Лермонтов и Одоевский,— одним из этих подарков и была картина «Крестовая гора».

Писатель и журналист, музыковед и химик, В. Ф. Одоевский в настоящее время известен лишь специалистам. Но в 1830-х годах, да и в следующем десятилетии он был автором литературных произведений, которые, по словам В. Г. Белинского, читались «с жадностью», «с восторгом». О некоторых из них весьма положительно отзывались Пушкин и Гоголь. Тот же Белинский писал, что в повестях и рассказах Одоевского «виден талант могущественный и энергический, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знание человеческого сердца, знание общества, высокое образование и наблюдательный ум». А о том, как относились к Одоевскому выдающиеся литераторы пушкинской поры, лучше всего сказал В. К. Кюхельбекер, писавший ему в 1845 году из ссылки: «Тебе и Грибоедов и Пушкин и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного служения к художественной красоте и к истине безусловной».

В своем петербургском доме Владимир Федорович по субботам принимал лучших людей России. Он обладал редким обаянием, привлекавшим к нему многих. Вспоминая, что И. С. Тургенев в молодые годы «высоко ценил» Одоевского, поэт Я. П. Полонский далее пишет о своих впечатлениях от встреч с ним: «Кажется, достаточно было один день провести с этим человеком, чтоб навсегда полюбить его». Тепло относился к Одоевскому и Пушкин, которого связывали с ним различные литературные дела, навсегда полюбил Одоевского и Лермонтов. Дружба их, по всем данным, возникла еще до создания стихотворения «Смерть поэта», единственный беловой автограф которого сохранился в бумагах Одоевского с пометкой его рукой: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано». Вероятно, Одоевский пытался опубликовать это бессмертное произведение молодого поэта (конечно, без заключительных шестнадцати строк), но из этого ничего не вышло.

До нас дошла записка Одоевского, отправленная им Лермонтову в августе 1839 года и являющаяся свидетельством их подлинно дружеских отношений:

«Ты узнаешь, кто привез тебе эти две вещи — одно прекрасное и редкое издание мое любимое — читай Его. О другом напиши, что почувствуешь прочитавши. Может быть сегодня еще раз заеду. Одоевский. Жена была со мною и кланяется тебе, жалела, что не застали».

Напомню, что В. Ф. Одоевский был двоюродным братом декабриста Александра Ивановича Одоевского, после пребывания в тюрьмах и на поселении отправленного в 1837 году по приказу Николая I рядовым на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, куда в том же году был сослан и Лермонтов за стихотворение «Смерть поэта». Во время пребывания в этом полку они сблизились. Осенью 1839 года Александр Одоевский погиб от малярии, Лермонтов посвятил его памяти одно из наиболее проникновенных своих стихотворений. О сердечном отношении с В. Ф. Одоевским и его женой свидетельствует и подарок, сделанный ей Лермонтовым в апреле 1840 года, когда по выходе книги «Герой нашего времени» он, отсылая экземпляр и как бы продолжая заглавие, после него дописал чернилами: «упадает к стопам ее прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать». А спустя несколько дней за дуэль с Барантом, сыном французского посла в Петербурге, Лермонтов был отправлен в Тенгинский пехотный полк, принимавший участие в военных действиях на Кавказе.

В феврале 1841 года Лермонтов приехал в столицу в двухмесячный отпуск. В последующие недели он принял твердое решение покинуть военную службу, чтобы целиком посвятить себя литературной деятельности. Более того: поэт даже собирался основать журнал. Но то были лишь мечты: около 11 апреля 1841 года он получил строжайшее предписание «в дважды двадцать четыре часа» отправиться на Кавказ в тот же Тенгинский полк. И 13 апреля у Одоевских собрались друзья Лермонтова, чтобы проститься с ним. Владимир Федорович подарил ему записную книжку, сделав на ее первой странице надпись: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. К[нязь] В. Одоевский. 1841. Апреля 13-е. СПБург». Видимо, в тот же вечер и Лермонтов подарил ему свою картину «Крестовая гора». На следующий день он писал А. А. Краевскому: «Очень жалею, что не застал уже тебя у Одоевского и не мог таким образом с тобою проститься...» Лермонтов не предполагал, что он тогда прощался не только с петербургскими друзьями, но и с самой жизнью,— через три месяца, 15 июля 1841 года, он был убит в Пятигорске.

Несколько слов о судьбе записной книжки. Лермонтов упоминает о ней в письме к С. Н. Карамзиной, отправленном из Ставрополя 10 мая 1841 года: «Я не знаю, будет ли это продолжаться, но в течение моего путешествия я был одержим демоном поэзии, т. е. стихов. Я заполнил наполовину книгу, которую мне подарил Одоевский, что мне вероятно принесло счастье» (подлинник по-французски). Всего Лермонтов успел вписать в эту книжку четырнадцать последних стихотворений и два незавершенных наброска — поэтический и прозаический. Книжка вернулась к первому владельцу лишь спустя два с лишним года после гибели поэта. На той начальной странице, где имелась его надпись поэту, Одоевский тогда приписал: «Сия книга покойного Лермонтова возвращена мне Екимом Екимовичем Хастатовым — 30-го декабря 1843 года — К. В. Од.». В 1857 году Одоевский передал эту записную книжку в Отдел рукописей Публичной библиотеки в Петербурге.

Почему Лермонтов принес на память Одоевскому свою картину, да к тому же «Крестовую гору»?

Поэт часто дарил друзьям и добрым знакомым свои картины, акварели и рисунки. Вот что пишет по этому поводу его сослуживец по Гродненскому гусарскому полку А. И. Арнольди:

«В свободное от службы время, а его было много, Лермонтов очень хорошо писал масляными красками по воспоминанию разные кавказские виды, и у меня хранится до сих пор вид, его работы, на долину Кубани с цепью снеговых гор на горизонте, при заходящем солнце и двумя конными фигурами черкесов, а также голова горца, которую он сделал в один присест».

И многим другим Лермонтов делал такие подарки. Художнику П. Е. Заболотскому, обучавшему поэта живописной грамоте и неоднократно писавшему его самого, Лермонтов оставил на память некоторые свои рисунки. Сын художника, П. П. Заболотский, вспоминая об отце, утверждал:

«Лермонтов был с ним в очень дружелюбных отношениях и, вместе с некоторыми своими товарищами, будучи уже офицером, ходил к нему брать уроки рисования... Доказательством успехов Лермонтова в рисовании остались его рисунки, хранящиеся у меня и в настоящее время. Их было около 20-ти, но значительная часть пропала еще при жизни моего отца, и теперь уцелело всего четыре. Рисунки изображают кавказские виды и подарены моему отцу «на память» самим поэтом по возвращении его в Петербург после первой ссылки на Кавказ».

Порой и Е. А. Арсеньева, горячо любившая своего внука, еще при его жизни передавала общим друзьям исполненные им рисунки и даже картины. Вот текст сохранившегося письма ее к родственнику, генерал-майору А. И. Философову, принимавшему участие в хлопотах о снятии с Лермонтова кары, которую тот навлек на себя стихотворением «Смерть поэта»:

«Любезнейший и достойный любви Алексей Ларионович.
Вам хотелось иметь картинку рисования Миши, посылаю вам с бюста рисованную карандашом; а как говорят, что старухи любят хвалиться детьми, думаю от того, что уже собою нечем хвалиться, то посылаю вид кавказских гор, он там на них насмотрелся и приехав сюда нарисовал. Забловской [то есть Заболотский] очень хвалил эту картину и мне хотелось, чтоб у вас была хорошая картина его рисования. С чувством искренней любви остаюсь вам покорная ко услугам Елизавета Арсеньева. 1838 года 29 октября».

Можно привести мемуарные и эпистолярные свидетельства, которые дают возможность назвать по крайней мере пятнадцать человек, получивших от самого Лермонтова исполненные им картины, акварели и рисунки. А сколько было подобного рода подарков, о которых никаких сведений до нас не дошло?!

Из сказанного вполне понятно, почему Лермонтов, вновь отправляясь в ссылку, принес на прощание другу свою картину, и, конечно, ту, которую считал лучшей среди находившихся тогда у него.

Как же сложилась дальнейшая судьба картины «Вид Крестовой горы» (в надписи, сделанной на обороте ее, Одоевский допустил ошибку: Лермонтов погиб не на Крестовой, а у подножия Машука в окрестностях Пятигорска).

Так выглядит «ЭКСПО-70» сверху. В центре возвышается павильон СССР.

«ЭКСПО-70»: ВПЕЧАТЛЕНИЯ И РАЗДУМЬЯ

Виктор МАЕВСКИЙ

Всемирная выставка «ЭКСПО-70» откроется в Осака 15 марта.

Все будет как положено. Завершая торжественную церемонию, синтоистские священники поднимутся на вертолете, «окропят» территорию выставки рисом и солью, «очистят» ее от злых духов, и через четыре входа посетители двинутся в кругосветное путешествие. Телеграф передаст во все концы света сообщение о том, что «ЭКСПО» открыта, журналисты напишут пространные отчеты, фотокорреспонденты отправят снимки, операторы отснимут первые теле- и кинорепортажи, и снежный ком информации о всемирной выставке будет нарастать с каждым днем. А потом станут возвращаться домой туристы, побывавшие в Осака, и снежный ком превратится в лавину — держись тогда читатель и зритель!

Но пока опасность не так сильно угрожает читателю. Беспокойная журналистская судьба занесла меня в Осака за несколько месяцев до открытия «ЭКСПО», и в этих строках мне хочется без спешки и давки побродить вместе с читателем по выставке, присмотреться к ней, поразмыслить кое над чем.

С тех пор, как в Лондоне открылась первая всемирная выставка, прошло больше века. Это был бурный век — трагических войн, великих революций, грандиозных перемен в мире. Гигантский скачок совершили наука и техника — от воздушных шаров к космическим кораблям, от газовых фонарей к атомным электростанциям, от арифметики к кибернетике. Каждая новая всемирная выставка в той или иной мере отражала события своего времени, и, если бы кто-то дал себе труд пройтись по залам всех экспозиций, начиная с лондонского Кристального дворца, давно успевшего сгореть, и кончая павильонами Брюсселя и Монреаля, вероятно, можно было бы воссоздать удивительную картину века грандиозных перемен.

Время покажет, что нового и интересного даст «ЭКСПО-70».

Всем памятны слова Киплинга: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не сойтись». Все мировые выставки словно подтверждали это: они проходили в Европе или Америке. Впервые в истории всемирная выставка открывается в Азии, и логично, что это происходит в Японии — стране, которая своим развитием за минувший век как бы опрокинула утверждение Киплинга, показав, какую силу таит в себе соединение Востока и Запада в экономическом и техническом развитии.

Через четверть века после поражения в войне, развязанной японским милитаризмом, после тяжкой разрухи и деморализации Япония поднялась как третья — после США и СССР — экономически мощная держава, оставив позади Англию, Францию, Западную Германию. И немалую роль в этом сыграло широкое внедрение технического опыта Соединенных Штатов и Западной Европы.

Это «сближение» Востока и Запада само по себе отражает перемены века: невиданный прогресс научно-технической революции, сокращение расстояний (Москва — Токио за 9 часов!), бурное развитие радио, телевидения, расширение культурного обмена. Континенты, страны, люди стали сегодня ближе друг к другу, события в одном уголке земного шара немедленно отзываются эхом в другом. Никогда еще не была столь острой взаимозависимость в мире.

Некоторые господа на Западе спешат с выводом: дескать, теперь не имеют значения идеологические позиции и классовая борьба, теперь все должно строиться на «общечеловеческом», вне политики.

Такая позиция «вне политики» тоже политика. Сегодня с проповедью «общечеловеческого» и «внеклассового» выступают те, кто еще вчера пытался задушить нас голодом, блокадой, войной. О «внеклассовости» кричат те, кто боится окончательного поражения своего, буржуазного класса. К «общечеловеческому» взывают те, кто знает, что рано или поздно им придется расплачиваться за угнетение черных и цветных, за гибель африканских детей от голода и болезней, за истребление вьетнамцев, малайцев, филиппинцев, таиландцев и прочих «азиатов», которые подняли знамя борьбы за свободу, независимость и равноправие.

Мир развивается по законам, открытым Марксом и Лениным, и бурный рост классовой борьбы в послевоенные десятилетия, тесно связанный с бурным ростом технического прогресса, лишь подтверждает это. И еще одну истину подтверждает время: политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем не только не препятствует, а, наоборот, создает благоприятные условия для революционного процесса. Вот почему проповедникам «внеклассовости» так хотелось бы подменить ленинскую концепцию мирного сосуществования теорийками насчет «конвергенции», идеологического «примирения», «либерализации» и т. п. в надежде на ослабление революционных сил современности.

Эти мысли не случайно приходят в голову на «ЭКСПО-70». Девиз выставки: «Прогресс и гармония для человечества». Он уходит своими корнями в восточную философию, где принцип «ва» (гармония) занимает особое место. Японские газеты и журналы пишут: де-

---

В. Ф. Одоевский скончался в 1869-м, а его жена в 1872 году. Детей у них не было, поэтому имуществом Одоевских распоряжалась племянница Ольги Степановны (дочь ее брата, министра внутренних дел Сергея Степановича Ланского) Анастасия Сергеевна Перфильева, «кавалерственная дама ордена св. Екатерины». Она-то и передала в 1884 году в Петербургскую Публичную библиотеку архив Одоевского, в котором находился принадлежавший ему беловой автограф стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». У А. С. Перфильевой была дочь Варвара Степановна, получившая из рук самого Одоевского в дар картину «Вид Крестовой горы». Впоследствии она передала ее Павлу Александровичу Висковатову, одному из зачинателей научного лермонтоведения. В выпущенном им в 1891 году исследовании, построенном на большом неизданном материале,— «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество» — на странице 260-й имеется примечание: «Снимок [то есть вид] Крестовой горы масляными красками, подаренный поэтом князю В. Одоевскому, с пометкой князя подарен был В. Ст. Перфильевой и ею уступлен мне, и находится теперь в моей библиотеке».

Кроме этого краткого сообщения П. А. Висковатова, в литературе никаких сведений о картине больше не появлялось. По-видимому, до конца жизни ученого она оставалась у него. Будучи на протяжении двадцати с лишком лет профессором Тартуского университета, Висковатов в 1895 году вышел на пенсию и поселился в Петербурге, где скончался в 1905 году. С тех пор данных о местонахождении картины не было, во всяком случае, в печати. А в 1966 году она неожиданно появилась в Финляндии. С. М. Лифарь писал мне, что купил картину в Хельсинки «у наследников князя В. Одоевского». Но это явная неточность, так как В. С. Перфильева, получившая картину в подарок от Одоевского, скончалась в 1890 году, следовательно, «Вид Крестовой горы» перешел к Висковатову раньше. Мне пока не удалось выяснить, кто владел картиной в Финляндии. А установить это важно потому, что до сих пор нет никаких сведений о том, где находится висковатовский архив. Если он не погиб, то драгоценные неопубликованные материалы для творческой биографии Лермонтова должны находиться именно там.

Завершилась же судьба картины «Вид Крестовой горы» самым достойным образом — ее получил народ, давший миру Лермонтова. После отнюдь не короткого разговора мне удалось убедить С. М. Лифаря в том, что ему следовало бы расстаться с картиной, оставив ее на родине великого поэта. И хотя после блестящей реставраторской работы А. Д. Корина, восхитившей коллекционера, картина стала ему еще приятнее, хотя доказывал мне — вполне основательно! — что, прожили он

скать, выставка должна помочь привести в соответствие технический прогресс и человека, создать мир, где будет царить гармония.

Я не знаю, казались ли прежде воплощением гармонии холмы Сэнри в пятнадцати километрах от Осака, где теперь раскинулись 330 гектаров выставочной территории. Еще недавно здесь были бамбуковые заросли, местами небольшие поселки со старыми домиками и крохотными садиками, рисовые поля. Теперь бульдозеры срыли холмы, лишь кое-где осталась бамбуковая чащоба, и старые домики чуть ли не до крыш забрызганы грязью из-под колес громадных самосвалов. На территории поднялись павильоны 75 стран-участниц, павильоны японских компаний, подсобные помещения, и все это поражает скорее дисгармоничностью, чем гармонией.

Павильон Соединенных Штатов Америки ушел под землю. Снаружи он выглядит невысоким овальным холмом, в который ведут входы, вызывающие в памяти огромный дот или бомбоубежище. Но, судя по всему, американцы покажут немало интересного и прежде всего все, что связано с лунной эпопеей «Аполлонов».

Неподалеку от американского павильона длинношеим чудовищем поднялся павильон Австралии. Бетонная «шея» держит огромную тарелку — крышу круглого павильона, а рядом, в углублении, находится выставочное помещение, напоминающее колоссальный коленчатый вал.

Британский павильон повис на четырех красных опорах, вроде тех, что бывают на больших грузовых судах; французский поднялся огромными куполами; итальянский громоздится кубами каких-то конструкций, а нидерландский лег всей тяжестью слепого бетона. Легко взметнулся ввысь стволами кедров павильон Британской Колумбии; интересен конструкцией павильон Индии; привлекает внимание зеркальный павильон Канады, отличающийся свежестью архитектурного замысла.

Пожалуй, особой вычурностью и архитектурной изощренностью отличаются павильоны японских промышленных компаний. Павильон «Фурукава» сделан в виде величественной семиэтажной пагоды; павильон «Фудзи» напоминает кусок разноцветной гусеницы гигантских размеров; «Пепси-кола» создала нечто вроде грандиозного ежа, а «Тосиба» — огромного динозавра или еще какое-то колючее чудовище. Павильон «Сумитома» повис в воздухе чем-то вроде мыльных пузырей, а павильон компании «Сантори», выпускающей виски, напоминает нижнюю часть разбитой бутылки.

Можно предвидеть, что внешний вид многих сооружений даст неисчерпаемую пищу для остряков. Но о ценности тех или иных павильонов, конечно, не приходится судить по их внешнему виду. Не сомневаюсь, что «начинка» выставочных сооружений будет содержать немало интересного и поучительного.

Когда после окончания «ЭКСПО-70» павильоны снесут, останутся 330 гектаров земли, спланированной под город: с улицами, площадями, коммуникациями, с парком, стоянками для машин.

«ЭКСПО-70», толкуя о гармонии, заставляет задуматься и о социальной стороне дела. Да и как об этом не задуматься, когда здесь, в Осака, вот уже сколько времени студенты насмерть бьются с полицией, социальные тайфуны бушуют на улицах Токио, Кобе, Хиросимы, нарастает борьба против американо-японского военного союза, против военных баз США на Японских островах, против вползания Японии в военно-политические авантюры в Юго-Восточной Азии.

Сама выставка стала объектом острых атак с разных сторон. Американский рекламный журнал предрекает провал «ЭКСПО», считая, что реклама выставки поставлена дилетантски. Предварительная продажа билетов идет туговато, и это тоже источник беспокойства кое для кого. С протестом против выставки выступили молодые члены организации «Объединенная церковь Христа», их не сдерживает даже благосклонное отношение церкви к выставке. В Токио действует «объединенный комитет» борьбы за срыв «ЭКСПО-70». Некоторые считают, что выставкой в Осака японское правительство пытается отвлечь внимание от американо-японского военного союза — «договора безопасности», который они намерены продлить в этом году. Резкой критике подверглись профессора университетов, сотрудничавшие в создании «ЭКСПО».

Нет, кажется, японский павильон, построенный в виде пяти лепестков сакуры, мало что расскажет обо всем этом. В первом зале японского павильона будет рассказ об истории Японии, во втором — о промышленном развитии, в третьем — о природе страны, в четвертом — о науке и технике, в пятом — о Японии XXI века. Наверное, все это будет небезынтересно. Изображение атомного гриба в четвертом зале напомнит о Хиросиме и Нагасаки. Но разговора о глубоких социальных конфликтах, раздирающих японское общество, не будет. Впрочем, не будет разговора об этом, насколько я понял, и в павильонах других капиталистических государств...

Советский павильон мы увидели еще на подступах к Осака из окна самого быстрого в мире экспресса, обслуживающего линию Токайдо (Токио — Осака). Серп и молот, венчающие павильон, развернутый в виде красного знамени, находятся более чем на стометровой высоте и видны отовсюду. Павильон спроектировали архитекторы М. В. Посохин, В. А. Свирский, А. Н. Кондратьев и художник К. И. Рождественский.

С Константином Ивановичем Рождественским, членом-корреспондентом Академии художеств СССР, заслуженным деятелем искусств РСФСР, главным художником советского павильона, мы познакомились в самолете на пути в Японию. И разговор, начатый тогда, теперь продолжался под сводами выставочных залов.

— Что можно сказать об «ЭКСПО-70»?

— Думаю, что эта выставка будет самой богатой по содержанию. Многое вмещает сам девиз выставки — «Прогресс и гармония для человечества», о многом заставляет задуматься. Гармонию нельзя понимать узко. Мы видим свою задачу в том, чтобы дать нашей экспозицией ответ на важнейшие проблемы социальной и национальной гармонии. А когда речь идет о гармонии между личностью и обществом, нельзя не оценить громадное значение вклада марксизма-ленинизма в революционное преобразование мира, создание нового, социалистического строя, основанного на социальном и национальном равенстве, пронизанного идеей гармонического развития личности. Мы хотим, чтобы посетители павильона увидели духовный мир советского человека, увидели, как воплощаются в жизнь ленинские идеи в нашей стране...

Ленинский зал открывает экспозицию советского павильона. Мы видим Ленина в революционном Петрограде, в Москве, слышим голос Ильича, видим его часы, начавшие отсчет времени новой, социалистической эпохи, его ручку, которой были написаны пламенные слова, открывшие человечеству путь в будущее. Как апофеоз великой ленинской мысли развертывается панорама пятнадцати братских советских республик, строящих новое общество, идет рассказ о миролюбивой внешней политике Советского Союза, о нашем законе, запрещающем пропаганду войны.

Экспозиция нашего павильона подчинена одной цели: показать становление советского человека с момента рождения, раскрыть, как формируется его духовный мир, как воспитываются в нем патриотизм, интернационализм, как он входит в жизнь сознательным, разносторонним, духовно богатым созидателем нового.

Духовно обогащенный человек Страны Советов — это созидатель. С восхищением вступает человек в зал науки и техники, раскрывающий все величие наших открытий и достижений на земле, под землей, под водой, в космическом пространстве. Этот зал — гимн дерзновенной мысли, героическому труду, мужественному подвигу во имя человека.

Надев защитные каски — берегись, всюду кипит работа! — мы знакомились с тем, как под наблюдением главного инженера В. В. Торчинского на всех этажах — под землей и над землей — японские рабочие завершали строительные работы в павильоне, а наши специалисты монтировали оборудование радио- и телецентра, кинозала, киноустановок для самых неожиданных экранов, знакомились с тем, как работает сердце павильона — подстанция, питающая его электроэнергией.

И думалось о том, что в Москве, Ленинграде, в Сибири, на Украине, в Прибалтике, в Узбекистане и Грузии — всюду работают сотни и тысячи людей, труд которых соединится под сводами этого павильона в волнующий рассказ о Советской стране и советском человеке.

Что ж, у нас еще немало трудностей, недостатков, но советский строй решил такие социальные, национальные, культурные проблемы, о решении которых еще мечтают миллионы и миллионы людей во всех частях света. Советский человек показал такие примеры труда, созидания, героизма и гуманизма, которые вызывают восхищение и признание во всем мире. Нам есть чем гордиться, что любить и беречь. И советский павильон на «ЭКСПО-70», несомненно, расскажет об этом.

Осака — Москва.

еще 60 лет, вряд ли ему посчастливится приобрести другую картину Лермонтова, все же Сергей Михайлович отказался от первоначального намерения увезти ее обратно в Париж. И в канун своего отъезда, прощаясь с теми, кто оказал ему гостеприимство, он преподнес это художническое произведение великого поэта с таким письмом:

«Картину Лермонтова из моего парижского собрания (Крестовая гора) передаю в Главное архивное управление при Совете Министров СССР Геннадию Александровичу Белову с моим искренним уважением и благодарностью за мое пребывание на Родине. Сергей Лифарь. Москва, 12/I 1968».

* * *

Изучая «Вид Крестовой горы», мне довелось несколько раз держать эту картину в руках. И когда я разглядывал ее, пытаясь представить себе то, чему она была свидетельницей, мне так хотелось увидеть, по слову Пушкина, «сквозь магический кристалл» квартиру В. Ф. Одоевского у Аничкова моста на Фонтанке (ныне № 35), представить себе последний вечер, проведенный там Лермонтовым накануне отъезда на Кавказ, оказавшегося для него гибельным... Мне виделся поэт, в кругу друзей говорящий о своих сокровенных планах на будущее, о том, что военная служба ему не по душе, о своем желании основать журнал, более прогрессивный, чем «Отечественные записки», хотя возглавлял это издание его приятель А. А. Краевский, а фактическим соредактором был тот же В. Ф. Одоевский... И, конечно, хотелось представить себе, как Лермонтов передавал в подарок Владимиру Федоровичу «Вид Крестовой горы», с каким воодушевлением рассказывал о красотах местности, запечатленной на картине... А с каким великим огорчением должны были рассматривать ее друзья поэта, когда через три месяца после того прощального вечера узнали о том, что он убит...

В заключение хочется сказать, что до конца дней своих В. Ф. Одоевский чтил память Лермонтова и много сделал для популяризации его творческого наследия. А решив познакомить зарубежных читателей со стихотворениями своего друга, Владимир Федорович к переводу «Воздушного корабля» на французский язык подготовил примечание, где имелись такие строки: «Лермонтов — замечательный поэт, которому, быть может, суждено было соперничать с Пушкиным, но, к несчастью, он умер очень молодым».

Именно таким и остается навсегда в памяти последующих поколений Михаил Юрьевич Лермонтов, не доживший до двадцати семи лет.

Ирина ПОЛОНСКАЯ

АКТЕР И КЛАССИКА

Много дискуссий и споров вызывает в наши дни классика на сцене — раскрытие режиссурой и актерами образов классического репертуара.

Мне хочется вспомнить крупных артистов Малого театра, иногда игравших в его стенах одну и ту же роль, каждый по-своему, с присущим только ему одному творческим блеском, внося в исполнение роли свою собственную мысль, свои чувства...

Имена многих из этих актеров принадлежат теперь истории театра, а многие уже и забыты, причем незаслуженно. У молодого поколения эти имена часто вызывают недоумение: «Да разве был такой артист?!.» Или усмешку: «Ну, это было так давно! Тогда мои родители еще под стол пешком ходили!»

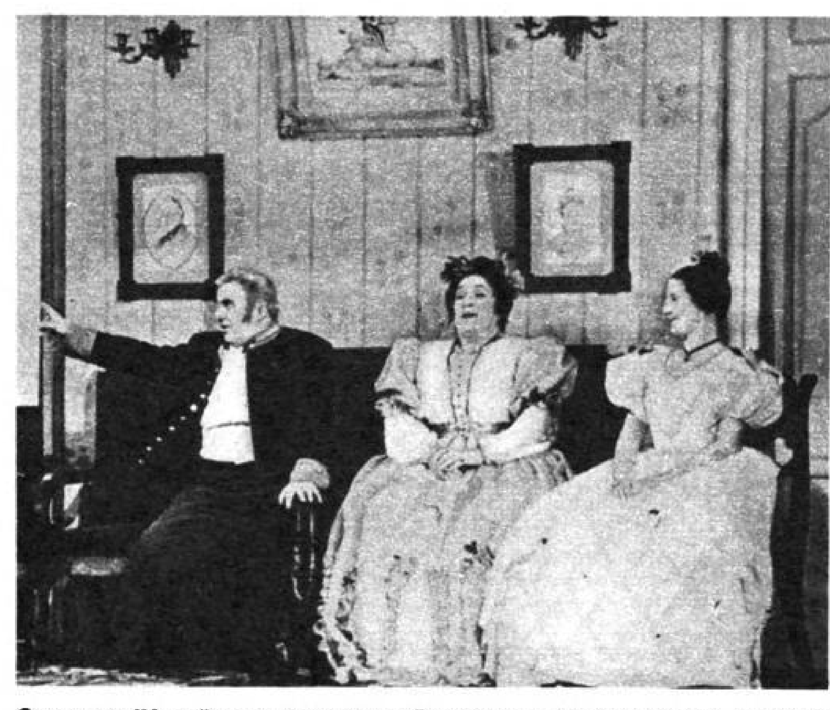
Мне очень посчастливилось: в начале своей театральной жизни я много играла с великими артистами Малого театра. Так было, например, с ролью Марьи Антоновны, дочери Городничего в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор». Я была партнершей трех Хлестаковых — Н. К. Яковлева, А. А. Остужева и С. Л. Кузнецова, играла с тремя Городничихами — А. А. Яблочкиной, Е. Д. Турчаниновой и В. Н. Пашенной.

Все они исповедовали одну правду, один принцип сценического искусства: верность «Дому Щепкина». Но до чего несхожими представали их актерские индивидуальности! И какими они запомнились яркими, своеобразными людьми.

Когда я была еще совсем маленькой, моя мать, В. Н. Пашенная, иногда брала меня с собой в театр. Там я и увидала впервые всех этих замечательных артистов. Самое яркое впечатление оставили в моем детском сердце Е. Д. Турчанинова и Н. К. Яковлев.

Евдокия Дмитриевна была вообще-то очень строга, но с детьми всегда становилась необычайно ласковой. А Николай Капитонович при встречах обычно начинал шутливо расспрашивать меня о том, как я живу. И уже когда я стала актрисой Малого театра, он не упускал случая, встречаясь со мной, пошутить, вспоминая мои детские ответы. Он называл меня «Ни копийки динег нету!..» — так я будто бы однажды ответила ему на его обычный вопрос: «Как живешь?» Могла ли я предположить, что через много лет, играя Марью Антоновну и стоя на коленях рядом с Хлестаковым — Яковлевым перед Анной Андреевной — Турчаниновой, буду просить у нее «благословения на брак», а веселый и озорной в роли Хлестакова Яковлев, получив «согласие» и целуя меня, потихоньку пошутит: «Ну, вот тебе и ни копийки динег нету!..»

Яковлев и Турчанинова действительно играли пьесу Гоголя очень весело, непринужденно. Может быть, они не очень углублялись в острую гоголевскую сатиру, и часто моя мать, мечтая о роли Анны Андреевны и работая со мной

Сцена из IV действия спектакля «Ревизор» в Малом театре. Городничий — Ф. Григорьев, Анна Андреевна — В. Пашенная, Марья Антоновна — О. Хорькова.

В роли Хлестакова — А. Остужев.

Режиссер из Диканьки

Режиссер Иван Никитович Кодак.

Фото А. Маршани.

Татьяна ЛОТИС

Мы приехали сюда в солнечный морозный день. И с самого начала не покидало меня чувство какой-то нереальности, сказочности того, что я вижу. Пронизанная ярким светом, воссоздававшая неповторимую фантазию Гоголя, Диканька производила особенное, праздничное впечатление... Потом, когда мы ходили по хутору, где бывал Гоголь, я поняла, что чувства эти рождаются от богатства красок замерзших, облетевших, но живых садов, желтой, сухой кукурузы, ломающейся в руках, как старая бумага...

Сейчас Диканька — районный центр. Поселок городского типа. На холмах, укутанных фруктовыми деревьями, прячутся сельские хаты. Рядом стоят двухэтажные дома с огромными окнами. Улицы асфальтированы. Современные здания почты, универмага, комбината бытового обслуживания делают Диканьку городом, а свернув в боковую улочку, опять попадаешь в село с садиками, скрипучими калитками, собачьим лаем, сарайчиками, двориками.

В центральном сквере Диканьки стоит памятник Н. В. Гоголю. Кажется, что писатель просто остановился, задумавшись... Я видела несколько памятников Гоголю, но этот совсем иной. И хотя он не так уж и совершенен, однако чувствуется, что его создавал скульптор, для которого Гоголь значит очень много, что писатель духовно сродни ему. Этот памятник — как шевченковский, как памятник Николаю Островскому — создал местный житель, скульптор-самоучка Леонид Харитонович Ильченко. Он и сейчас живет в Диканьке, занимается в драматическом коллективе районного Дворца культуры.

Какой же отпечаток кладет живописная диканьковская природа на людей, которые ежечасно видят вокруг себя могучие дубовые леса, холмы, села, раскинувшиеся у речушек?.. Ведь должно же быть что-то особенное в душах людей, живущих среди такой красоты...

Иван Никитович Кодак, режиссер драматического коллектива диканьковского Дворца культуры, вспоминает, как он любил в детстве посидеть у деда. Уважали деда односельчане, шли к нему по делу и без дела, просто покалякать, послушать новости. Добрый он был человек; чтили его как хорошего портного и как веселого скрипача — первого гостя на всех сельских свадьбах. Дед мечтал из внука сделать музыканта; брал его с собой на праздники, незаметно приучая мальчика к инструменту. В восемь лет Иван взял в руки смычок. С младших классов пел в школьном хоре, играл в струнном оркестре.

В те годы любил он слушать рассказы отца. Вот уж сколько лет прошло, как вернулся кузнец Никита Кодак с фронта, а все эти годы бережет тельняшку. Бережет потому, что напоминает о море... Несмотря на то, что был Никита по болезни списан с флота, а сейчас уж и совсем состарился, все еще считает себя принадлежащим морю и любит свою морскую профессию больше всего на свете. Вернулся он на родину после окончания гражданской вой-

дома над ролью Марьи Антоновны, обращала мое внимание именно на эту сторону пьесы. Она заставляла меня думать о том, что Гоголь-то рисует **дочь Городничего**, а не просто девичью наивность и глупость... Но все это я поняла гораздо позже, а пока наслаждалась сочной и яркой игрой двух великих мастеров.

Впоследствии мне пришлось играть эту же роль с А. А. Яблочкиной и А. А. Остужевым.

Я всегда немного побаивалась Александры Александровны, хотя она была добрейшим человеком. Играть с ней было очень интересно, но в то же время и трудно, так как она всегда требовала четкого выполнения раз и навсегда установленных мизансцен. Отступить от найденного однажды рисунка было невозможно, не потеряв при этом линии общения с Яблочкиной. Поэтому иные спектакли становились похожи один на другой. Но тут же в «Ревизоре» мне посчастливилось встретиться с Хлестаковым — А. А. Остужевым, и уж тогда волей-неволей пришлось выдержать ломку всего рисунка роли — настолько неожиданно трактовал свой образ гениальный Остужев.

Этот удивительный артист мне всегда казался не просто великолепным актером; с самого детства я смотрела на него, как на какое-то чудо природы.

Говорили, что Остужев с юных лет мечтал о роли Хлестакова. Но его учитель А. П. Ленский не советовал ему браться за нее. Не советовал прежде всего потому, что Остужеву всегда были свойственны поиски глубокой логики в каждой фразе пьесы, а ведь у Хлестакова всегда получается «все вдруг», все неожиданно... Но Остужев, веря Гоголю, сыграл прекрасно! Это был хлыщеватый, но пылкий, увлеченный сразу и матерью и дочерью Хлестаков. И если он с Городничихой — Яблочкиной или Турчаниновой как бы невольно сдерживал все-таки свой могучий темперамент, то на долю дочки падал весь его пыл! Он всегда увлекался необыкновенно, но в каждом спектакле все равно ухитрялся быть разным, «неодинаковым»...

И, наконец, еще встреча с Хлестаковым — С. Л. Кузнецовым и Городничихой — В. Н. Пашенной.

Внешне мы не были похожи с моей матерью. Но все же в жизни-то мы были мать и дочь. Это позволяло нам и в спектакле находить какие-то новые жизненные краски, уходить от повторения раз найденных «кусков» и предлагать новую трактовку наших сцен.

Степан Леонидович Кузнецов играл Хлестакова этаким очаровательным «амурчиком».

Обаяние этого актера было необычайно! Кто видел «братишку Швандю» в пьесе Тренева «Любовь Яровая», тот не может без восторга вспоминать его необыкновенную, заразительную силу.

Глаза Кузнецова (кстати сказать, глаза у него были разные: один — светлый, другой — карий) так и искрились озорством! Так, бывало, и ждешь в «Ревизоре»: что еще может «выкинуть» на сцене этот мальчишка, брызжущий весельем.

Кузнецов до последних дней жизни был необыкновенно моложав. А уж в те-то годы!.. Он особенно казался резвым в четвертом действии «Ревизора», когда его Хлестаков — отоспавшийся, отъевшийся, обласканный в доме Городничего — видит Марью Антоновну и начинает ухаживать за ней «с легкостью необыкновенной». Невольно эта «легкость» сообщается и девице: она так же весело начинает болтать и шутить. Но вот граница «приличия» перейдена: Хлестаков бездумно целует дочку Городничего. «Нет, это уж слишком... Наглость такая!» — в слезах говорит Марья Антоновна. И ее слезы сразу пугают трусоватого «ревизора».

Хлестаков — Кузнецов всячески старался успокоить девушку. А на одном спектакле, совершенно неожиданно для меня, Степан Леонидович, выхватив носовой платок из кармана, начал меня «сморкать», как сморкают ревущих детей... Я не ожидала этого и растерялась совершенно искренне, а он, быстро сунув мне платок, отошел с невинным видом и, только получив «прощение», снова весело, шутя падал передо мной на колени...

Вот какие разные были три Хлестакова — три больших актера. Если Яковлев нисколько не был увлечен ни матерью, ни дочерью, а Остужев очень «пылко» увлекался сразу обеими, то Кузнецов просто шалил, дурил, хотя и побаивался «возможных осложнений». И только ради того, чтобы их не было, он просил благословить его на «постоянную любовь», прекрасно зная, что лошади уже заказаны!..

Если Евдокия Дмитриевна Турчанинова со скуки в захолустье, не испытывая особых чувств к Хлестакову, просто развлекалась, а Александра Александровна Яблочкина — действительно дама «тонкая» — рвалась к «красивой» жизни, увлекаясь «перспективой» попасть в столицу, то Вера Николаевна Пашенная крупно и сильно играла самую доподлинную провинциалку, «готовую сейчас на все услуги», как пишет Хлестаков Тряпичкину.

Невольно возникает вопрос: кто же из всех этих Хлестаковых и Городничих был вернее? Кто интереснее воплощал авторский замысел?

С моей точки зрения, каждый был по-своему прав. Ибо в гениальном произведении Гоголя всякий истинно творческий исполнитель роли мог найти свои собственные, всегда новые краски...

Партнерам таких крупных артистов надо было самим активно учиться — на ходу ловить тончайшие грани исполнения. И при этом стараться как можно лучше использовать свои индивидуальные возможности, действуя не «сам по себе», а исходя из индивидуальности партнера, стараясь уловить каждую его живую находку и отвечая на нее.

Вспоминаются слова великой Г. Н. Федотовой: надо играть не свою роль, а всю пьесу. И гениальные слова еще более великой русской актрисы О. О. Садовской. Когда ее спросили: «Ольга Осиповна, как вы работаете над ролью?» — эта великолепнейшая артистка ответила: «Как, как!.. Да очень просто! Я ему крючочек, он мне петельку, вот и получается».

Мне кажется, слова эти надо знать сегодня всем, кто серьезно задумывается над пьесами классики и над теми образами, которые созданы великими мастерами русского театра.

Полагаю, они не требуют обязательно каких-то особых «новых форм», не требуют новаторства ради новаторства.

Классика и раньше и теперь нуждается в том, чтобы ее исполнители глубже изучали все интересное, все живое в наследии нашего сценического прошлого. И, разумеется, обогащали его, отвечая возросшим требованиям наших дней.

ны и стал кузнецом, но всю жизнь тосковал по морю. Он и рассказывает особенно хорошо о событиях, с морем связанных.

И вот так получилось, что любовь отца к морю помогла сыну стать... режиссером. Учился Иван в восьмом классе, когда во Дворце культуры ставили пьесу А. Е. Корнейчука «Гибель эскадры». Для массовок требовалось много народу; руководитель пригласил участвовать в спектакле школьную самодеятельность. Первая роль Ивана была без реплик: изображал он матроса из толпы. О событиях, происходящих в пьесе, подросток много знал по рассказам отца, и постановщик спектакля сразу заметил, что молодой матрос прямо-таки живой: отличается какой-то особенной естественностью, да и костюм на нем сидел так, будто парень не один уж год прослужил на флоте... Пригласил парня тогдашний руководитель Герман Сергеевич Черешня в драматический кружок. Парень удивился.

— Считал я себя всю жизнь нескладным и некрасивым,— рассказывает Иван Никитович.— Внешности своей стеснялся. А когда стал выступать на сцене (помню, первая большая моя роль была — Стецко в пьесе «Сватанье на Гончаровке» Квитка-Основьяненко), то почувствовал, что становлюсь другим человеком. Будто это уже не я сам живу на свете, а мой герой за меня говорит и действует... Образ был задуман как юмористический, и потом односельчане долго еще вспоминали Стецка и смеялись... Я почувствовал власть сцены над собой, понял, что могу стать на какое-то время другим человеком, то есть перевоплотиться. И первый раз в жизни испытал самую большую, настоящую радость — удовлетворение от работы... В восемнадцать лет я сам поставил «Женитьбу» Гоголя.

После каждой постановки я смотрю, как из зала уходят люди. Они те же, что пришли на спектакль. И в то же время немножко другие: настроение у них необычное, приподнятое. Приятно сознавать, что мы подарили людям маленькое чудо: кого-то развеселили, кто-то задумался...

Я помню,— продолжает мой собеседник,— как важно и нужно было для людей радоваться, смеяться в трудные годы, когда беды войны обрушились на каждый дом. В армию меня не взяли по здоровью. Все, кто в силах был двигаться, уходили пешком, остальные попрятались. Когда наши войска ушли, над селом повисла зловещая тишина, слышен был только вой собак... Немцы сразу установили в селе свой «порядок»: ходили по нашей земле как хозяева, а нас и за людей не считали... У меня был спрятан детекторный приемник: ночью я слушал передачи, а потом рассказывал о них друзьям. Это было им нужно: ведь фашисты всем говорили, что взяли Москву, и попадались слабые люди, которые терялись, не знали, что делать. Среди таких был и один участник нашего кружка, Петром звали; он не выдержал, сам решил записаться на работу в Германию, но в последний вечер пришел ко мне за советом. Мы говорили с ним до рассвета, а рано утром он ушел в лес. Год прятался в лесу, а потом и мне пришлось к нему присоединиться: меня насильно отправляли в Германию. Спасся я только тем, что спрыгнул с поезда и скрылся...

Когда я вернулся домой после ухода немцев, в Диканьке догорали последние дома. Мой дом горел тоже. Колодцы завалены землей, тушить огонь нечем... Два года всем моим односельчанам пришлось жить в землянках. Но вот радость: от нашего клуба, построенного незадолго до войны, осталось целое крыло! И уже через месяц мы дали первый после освобождения концерт. Не знаю, как уж там все люди поместились: было очень тесно, зрители голодны и плохо одеты, но такой благодарной публики я, пожалуй, больше и не вспомню...

Я наблюдала за собеседником, пока он рассказывал свою историю. Лицо его все время оставалось спокойным, но выражение глаз за выпуклыми очками непрерывно менялось. Говорил он негромко, ровно, и впечатление было такое, будто рассказывает человек о чужой, а не о своей жизни... Вспоминая, как сам он прятал приемник и передавал людям сообщения Совинформбюро, Иван Никитович забыл сказать, что немцы за это расстреливали...

Что же входит в обязанности руководителя самодеятельного коллектива? Подбор репертуара, репетиции пьес, организация спектаклей. Но если должность эту занимает человек, неравнодушный к людям, у него получается нечто большее. Получается, что руководитель драмкружка прежде всего становится педагогом. Воспитателем людей.

Когда решили ставить «Синие росы» Миколы Зарудного, оказалось, что среди участников нет подходящего человека для роли бандита. А это образ яркий, гротескный. Внешность требуется особо выразительная. Приглядел Иван Никитович в городке одного парня — Василия Акимова, грузчиком работает. Очень подходящий! Но Акимов не соглашается идти в кружок: интересы у него другие — любит посидеть с друзьями, выпить... Стал по вечерам режиссер к грузчику в гости ходить. И что же, уговорил! А потом Акимов и сам пристрастился к творчеству, стал другим человеком.

Два года назад попросил отец Володи Дзюбы взять юношу в коллектив: жаловался, что парень совсем от рук отбился. Учился на курсах шоферов — не сдал; потом на мастера по холодильникам стал готовиться — тоже не вышло. Но не думайте, что неспособный, просто не хотел! Занятия кружка самодеятельности начал посещать из-за любопытства. А ключик к Володе все-таки нашелся. Сейчас Володя уже привык, увлекся. Учится он на курсах дизелистов, на этот раз точно уж их кончит!

— Я стараюсь, чтобы людям интересно было,— говорит Кодак.— Наверно, поэтому спектакли наши живут долго. Постоянно вывозим постановки в села. Некоторые руководители жалуются, что в селах, мол, площадок нет, играть негде. Покажут спектакль два-три раза — и конец. А ведь репетиции-то шли несколько месяцев! Жалко бросать работу! Мы каждую свою постановку бережем: показываем ее десятки раз, причем выездные спектакли устраиваем с обсуждениями... Если в селе есть свой драмколлектив, то это людям приносит двойную пользу.

Четыре года назад с глазами у Ивана Никитовича стало совсем плохо. Врачи запретили ему работать. Но не смог он долго сидеть без дела. Бродил по лесу и опять возвращался в клуб: ведь вся его жизнь здесь прошла... В то время попалась ему книга «Прощай, море» Василия Кучера. Понравилась. Написал он по ней пьесу и решил ее поставить. И снова началась работа с утра до вечера, работа, каждый день. Репетиции, читки, разбор эскизов новых декораций с художником...

Иван Никитович пишет историю клуба. Пятидесятый год не прекращается в нем работа. Тридцать из них прошли с повседневным участием режиссера Кодака.

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ В ИСПАНИИ

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

Да, всего двенадцать дней! Или так: целых двенадцать дней! Это как смотреть: иной день мелькнет в памяти, как вспышка магния, другой растянется на долгий год, и тебя неотступно преследуют мельчайшие его детали. Для каждого честного человека на земле, который помнит то, что произошло в 1936—1939 годах, Испания — это не просто еще одна страна в туристском дневнике. Это рубец на сердце. И каждый шаг по испанской земле — открытие, подтверждающее то, что живет в душе уже три с лишним десятилетия.

Вот наш комфортабельный самолет идет на посадку в Бильбао: под крылом синеватые горы, хвойный лес и рядом пальмы; пенистые зеленые волны вечно беспокойного Бискайского залива терзают желтый песок пляжей под обрывистым берегом; высокие трубы заводов перемежаются с готическими колокольнями, дым домен сплетается с приморским туманом. В аэропорту приветливые гиды вручают нам лакированные проспекты, начиненные красивыми фразами: «Бильбао — живая гармония холмов и моря, город, открытый кораблям всех флагов, динамичный и мирный, всегда бодрствующий в блеске сталелитейных печей, сейчас более чем когда-либо готов предложить вам свое гостеприимство». А память назойливо подсказывает: вспомни о другой посадке в Бильбао, совершенной другим правдистом первого июня 1937 года: Михаил Кольцов на тщедушном самолетике «Блох», ведомом, как он потом вспоминал, «диким» пилотом — «пилотом-одиночкой, некооперированным кустарем», неким Янгуасом, приземляется вот на этом желтом пляже в этой самой бухточке, через которую мы только что перемахнули на своей «Каравелле».

Вот в тихом зеленом городе Вальядолиде мы любуемся древним собором святого Павла, фасад которого — сплошное каменное кружево, над ним резчики трудились сто лет; глядим на дом, где родился король Филипп второй, принесший своей стране славу и горе, кровь и золото; бродим по залам колледжа отцов-доминиканцев, где собраны неоценимые артистические сокровища и среди них ни с чем не сравнимые деревянные скульптуры великого Алонсо Берругете, сотворившего их в XVI веке; входим в невысокий дом из белого камня массивной кладки, в котором жил Христофор Колумб. А у меня перед глазами неотступно стоит врезавшаяся в память на всю жизнь страница «Правды», на которой напечатана лаконичная — но какая красноречивая! — телеграмма из Мадрида: сегодня самолет мятежников сбросил здесь с парашютом на аэродром ящик, в котором было изрубленное топором мясника на куски тело республиканского летчика с надписью «Вальядолид».

Вот в древней Памплоне, бывшей некогда столицей пиренейского королевства, мы вдруг видим близ арены боя быков отлитый из меди бюст такого знакомого бородатого человека и читаем надпись: «Эрнесту Хемингуэю, лауреату Нобелевской премии, другу этого города и любителю его фиесты, которую он описал и прославил. Город Памплона, 1968 год». А за углом — мрачноватое грузное здание с надписью: «Наварра — своим мертвым, павшим в крестовом походе». Немного смущенный, гид поясняет нам, что это мавзолей, где погребены либо отмечены памятными табличками все сыны Наварры, павшие в гражданской войне. «Ведь это была война братьев, и смерть примирила их». Он даже показывает нам могилу с надписью: «Здесь погребены два брата, воевавшие с противоположных сторон». Но неумолимая память вновь и вновь подсказывает, как и почему погиб миллион испанцев в дни «крестового похода», о котором напоминает надпись, высеченная на фасаде мавзолея. Хемингуэй хорошо рассказал о тех, по ком звонил колокол, и, хотя сегодня ему здесь поставлен памятник, нельзя забыть, что в те трудные годы он был не с генералами Мола и Санхурхо, чьи надгробия стоят в центре наваррского мавзолея, а на «противоположной стороне», как дипломатично выражаются составители эпитафий.

И так повсюду: Гвадаррама, Толедо, Мадрид, — боже мой, конечно же, прежде всего Мадрид! — какой вихрь воспоминаний будоражит в мозгу посещение любого уголка этой страны. Воспоминаний о больших надеждах и горьких разочарованиях; о безумной храбрости народа, вставшего стеной на пути фашистских интервентов, и о неслыханном варварстве бессердечных гитлеровских летчиков из легиона «Кондор» и чернорубашечников Муссолини, превративших Испанию в опытный военный полигон, в площадку для разминки перед мировой войной; о доблести интернациональных бригад, пришедших на выручку попавшей в беду республике, и прежде всего советских добровольцев; о трагедии исхода потерпевшей поражение, но оставшейся непобежденной республики...

Но три десятилетия — это три десятилетия. И как ни остры трагические воспоминания, как ни впечатляющи они, разум все время подсказывает: пойми, подавляющее большинство этих людей родилось уже после гражданской войны. В тесных средневековых улочках древней Виттории, у подножия которой был разгромлен 21 июня 1813 года сам Наполеон, на бульварах такого же древнего Бургоса, в шумном Мадриде, в старинной Авиле, обнесенной трехкилометровой стеной с восемьюдесятью шестью башнями, в средневековом Толедо, на площадях которого инквизиторы когда-то жгли заживо еретиков, — всюду нас больше всего поражало обилие детей. С шумом и гамом они кружились повсюду, как стаи веселых галчат, и, глядя на них, я невольно думал о том, что нет на свете такой силы, которая могла бы намертво остановить могучий и вечный поток жизни. Сколько было на свете крестовых походов, называвшихся так или иначе, сколько плотин разного рода возводилось на пути социального прогресса, но жизнь брала свое. Рано или поздно. Иногда позднее, чем раньше. Иногда прямым, иногда обходным путем. Но все-таки она брала верх.

Да, одно поколение идет на смену другому. Одни проблемы сменяют другие. Национальная катастрофа 1939 года отбросила назад страну, которая вырвалась было далеко вперед по сравнению с ее западноевропейскими соседями. Но трагическая и славная история Испании знавала много страшных страниц. Ее народ привык терпеть и бороться, страдать и побеждать. И главное, он обрел на этом долгом и трудном пути завидное упорство и стойкость.

Мы видели в эти дни разных людей. Сильных и слабых. Бедных и богатых. Угрюмых и веселых. Мы видели роскошь и нищету. Нищету этот гордый народ не выставляет напоказ, но он ее и не прячет, считая это ниже своего достоинства.

Здесь, на мой взгляд, живут беднее, чем где бы то ни было в Европе, пожалуй, кроме такой же обездоленной Португалии. Американское агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало 6 февраля 1969 года, что национальный доход на душу населения в Испании составляет всего лишь 632 доллара.

Но я нигде не видел опустившихся, павших духом людей. Испанцы никогда не жалуются. Они настойчиво ищут выход из самых трудных положений. Им платят за работу очень мало, буквально гроши, и прожить на заработную плату нельзя. Они протестуют. Бастуют. Борются. А пока им не удалось настоять на своем, берутся за добавочную работу по вечерам, чтобы что-то подработать. Директор школы журналистов и политический обозреватель католической газеты «Йа» Бартоломео Монтаса рассказывал нам:

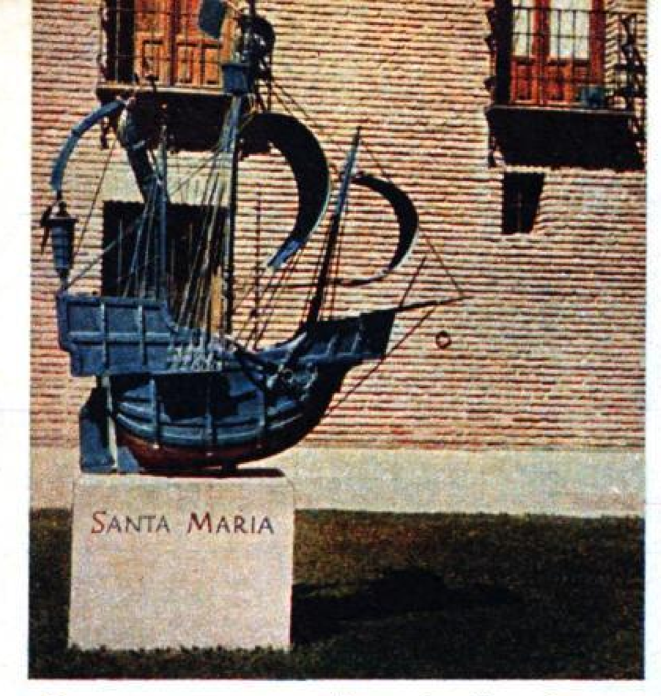
— Система совместительства у нас — обычное явление. Тот, кто хочет жить более или менее прилично, работает четырнадцать часов в день. Рабочий с семи часов утра работает на одном предприятии, вечером подрабатывает на другом. Интеллигенция в таком же положении. Я, например, работаю утром пять часов в одном учреждении, вечером шесть часов — в другом.

Редактор отдела иностранных новостей той же газеты сказал нам, что у него три службы: с утра он редактирует один журнал, после обеда составляет образовательные радиопередачи, а с девяти часов вечера до четырех утра работает в редакции газеты. Спит урывками.

— Без этого я не мог бы обеспечить семье пристойный образ жизни, — сказал он. — Зато у меня теперь приличная квартира, телевизор, холодильник и даже малолитражный автомобиль. Правда, все это приобретено в кредит, и мне еще предстоит довольно долго оплачивать стоимость приобретенного...

И все же было бы несправедливо сказать, что в Испании все без перемен. Пусть медленно, пусть мучительно, пусть окольными и неверными путями, она все же движется.

Мне запомнилась наша беседа в редакции уже упомянутой католической газеты «Йа», куда любезно пригласили нас, советских журналистов, совершавших туристскую поездку по Испании, — в этом тоже, если хотите, какое-то знамение времени: давно ли всего, что относится к Советскому Союзу, здесь страшились как исчадия ада? Правда, главный редактор га-

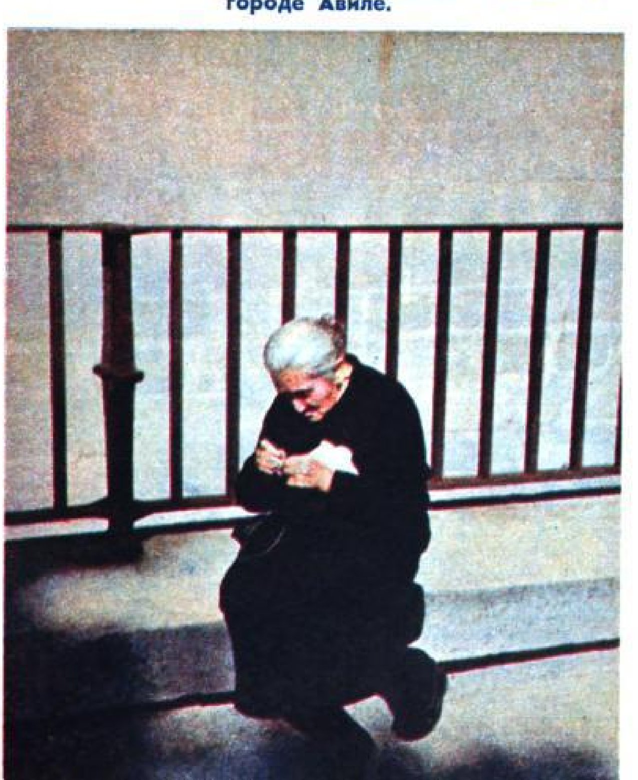

У дома, в котором жил Христофор Колумб в городе Вальядолиде. На пьедестале — модель корабля Колумба.

Старинная улочка в Памплоне.

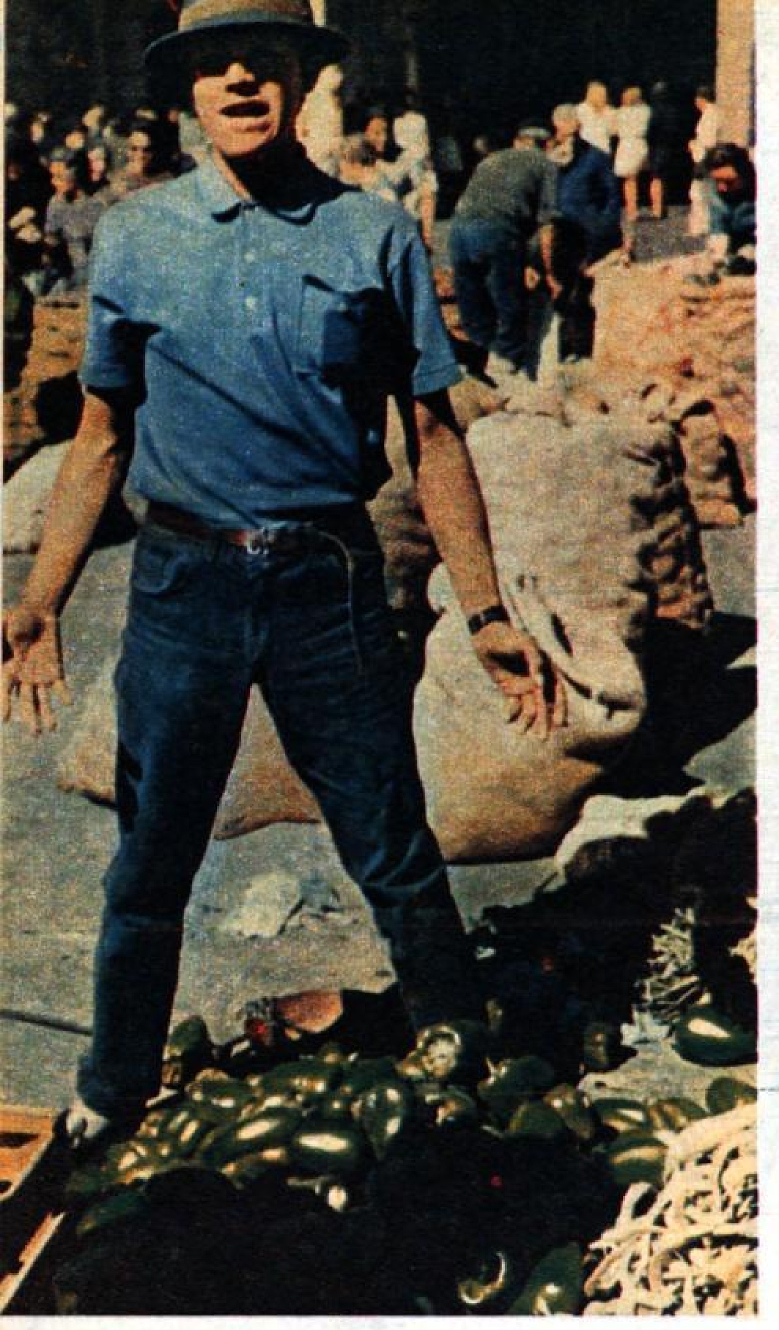
Во всех странах мира почтенные матери семейств увлекаются вязанием. Этот снимок сделан в городе Авиле.

Памятник Сервантесу в Мадриде. На переднем плане знакомые фигуры: Дон Кихот и его верный оруженосец Санчо Панса.

Город Сан-Себастьян раскинулся на берегу Бискайского залива.

— А вот кому перца и фасоли! — взывает крестьянин на базаре в Авиле, расхваливая свой небогатый товар.

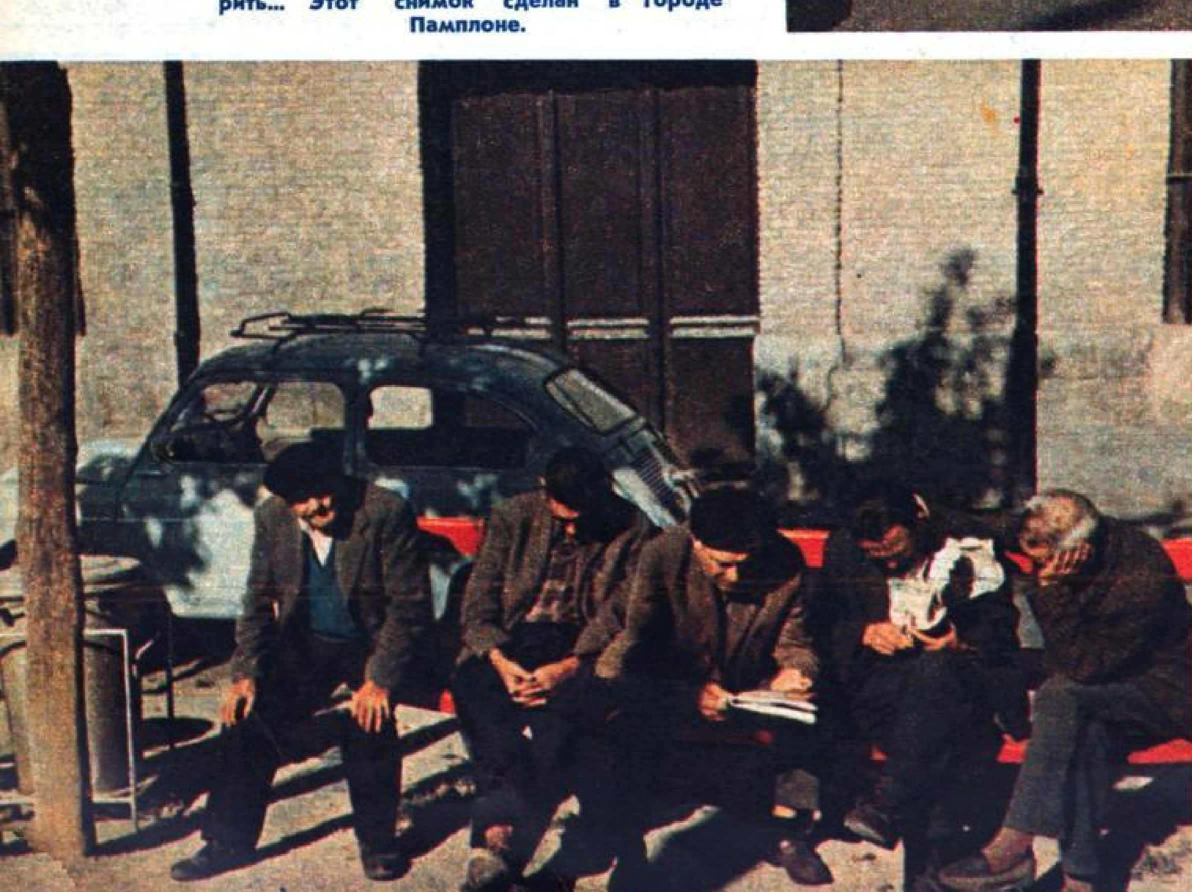
Памятник великому художнику Гойе у знаменитого музея «Прадо».

Неожиданная встреча в Бильбао.
— Неужели вы из Советского Союза! Из самой Москвы!

Танцуют школьницы страны басков.

У стариков всегда найдется о чем поговорить... Этот снимок сделан в городе Памплоне.

А эта бабушка тоже торгует на базаре в Авиле. Она уже устала зазывать покупателя. Будь что будет...

зеты сеньор Рафаэль Салазар явно чувствовал себя не в своей тарелке. Но его подчиненный Энрике Монсальво Альмедьевар уже дважды побывал в Москве.

Вот там-то, в этой самой редакции, политический обозреватель Бартоломео Монтаса и рассказывал нам об экономических проблемах сегодняшней Испании. Говоря откровенно, я не сказал бы, что его рассказ блистал объективностью. И все же некоторое представление о послевоенном пути этой страны он дал.

— Началом нашего послевоенного экономического развития,— говорил он,— мы считаем 1949 год. Но мы, как вы знаете, не пользовались помощью по плану Маршалла и могли рассчитывать только на себя. До 1958 года Испания была, по сути дела, блокирована, и только после этого начался новый этап: мы получили первый крупный заем. Затем начался приток иностранного капитала: американские, английские, французские, итальянские фирмы начали строить в Испании свои предприятия — ведь у нас дешевая рабочая сила. В то же время была организована массовая трудовая эмиграция наших рабочих в западноевропейские страны,— туда выехало около миллиона человек. Наконец, были широко распахнуты двери для иностранных туристов: пятнадцать лет назад к нам приезжали из-за границы два миллиона гостей в год, а в прошлом году в Испании побывало уже более девятнадцати миллионов туристов, которые оставили здесь более 1,2 миллиарда долларов, это 82 процента суммы, получаемой от экспорта всех испанских товаров. Кстати, запомните такую деталь: поступления валюты от туризма покрывают 57 процентов нашего внешнеторгового дефицита...

Сеньор Монтаса сказал нам, что с 1964 года правительство Испании пытается ввести плановое начало в экономику — тогда был составлен первый четырехлетний план экономического и социального развития, а 9 октября 1968 года правительство утвердило второй план, рассчитанный до 1971 года, этим планом предусмотрены рост валового национального продукта на 5,5 процента в год, увеличение национального дохода на душу населения до 800 долларов, создание в промышленности миллиона новых рабочих мест и т. д.

Насколько реальны такие показатели? Этот вопрос сеньор Монтаса деликатно обошел; что же касается иностранных, главным образом английских источников, то они настроены на сей счет весьма скептически, учитывая довольно печальный опыт первого плана, который в значительной мере остался на бумаге; к концу 1967 года дела пришли в полное расстройство, и понадобилось девальвировать песету, уменьшив ее стоимость на 16,66 процента. Единственное, в чем можно не сомневаться,— это в дальнейшем росте иностранных капиталовложений: зарубежные монополии летят сюда, словно мухи на мед.

Куда бы мы ни поехали, какой бы город ни посетили, всюду мы видели одну и ту же картину: подъемные краны, леса, бетономешалки. Стройка идет повсюду, но, как правило, национальная буржуазия делит прибыли с иностранными фирмами; в древнем Бургосе вырос огромный индустриальный пригород, там мы видели вывески доброго десятка знакомых иностранных фирм от американской «Файрстоун» до французской «Рено». В Вальядолиде такая же картина. В Виттории то же зрелище. Гиды горделиво нам говорили: «Смотрите, какой высокий темп! Наша пресса уже говорит об испанском чуде!»

В самом деле, если отвлечься от темы о том, кому принадлежит большинство новых предприятий и чьи капиталы хозяйничают в стране, может получиться довольно внушительная картина. В толстых справочниках «Хроника года», которыми нас любезно снабдил правительственный офис информации, сказано, что в 1968 году по сравнению с 1960-м национальный продукт в твердых ценах увеличился на 91,9 процента. По производству автомобилей Испания вышла на девятое место в мире. В июле 1969 года вступила в строй первая в Испании атомная электростанция, правда, она будет использовать уран, обогащенный в Соединенных Штатах Америки (в Испании крупнейшие в мире залежи урана, но обогащать его она пока не в состоянии).

Но при всем при том мы в эти же дни читали в газетах, что 23 члена кортесов — испанского подобия парламента — обратились в правительство с взволнованным письмом. «На многих наших основных предприятиях,— писали они,— господствуют иностранцы, а в руководстве многими другими участвует лишь незначительное меньшинство испанцев». Эти члены кортесов высказывали обоснованную тревогу по поводу того, что в 1968 году Испания уплатила за границу огромную сумму — 10 миллиардов песет — в виде концессионных платежей или возмещения за так называемую техническую помощь.

Испанская общественность все громче высказывает озабоченность по поводу поистине чудовищного нарушения равновесия внешней торговли страны. Судите сами: в 1968 году Испания сумела продать своих товаров на 1 589 миллионов долларов, а ввезла к себе из-за границы на 3 522 миллиона. Чистый дефицит — 1 933 миллиона! Итоги первого полугодия 1969 года столь же неутешительны...

Торговать с социалистическими странами испанские фирмы начали в 1957 году. С тех пор объем этой торговли увеличился вчетверо. Испания строит грузовые суда для Польши, шлет апельсины в Чехословакию, продает легковые машины Югославии. Она ввозит уголь из Польши, мясо из Болгарии, цемент из Германской Демократической Республики. На последней ярмарке в Барселоне были представлены уже шесть социалистических стран. Испанские фирмы, в свою очередь, были представлены на недавней международной выставке обуви в Москве.

Испанские купцы поначалу с опаской подходили к торговле с социалистическими странами: слишком силен был насаждавшийся на протяжении десятилетий антикоммунистический психоз. Но дела есть дела, и, сравнивая эту торговлю, построенную на взаимной выгоде, с волчьими законами их отношений с партнерами на Западе, они понемногу начинают действовать смелее.

Что же говорить о простом народе, который на протяжении долгой и мучительной черной ночи, опустившейся на Испанию в 1939 году, не переставал верить в то, что рано или поздно правда о жизни СССР и социалистических стран придет в Испанию! «Вы даже не можете себе представить, какую уйму самых страшных вещей за эти тридцать лет нам рассказывали про вас, советских»,— сказала мне учительница математики в Сан-Себастьяне и вдруг добавила: — А все-таки мы любим вас».

«Мой старший брат был политическим комиссаром в республиканской армии,— говорил мне мадридский журналист.— Он погиб. Мой отец был солдатом-республиканцем. Он попал в концентрационный лагерь, вышел оттуда инвалидом и вскоре умер. Я в 1939 году был мальчиком. Начал жизнь с нуля. Сейчас работаю в газете. Политикой не занимаюсь. Но я хочу напомнить вам: у тех, кто был побежден в 1939 году, есть дети. И эти дети помнят, что сделал Советский Союз для их отцов». Молодой клерк в Бильбао — степенный, круглолицый, тщательно причесанный и выбритый до синевы в щеках юноша — сказал нам: «Коплю деньги на поступление в дипломатическую школу и изучаю русский язык. Я уверен, что рано или поздно будут установлены дипломатические отношения с СССР, и мечтаю поехать в Москву хоть самым младшим, хотя бы техническим сотрудником посольства».

Мы проехали сотни километров по испанской земле, побывали во многих городах, и всюду нас принимали радушно. Особенно запомнились встречи с испанцами, вернувшимися из СССР, который в трагические дни исхода борьбы республиканцев предоставил им убежище и на протяжении десятилетий помогал им. Многие из них были тогда крохотными детьми. Мы вспоминали, как трогательно встречали наши люди пароходы с ними. Дети выросли, получили образование, начали работать. Но родина есть родина, а в Испании бытует поговорка: когда испанец возвращается на родину, он рождается второй раз. Эти люди знали, что их ждут суровые испытания: можно оказаться без работы, можно даже попасть в тюрьму. Но они упрямо говорили: «Наше место там».

В рабочем пригороде Бильбао под названием Бегонья, на площадке у древней церкви, шел детский праздник. Один паренек насвистывал на флейте, другой отбивал дробь на барабанчике, детишки плясали и пели. Родители, дедушки и бабушки окружали их тесным кольцом. Картина была трогательная, и только выбитая на стене церкви надпись о том, что три десятка лет назад как раз в этом месте был сбит самолет, на борту которого находился генерал мятежников Мола, напоминала о том, где мы находимся, и о том, что далеко не все тут столь идиллично, как кажется. Вот и совсем недавно здесь проходили мощные забастовки металлургов, бурные манифестации басков, требующих автономии, утраченной в 1939 году, военные трибуналы судили людей по законам чрезвычайного положения. Но сейчас сияло солнце, детские голоса звенели, как серебряные колокольчики, и участники нашей туристской группы усердно щелкали фотоаппаратами. И вдруг мы услышали: «Господи, вы говорите по-русски? Откуда вы? Как, неужели из самой Москвы?» Женщина лет сорока со светящимся от радости лицом подошла к нам. «Откуда я знаю русский язык? Да ведь я выросла в Советском Союзе! Меня привезли туда девочкой в 1936 году».

Наша новая знакомая вписала мне в записную книжку: «Висента Сан Кристан. Преподавательница танцев. СССР — 1936—1956».

— Вы знаете,— сказала Висента,— я окончила ГИТИС. Я могла остаться у вас, стать актрисой, работать в театре. Но я помнила: в моих жилах течет испанская кровь. Я знала, что в моей стране басков нелегкая жизнь,— ведь я, как все, читала газеты. И все же решила: надо ехать...

Судя по всему, воспитаннице ГИТИСа, которую мы встретили на земле басков, судьба не принесла большого счастья: в театр здесь, конечно, она не попала, живет случайными уроками. Но у испанцев не принято жаловаться на судьбу, и Висента лишь расспрашивала нас о Москве, расспрашивала жадно, страстно: все-таки там остались двадцать лет ее жизни, и, может быть, лучшие ее годы.

А вот еще одна встреча — встреча с человеком, о судьбе которого можно было бы написать увлекательный роман. Антонио Герретито — назовем его так — было всего шестнадцать лет, когда вспыхнул мятеж против молодой Испанской республики. Он сразу же записался добровольцем — бить фашистов. И ему безумно повезло: его не только взяли в строй, но и послали в Советский Союз учиться на летчика. У него оказались недюжинные способности, и уже через четыре месяца после учебы в летной школе в Кироваконе он стал пилотом. Антонио сражался в небе Испании против гитлеровских асов из «Кондора» под командованием советского добровольца Осипенко. Когда потерпевшие поражение, но непобежденные республиканцы были вынуждены покинуть Испанию, Антонио удалось добраться до Советского Союза.

Передышка была недолгой. 22 июня 1941 года, услышав по радио, что гитлеровцы вторглись на советскую землю, Антонио опять записался добровольцем: ведь это было продолжение той самой войны, которая началась в Испании. Его включили в отряд специального назначения: под командованием советского офицера Старинова он орудовал в тылах гитлеровцев, совершал серьезнейшие диверсии. Потом произошла встреча с полковником Осипенко, тем самым, под командованием которого Антонио воевал в Испании. «Ты же летчик,— сказал Осипенко,— давай воевать вместе, я тебя устрою в свой полк». И Антонио снова сел в кабину самолета. Он воевал в Сталинграде, встречался там со своим другом Рубеном Ибаррури, который сражался в наземных войсках, потом дрался с гитлеровскими летчиками под Моздоком, на Северном Кавказе, потом служил в противовоздушной обороне нефтяных промыслов Баку... Войну кончил майором, командиром авиационного полка.

В 1948 году Антонио демобилизовался. Пошел на учебу. Потом стал преподавателем испанской литературы в Московском институте иностранных языков. Женился на молоденькой веселой студентке, назовем ее Катей Ивановой. Жизнь складывалась ладно.

Иной раз думалось: совсем обрусел ты, Антонио, наверное, судьбой на роду тебе написано жить и умереть в усыновившей тебя стране. Но память неизменно воскрешала запомнившиеся на всю жизнь картины воздушных битв в испанском небе, трагического исхода, новых битв с гитлеровцами. И когда появилась возможность вернуться в Испанию, сердце подсказало: будь что будет, надо ехать, как бы ни велик был риск.

Но как быть с Катей? Ну что ж, она не из трусливого десятка. «Поедем вместе»,— твердо сказала Катя. И вот они мадридцы. Ох, и хлебнули же горюшка на первых порах! Не было работы. Были частые вызовы в полицию. Антонио пробавлялся случайными уроками и переводами с русского языка. Но все течет и все меняется в мире и даже в Испании. И то, что еще недавно казалось немыслимым, становится реальностью. Тридцатилетняя борьба народа, хотя и с огромными потерями и издержками, начинает давать некоторые, пусть еще далеко не достаточные, результаты. Представьте себе, даже такие люди, как Антонио, который считает ниже своего достоинства скрывать свои политические убеждения, симпатии и антипатии, приобретают сейчас, на пороге семидесятых годов, возможность работать, правда, не на правительственной службе.

Больше того, Антонио рассказывал нам, что в некоторых книжных магазинах Мадрида сейчас можно найти книги мучеников гражданской войны в Испании — Антонио Мачадо и Гарсиа Лорки — и даже произведения В. И. Ленина. В журнале «Семана» («Неделя») я прочел интервью с находящимся в эмиграции Рафаэлем Альберти и Марией-Терезой Леон. В гостинице «Авенида» в Бильбао мы с удивлением увидели большую репродукцию с знаменитой картины Пикассо «Герника», и гид показал нам опубликованное в газете поразительное заявление директора нового музея современного искусства в Мадриде Луиса Гонзалеса Роблеса: «Сам генерал Франко выразил желание видеть в Испании произведения Пикассо, в особенности (!) картину, изображающую бомбардировку баскского городка Герники немецкой авиацией во время гражданской войны. Конечно,— признал г-н Гонзалес Роблес,— Герника была политическим протестом. Но это также шедевр». В правительственном офисе информации нам показали кинофильм «Девять писем Берте», посвященный острой проблеме: сын офицера-франкиста любит дочь политического эмигранта; они исповедуют революционные взгляды; отец пытается заставить сына порвать связь, которая представляется ему преступной.

Еще несколько лет тому назад такое было немыслимо в Мадриде. Конечно, не следует переоценивать все это,— ласточки далеко не всюду делают весну. И все же подобные проблески о чем-то говорят. И прежде всего о том, что упорная, часто кровавая и всегда мучительная, требующая жертвенности борьба испанского народа за лучшую долю не проходит напрасно.

Везде и всюду мы слышали — иногда в прямой, откровенной форме, иногда в виде завуалированных намеков — рассуждения о будущем. Я бы сказал, что Испания живет сейчас ожиданием. Не революции — нет, но каких-то перемен: ведь люди не вечны, и те, кто тридцать лет назад захватил здесь власть, уже скоро должны будут уступить свое место другим. Но кому?

Наши собеседники часто спорили между собой, но в одном, кажется, сходились все. «Нельзя принимать слишком всерьез недавнее решение о провозглашении принца Хуана Бурбонского будущим монархом Испании,— говорили нам.— Если он действительно сядет на трон — а полной уверенности и в этом нет,— то править все же будет не он, а тот, у кого реальная власть: либо церковь, либо армия».

— Короче говоря, это дилемма между греческим режимом «черных полковников» и «христианской демократией»,— пояснил нам журналист одной католической газеты.

И тут мне вспомнились любопытные строки, написанные без малого семьдесят лет назад знаменитым русским журналистом Власом Дорошевичем, побывавшим тогда в Испании, которая и в то время ждала перемен. «Король Альфонс XIII, шестнадцатилетний юноша,— писал он,— в трудную минуту возлагает на себя корону. Он вступает действующим лицом в трагедию. Оставшись вдовой с малюткой сыном, королева-регентша сохранила ему Испанию. Но как? Так в старину, когда умирал помещик, сохранялось преданной старушкой ключницей до приезда наследника все, что было в доме... И вот наследник приезжал. «Все, все цело! До последней ниточки!» Все покрылось пылью, заржавело, заплесневело в сыром темном доме. И когда вынимали полысевшие шубы, от них поднимались тучи моли, и мех клочьями сыпался на пол. Что это за съеденная молью страна Испания!» И Влас Дорошевич, задумываясь о будущем этой страны, приходил к выводу: «Правительство и страна в Испании — это не одно целое. Это два врага, которые все время борются... Секрет власти в Испании, по мнению правящих сфер, это чтоб армия и церковь были как можно ближе друг к другу, чтоб они были слиты в одно целое. И чтоб эти две могучие силы, слитые воедино, были на стороне правительства. К этому стремятся, но этого не могут достигнуть».

Мы помним, чем кончил Альфонс XIII: в 1931 году он сбежал из Испании, опасаясь возненавидевшей его страны. Сейчас наследником его «облысевших шуб» выступает внук Альфонса Хуан, воспитанный в духе тех идей, которыми вдохновлялась армия, поднявшая мятеж против республики. Но и теперь, как и тогда, не удается достигнуть того, «чтоб армия и церковь были как можно ближе друг к другу, чтоб они были слиты в одно целое». Об этом выразительно напоминают многие демонстрации протеста, возглавляемые священниками, и бесчисленные приговоры военных трибуналов этим священникам — их сажают в тюрьму на десять, пятнадцать, двадцать лет по обвинению в мятеже: дальновидные церковники понимают, что лучший способ сохранить влияние в народе — это не разрушать его чаяний, а поддерживать их...

Сложна и многообразна действительность сегодняшней Испании, и было бы пустым фанфаронством уверять, будто нам удалось разобраться в ней во всех деталях за эти двенадцать дней. Но впечатлений мы вывезли оттуда уйму, и это острые и сильные впечатления. И самое большое и радостное из них — это ощущение непреходящей и вечной силы гордого и свободолюбивого народного духа Испании.

И вот последний штрих, которым мне хотелось бы закончить эти в силу обстоятельств пестрые и далеко не полные заметки. Сан-Себастьян — городок, лежащий на краю наполненной синей бискайской водой чаши залива, напоминающего по форме большую морскую раковину. Яркое солнце слепит глаза. Веселый морской ветер ерошит прибрежные пинии. С высоты своего постамента каменный герой Испании Хуан Себастьян Элькано взирает на расшумевшихся школьниц католического колледжа, вокруг которых сердито квохчут похожие на больших наседок черные монахини.

Это он, Хуан Себастьян Элькано, в XVI веке отправился с Магелланом в первое кругосветное путешествие и, когда Магеллан погиб, возглавил экспедицию. За этот подвиг народ чтит его сотни лет. Вот и сейчас у подножия статуи Элькано толпится народ, любуясь его мужественным, открытым лицом. Но рядом с памятником какой-то конъюнктурщик в сороковых годах приладил часовню в память сомнительных деяний мятежников. Вероятно, он рассчитывал, что в сознании людей подвиг Элькано как-то распространится и на эти деяния и прикроет их своим престижем. Но даже сейчас эта часовенка выглядит как чужеродный придаток к славе Элькано, и люди равнодушно проходят мимо нее.

А внизу набегает волна за волной на желтый мягкий песок, слизывая оставленные кем-то следы. Вот они стали менее ясными. Вот они расплылись. И вот уже их нет совсем, и голубоватая прозрачная волна, сверкая радугой, весело бежит по песочной глади.

Я невольно любовался этим прибоем, с наслаждением вдыхая крепкий, соленый воздух Бискайи, и с восхищением думал о том, какая же это великолепная и могучая штука — вечная жизнь природы и народа.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

2

Их встретили весьма приветливо. И мама, располневшая, но не утратившая следов былой красоты, и дочка Марина, стройненькая, русоголовая, с высокой белой шейкой и большими, как у мадонны, зелеными глазами. Сдержанно и несколько сухо раскланялась находившаяся тут же молодая женщина, отрекомендовавшаяся Олей. Но сухость и сдержанность быстро исчезли. Милое лицо ее все чаще озарялось улыбкой. Внешне Ольга оказалась удивительно похожей на свою подругу. И ладно, спортивно сложенной фигурой, цветом глаз и волос. Девушек легко было принять за латышек. Но, судя по акценту, Ольга — иностранка. А имя русское — странно!

Бахарев ничем не выдал своего удивления, поддерживая оживленный разговор и со студентками и с хозяйкой дома — она действительно оказалась таким же фанатиком-филателистом, как и ее сосед. Редкостная марка, принесенная Бахаревым, стала объектом тщательного исследования и подробного комментария. И неизвестно, сколь долго длился бы этот филателистический диалог, не вмешайся Марина, девушка, весьма резкая в суждениях...

Через день Птицын с утра заглянул в кабинет Бахарева.

— Какие вести?

— Пока весьма скромные, но кое-что для работы серого вещества уже имеется. Собирался сейчас к вам с докладом... Первая документация...— И он протянул Птицыну два листа бумаги.

Подполковник поудобнее устроился в единственном мягком кресле, стоявшем в углу скромного бахаревского кабинета, и погрузился в чтение. В докладе действительно оказалось немало материала для раздумий и некоторых, правда, весьма противоречивых выводов. Прежде всего — мама. «Аннушка», доктор Васильева. Тут, кажется, все ясно. Запрошенные из архива материалы подтвердили все, что сообщил Гринбаум.

Теперь дочка — Марина. Экстравагантная девчонка. Впрочем, судя по возрасту, уже не девчонка. На последнем курсе факультета иностранных языков. Поздно поступила в институт. Всякие тут трудности были... Один «папа» чего стоил... Зла, ядовито-насмешлива. Гринбаум сказал о ней: «Девушка одержима этаким зудом всеотрицания. Все подвергает сомнению. Все... Все низвергает». Отчасти можно понять: хлебнула горя. Хотя, когда речь зашла об арестах в конце тридцатых годов, она вдруг огрызнулась: «Так уж совсем и не было никаких врагов народа?! Слова, может, и не совсем точны, но сути не меняют...» Бахарев обратил внимание, как Анна Михайловна в те мгновения настороженно и даже со страхом следила за дочкой. А Марина «палила», словно из пулемета.

Ну и, наконец, Оля. Что скажешь о ней? Миловидная, приятная, деликатная. Восторженно говорит о Советском Союзе, советской молодежи. Учится в мединституте... Родители жили когда-то в России, под Саратовом. Отец — немец. мать — русская. Судьба забросила их в Гамбург. Прожили они там лет десять. Потом кочевали по разным странам и континентам, пока торговые дела не заставили всерьез и надолго отдать якорь в столице маленького европейского государства. Там и родилась Оля. Нарекли ее именем бабушки со стороны мамы. Русский язык, русские обычаи, русская кухня всегда с почтением принимались в этом доме всеми — от мала до велика. И Оля сравнительно хорошо говорила по-русски не только потому, что уже третий год живет в Москве и учится в мединституте. Матушке было угодно, чтобы русская речь всегда звучала в их доме.

Откуда пошла дружба Оли с семьей доктора Васильевой? Поначалу Бахарев объяснил сам себе все это просто: две студентки, две подруги. Но из не очень связных рассказов болтушки Марины узнал, что, когда Оля собиралась в Москву — в порядке обмена студентами,— друг их семьи попросила передать Анне Михайловне привет и небольшой сувенир. И тут же сказала: «Нас сблизила горькая участь — жили в одном лагере, были в одной подпольной группе. С Анной мы изредка переписываемся. Очень рекомендую ее. Большой души, светлого ума человек. У этой женщины тяжелая судьба и очень доброе сердце. Тебе, Оля, будет уютно в их доме...» Ей действительно было уютно в этом доме. Иностранную студентку приняли тепло, радушно. Марина и Оля скоро подружились.

Что же, для первого сообщения достаточно. Сложный, с неравными сторонами, четырех-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 4.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

угольник: Фридрих, Анна, Марина, Ольга. Где перекрещиваются их дороги, с какого из этих четырех углов тянется нить к «Доб-1», к тайнику в Донском монастыре? И есть ли эта нить? А если да, то от кого и куда? И еще один немаловажный вопрос: что представляет собой Эрхард сегодня? Птицыну кое-что известно о его послевоенной жизни. А Гринбаум умолчал: где он и что делает сейчас, бывший учитель немецкого языка? Почему филателист умолчал: по незнанию или умышленно? А мама и дочка — они знают? Что знают?

Настораживало одно обстоятельство, документально установленное, зафиксированное в архивных материалах. Несколько лет назад в Москву приезжал иностранный «турист» Альберт Кох, состоявший, как и сейчас господин Эрхард, на службе у американской разведки. На второй день своего пребывания в Москве гость встретился с Мариной в кафе «Метрополь», передал ей привет от папы и сувенир — две шерстяные кофточки: маме и дочке. Разговор у них был тогда недолгий. «Турист» сообщил дочке, что отец ее занимается литературной деятельностью, работает над большим исследованием, посвященным советской литературе.

Птицын перечитывает давнюю запись и по обыкновению начинает разговаривать сам с собой. Бахарева это не очень устраивает, и, уловив паузу, когда подполковник о чем-то задумался, он подает голос:

— Улика весьма серьезная. Думаю, что мы напали на след.

— А мама? Она знает об этой встрече с «туристом»?

— Как же иначе? Сувенир-то надо было ей как-то передать... Может быть, главное действующее лицо она и есть?

— Какие основания?

Бахарев молчит. Есть только интуиция, первые впечатления от личного знакомства. Сказать об этом Птицыну он не решается да и сам себе не хочет признаться в зыбкости такой версии. Птицын знает эту его слабость. Может, поэтому Александр Порфирьевич, не ожидая ответа, ставит все новые и новые вопросы, незаметно очерчивая таким образом схему операции.

— А Ольга? Ее роль какова? Ты обратил внимание, Николай Андреевич, на одну деталь в архивных материалах: и Эрхард и его друг «турист» частенько наведываются в тот самый город, откуда прибыла Ольга. А в городе том, как тебе известно, действует филиал разведцентра. Возможно, что...

— Ну, это уже из области догадок, предположений,— прерывает Бахарев. Он говорит, не повышая голоса, но с явно иронической интонацией.

— Да, пока догадки, не подтвержденные, не документированные. Хотелось бы, в частности, иметь более подробные сведения о той семье, которая рекомендовала Ольгу.

— Мы уже знаем, что это за семья. Женщина находилась в концлагере вместе с доктором Васильевой. Ведь так можно тень бросить и на...

— Тень ни на кого не надо бросать. Нужны факты, проверенные, установленные. А пока мы с тобой лишь гипотезы выдвигаем.

...Вот уже целый час сидят они друг против друга, взвешивая все «за» и «против». Послушаешь их и не поймешь, кто тут старший по званию, кто начальник. Грузный, высоколобый и рассудительный Птицын или вихрастый, несколько эмоциональный Бахарев с озорными глазами. Они что-то предлагают, отвергают, в чем-то сомневаются и с кем-то спорят. Для них ясно пока одно: есть основания серьезно заняться новыми знакомыми Бахарева. Птицын резюмирует:

— Будем считать так, Николай: вопрос первый и, пожалуй, главный для нас — есть ли какие-то связи у Фридриха с его бывшей семьей? Вопрос второй — нет ли нитей от Фридриха к Ольге, хотя они и живут в разных странах? Вопрос третий — связь Ольги с семьей доктора: кто в ком и почему заинтересован?

Решение принято такое: Бахарев должен чаще бывать у Васильевых...

Задача эта оказалась несложной. Марине было не безразлично, увидится ли она с Колей. Все в нем нравилось ей, даже то, что был он слегка небрежен в одежде. Обаятельный, остроумный рассказчик, внимательный слушатель, всегда готовый сделать доброе, приятное,— таким он ворвался в ее жизнь. Они встречались часто. И вдвоем и в компании.

Бахарев жил недалеко от Речного вокзала. Поздними вечерами они частенько гуляли по здешнему парку, у притихших в ту осеннюю пору причалов. Николай вполголоса читал Тютчева и Есенина, Маяковского и Светлова. И очень редко, лишь после настойчивых просьб — свои, лирические. Марина была ласкова и благодарна: считала, что ей посвящены эти стихи, что «это она явилась, как неразгаданная тайна», что это она и есть та самая, от которой «сердцу поэта стало теплее».

Поэт не кривил душой: она действительно осталась для него «неразгаданной тайной». Все оказалось куда сложнее. При ближайшем знакомстве Марина предстала не такой уж взбалмошной. И круг ее интересов был куда шире, чем предполагал Бахарев. Много читала, многое знала, неплохо разбиралась в живописи, на многое имела свою особую, правда, порой весьма спорную, точку зрения, которую не всегда было легко опровергнуть.

Как-то, возвращаясь из театра Пушкина, они решили прогуляться по бульвару. На затемненных аллеях, уютно устроившись на скамейках, шептались парочки. Марина озорства ради потащила Колю на эти аллеи «вспугнуть птенчиков», а он запротестовал:

— Не надо, Марина... Я ведь тоже не всегда принадлежал к числу счастливых обладателей собственной комнаты... А тебе самой не приходилось вот так?..

— Нет, никогда...— Она оборвала его резко и многозначительно.— Мой девиз: все или ничего. Причем желательно все... Я многого была лишена... Я тебе никогда не рассказывала про...

Она задумалась, затем кивнула головой, нахмурилась.

— Не буду... Не хочу... Потом как-нибудь...

— Почему?

— Не спрашивай.

Они шли молча. Каждый думал о своем. Бахарев пристально взглянул на Марину: «Вот тебе, Бахарев, еще одна загадка! «Потом как-нибудь...» Расскажет ли? А может, это ничего не значащая чепуха... Девичий каприз... Не похоже. Откроется ли? Доверяет ли? Как будто бы да... Но не игра ли это?..»

Стояла хмурая осень. Злой, порывистый ветер шумел в ветках уже оголившихся деревьев. Они шли по Гоголевскому бульвару навстречу ветру. Бахарев первым прервал молчание, начав по обыкновению декламировать стихи. На память пришли тютчевские:

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас...

Он улыбнулся, снова посмотрел на Марину.

— Тебе понравились стихи? Не слушала? Как же так? О чем-то думала?

— Да... Об одном товарище по имени Николай.

Марина взяла его под руку. Он искоса бросил взгляд на ее лицо — оно светилось радостным ощущением; будто она почувствовала, что и ее спутник охвачен приятным волнением. Бахарев ласково спросил:

— Любопытно, какие такие невеселые мысли навевает фигура скромного литератора?

— Я не склонна к шуткам. Что я знаю о тебе, скромный литератор? Налетел вихрем, разметал все условности. И все пошло ходуном...

Поворот, несколько неожиданный для Бахарева. Ему казалось, что о себе он в разное время по разным поводам уже говорил Марине. Студент-заочник Литинститута. Сейчас пишет повесть. Где-то в Сибири газета опубликовала первые стихи молодого поэта, а сейчас тамошний альманах принял новый цикл его стихов. Так что теперь он при деньгах и может позволить себе заняться повестью. В этой версии была и доля правды. Пожалуй, он может поведать Марине кое-какие подробности, отнюдь не вымышленные.

— Ну что же, Марина, будем исповедоваться... Так, что ли?

Она ничего не ответила, вызов настроиться на шутливый тон не приняла. Снова наступило тягостное молчание, на сей раз нарушенное Мариной:

— По-настоящему я испытала чувство любви только один раз, и оно было безжалостно растоптано...

— Кем? Как?

— ...Вадим был студентом Института международных отношений, а я... Для него я была переводчицей из почтового ящика... Я скрыла, что судьбе угодно было сделать меня няней детского сада. Но тогда я была благодарна и за это. Мама находилась в местах суровых. А отец...

Она умолкла. Бахарев — в напряжении: скажет ли?

Марина продолжала, но говорила так, будто скрупулезно взвешивала каждое слово:

— Ну что же, будем, как ты изволил выразиться, исповедоваться... «Ты слушать исповедь мою сюда пришел, благодарю. Все лучше перед кем-нибудь словами облегчить мне грудь».— Марина исподлобья посмотрела на Бахарева.— Как видишь, и меня иногда выносит на поэтическую орбиту. Итак, про отца...

Она рассказывала долго, но сбивчиво. Порой умолкала, словно обдумывала что-то, снова говорила. Теперь уже тихо, иногда даже сквозь зубы, с горечью. И все о том же, что уже известно Бахареву. Он с нетерпением ждал последней страницы этой тяжкой повести — скажет ли всю правду? И мысленно подстегивал ее: «Ну, говори же... Говори. Уже все испытания позади... Мама работает... Ты учишься... А что было потом?..» И — может быть, это ему только показалось — Бахареву стало как-то не по себе, когда Марина обронила: «Вот и вся моя исповедь». Он надеялся, что с ним она будет искренней до конца, что от него у нее не будет тайн... Странно все это. В чем тут дело — забывчивость или еще что-то?..

А Марина продолжала:

— Прошло уже много лет, а мне и сейчас стыдно смотреть в глаза людям, знавшим нашу семью, когда он был с нами...— Она так и сказала об отце: «он».— Но я отвлеклась от главного. Впрочем, трудно сказать, что тут главное — отец или студент? А со студентом вот как было...

И Марина поведала столь же горестную, сколь и тривиальную историю. Они познакомились на танцах. Была любовь. Были цветы. Пылкие объяснения. Ресторан. Театры. Ее «ввели» в дом. Она с детских лет прекрасно знала немецкий и несколько хуже английский. И Вадим и его отец искренне верили в талант молодой переводчицы, блиставшей в обществе гостей этого дома не только знанием языков, но и немецкой литературы, искусства. Она говорила о Цвингере, о сокровищах Дрезденской галереи так, будто всю жизнь провела там в качестве экскурсовода, и так же легко, на память, как хрестоматийные строфы Пушкина, цитировала дневники Гёте о заслугах архитектора Георга Бера, творца купола знаменитой Фрауэнкирхе. Вадим принадлежал к числу тех, для которых все эти обстоятельства играли немаловажную роль. Он недвусмысленно намекал девушке о своих далеко идущих намерениях. Просил Марину познакомить его с ее родителями. Но она тут же сочинила легенду об отце, погибшем на войне, о матери, вышедшей замуж за генерала и живущей на Колыме, где служит отчим. Кроме старухи тетки, опекавшей ее, у нее никого не было.

Вадим оказался мальчиком весьма настойчивым и однажды поздним летним вечером повел подругу в укромный, заранее облюбованный им уголок ближайшего парка «местного значения». Он честно признался, что есть там скамейка, где... Вадим не успел закончить своего циничного признания, как тут же схлопотал звонкую пощечину. Молодой человек не растерялся, попытался все повернуть на шутливый лад: «Нас не поняли». Потом извинялся, целовал ручки, клялся, лепетал какие-то пошлости. Марина сказала: «Мой девиз: все или ничего». Роман, однако, продолжался. Марина строго хранила свою тайну: она переводчица. Но однажды в доме Вадима девушка лицом к лицу столкнулась с женщиной, ребенок которой ходит в детский садик, где она работала няней. Тайное стало явным. Марина призналась во всем. Рассказала и про мать и про отца. Вадим шарахнулся от нее, словно от прокаженной.

— Вот тебе, Колюня, и конец всей истории моей первой любви.

— А второй не было?

— Сейчас мне еще трудно ответить.

Бахарев отметил, что сказано было это многозначительно, с дрожью в голосе и с вызовом, обращенным к нему. И он принял этот вызов:

— Теперь, кажется, моя очередь исповедоваться? Удивительное совпадение — я ведь тоже был отвергнут. Причина, правда, несколько иная. У меня действительно родители погибли во время войны — оба были на фронте. Меня воспитывала бабушка. А потом я убежал от нее и попал в дурную компанию. Поймали. Хотели отправить в колонию. Но при обыске бригадмилец изъял из моего кармана тетрадку со стихами. Листает тетрадку и спрашивает:

— Чьи?

— Мои.

— Давно ли, малый, стихами балуешься?

— Не балуюсь, а пишу. Про красивую жизнь...

— Пишешь про красивую жизнь, а сам...

— Так то же стихи... А ведь надо и жевать что-нибудь... Слово за слово, и бригадмилец предложил лейтенанту милиции оставить парня на его попечение: «Я в газете работаю... Попробую, может, из парня толк выйдет».

Посмеялись, пошутили, а утром привели меня в редакцию газеты. Показали мои стихи поэту. Тот прочел, поморщился и сказал: «Стихи дрянь, но у парня, кажется, есть искра божья». Определили меня в типографию учеником линотиписта. Долго отливал я в свинцовые строки чужие стихи, пока не пришел праздник и на мою улицу: собственноручно набирал я свои вирши. Ту газету, где напечатали их, храню до сих пор...

Бахарев рассказывал, как всегда, с юморком. Была и любовь, принесшая ему много обид и разочарований. И была та же тривиальная ситуация — что поделаешь, неизобретательны они, товарищи влюбленные. Выдавая себя за бывалого журналиста, поэта, он забыл, что город небольшой, здесь все и всё друг про друга знают. Когда любимой девушке, охотившейся за знатным и богатым мужем, стало известно, что он всего-навсего ученик линотиписта да еще с сомнительным прошлым, она тут же отвернулась от него.

— Потом сожалела... Судьба — индейка. Я, можно сказать, в нашем городе в первой пятерке очеркистов оказался. В Москву вызывали... Стихи мои стали печатать. А поначалу мы с тобой на равных были. Но я не горевал. А ты, Марина?

— Я любила его... Потом обозлилась на всех. За что?.. Пока мама не вернулась, пока всю правду не установили... Пока ей орден не дали... Тот, к которому еще на войне представили...

— А сейчас тоже злишься?

— Бывает... Когда вспомню... Или начнет кто-нибудь рану бередить. Ольга иногда меня допытывать начинает: почему я так поздно учиться пошла? Что ей сказать... Отбрехиваюсь.

Разговор зашел об Ольге.

— Артистка. Неискренняя... Не люблю таких... На лице любезность, добрая улыбка. А на душе...

— Почему же ты дружишь с ней?

— Тянется она к нашему дому. И мамина подруга просит — приголубьте! Вот и голубим. А она фальшивая. К ней муж приезжал, и я случайно услышала их разговор. Все наше советское им явно не по душе. Я поспешила подать голос, а они оба растерялись, смутились, покраснели, что-то лепетали... А потом Ольга вдруг ни с того ни с сего стала рассказывать, как это здорово, что у нас бесплатно лечат... Хотела я ее тогда, что называется, отхлестать, да раздумала... Неудобно... Может, раздражена чем-то была или обидел кто-нибудь... А в институте о ней говорят: душа общества, друг советской молодежи. Поди разберись...

Так, разговаривая о том о сем, они дошли до Марининого дома. Было уже далеко за полночь, и обеспокоенная Анна Михайловна поджидала дочь у подъезда.

— Полуночники. Разве так можно?.. Позвонили бы... Кстати, тебя, Мариночка, весь вечер по телефону спрашивал кто-то. И в одиннадцать звонил. Извинился, говорит, очень ты ему нужна.

— Кто?

— Интересовалась — не назвался.

— Странно... Завтра позвонит... Кто ищет, тот найдет... Да, Коля, не забудь, завтра у Ольги в институте вечер. Вся наша компания собирается. Придешь?

— Обязательно.

3

Студенческий джаз играл нечто такое, что в одинаковой мере устраивало любителей твиста и танго. Бахарев подошел к Марине, галантно раскланялся: «Разрешите пригласить?» И увел ее подальше от буйных молодых парней и девушек, самозабвенно работавших ногами и руками. Марина, тряхнув золотистыми волосами, заметила:

— Ты хорошо танцуешь твист.

И, словно ободренный похвалой, Бахарев тут же задал такой темп, что у Марины заколотилось сердце. С твиста переключились на рок-н-ролл, вызвав одобрительные возгласы всей их компании.

После танца, взяв Марину под руку, он повел ее к Ольге — она стояла у двери в окружении о чем-то спорящих юношей и девушек. Разговор шел о популярном в ту пору романе. Точки зрения были крайние: одни утверждали, что это «пасквиль на советскую действительность», другие — «писатель смело показал жизнь молодежи такой, какая она есть».

Марина тут же ринулась в спор. Говорила резко, насмешливо. Незаметно она перешагнула за рамки романа:

— В нас разожгли аппетит к правде. Это хорошо... Но эту правду нам хотят выдавать блокадным пайком.

Ее тут же поддержала хрупкая миловидная блондиночка, однокурсница Ольги, их общая подруга, которую все тут называли не иначе, как «наша Риточка». Она почему-то обрушилась на комсорга, Виктора:

— Каждый считает себя обязанным воспитывать нас... И ты тоже... Это читайте — это не читайте; этот поэт бяка, а этот — гений; учат, какие смотреть фильмы, какие носить юбки, прически, какие танцевать танцы.

— Наша Риточка запела с чужого голоса.— И Виктор насмешливо посмотрел на нее.— Это о ней сказано: страшны не ультрамини-юбки, а ультрамини-мысли.

В ответ раздался истерический вопль:

— Вы слышали? Вы слышали? Стоит только сказать правду, всю целиком, как сразу же клеят ярлык: «С чужого голоса!..» Сразу же тебя подозревают в чем-то.

— Обожаемая Риточка,— все в том же ироническом тоне продолжал Виктор.— На кафедре психиатрии тебя будут на руках носить. Будут показывать студентам и говорить: «Полюбуйтесь. Классическая форма истерии, осложненная психогенным неврозом». И профессор, глядя на Риточку, воскликнет: «Друзья. Не забывайте, что еще в семнадцатом веке Сиденгам говорил: «Истерия подражает всем болезням!». В том числе и обостренной мнительности. Посмотрите на эту девушку!..»

Страсти накалились. В спор снова вступила Марина. И, конечно же, на стороне «нашей Риточки».

Бахарев как-то ловко, никого не обидев, примирил спорщиков, чем сразу снискал расположение всей женской части компании. Ольга тоже поддержала Бахарева: «Ох, уж эти горячие головы» — и неожиданно предложила:

— Друзья, предлагаю всем поехать к нам в общежитие. У Герты такие пластинки...— И она со смаком поцеловала кончики пальцев.

Герта что-то шепнула подруге на ухо и выразительно посмотрела на ребят, стоявших в стороне. Бахарев перехватил взгляд Герты и понял: мальчики ждут своих девушек. Он уже был посвящен в историю интимных отношений Ольги и Герты с двумя студентами из МВТУ — Игорем и Владиком. «Я не уверена в том, что

Ольга любит Владика,— рассказывала Марина.— А вот что касается его, то он, кажется, совсем потерял голову...»

Ольге пришлось быстро перестраиваться.

— Я буду просить прощения у дорогих друзей. Сегодня ничего не получается. Перенесем на следующую субботу... Завтра уезжает домой мой родственник. Нужно успеть купить кофе и бутылочку армянского коньяка. Маленький сувенир мужу.

— Ваш супруг — большой любитель этого нектара,— вступил в разговор рыжеволосый парень в бархатной куртке.

— Я и не знала, что вы такой знаток вкусов Германа.

— Приятное воспоминание о чудесно проведенном дне.

— Какой день вы имеете в виду?

— Воскресный... Когда вы с мужем приезжали к нам домой... Нижайший поклон Герману. Кстати, он просил у меня путеводитель по Бородино. Все забываю передать вам. Завтра принесу в институт.

— Спасибо, дорогой Жорик. Герман будет весьма признателен. Нам тогда все очень понравилось. Очаровательные места. Бородино... Голоса истории. Ну и, конечно, нектар...

— Пять звездочек. Божественный букет...

Слегка захмелевший Жорик — Олин однокурсник и поклонник — все продолжал вспоминать про тот воскресный день, когда Оля и Герман приезжали к нему в гости под Можайск. И, вероятно, юноша говорил бы еще долго, если бы его несколько резковато не прервала Ольга:

— Жорик!.. Довольно... Это все плюсквамперфектум. И никому не интересно... Многословие не украшает мужчин... К тому же еще пьяненьких.

И она несколько демонстративно направилась к щегольски одетому Владику — он стоял в стороне от всей компании. Оля недолго пошепталась с ним и снова вернулась к Марине.

— Мы собираемся домой. Вы с нами или остаетесь?

— Кто это «мы» и кто это «вы»?

— Мы — это Владик, его товарищ, Герта и я. Вы... Я имею в виду тебя и...

Она обернулась в сторону Николая.

Бахарев с любопытством наблюдал за спором подруг. Что будет дальше, на чем порешат?

— Коля, ты решай.

— Как прикажет моя повелительница. Ее слово — для меня закон. Французы утверждают: чего хочет женщина, того хочет бог.— И, улыбнувшись, церемонно поклонился Марине.

— Повелительнице угодно покинуть этот дворец.— И она жеманно подала ему руку.

Шли молча. Разговор не клеился. Николай попытался было восстановить дружескую атмосферу, стал рассказывать какую-то забавную историю, потом начал читать стихи. Но никто не поддержал его. Атмосфера какой-то напряженности, неловкости воцарилась в этой обычно веселой компании. И тогда Николай предпринял последнюю попытку.

— Хватит! Игра в молчанки отменяется...

— Мы слушаем вас,— откликнулась Ольга.— Вы хотите что-нибудь предложить?

— Да. Ваш покорный слуга сегодня гарун-аль-рашид. Он получил аванс за сборник стихов и приглашает всю честную компанию в «Метрополь». Там преотличнейший джаз. Так по крайней мере утверждает мой друг...

И он назвал имя популярного поэта, сразу же вызвав почтительное внимание студентов из МВТУ.

— Полагаю, что мой друг в подобных вещах разбирается. Итак, объявляю референдум: кто за?

Ольга демонстративно скрестила руки на груди, как бы сказав мальчикам: «Делай, как я». И они тут же приняли ее команду: отказались от ресторана. Только Марина подняла руку: «Я — за!»

Бахарев терялся в догадках: откуда Ольгин афронт? И против кого — против меня или Марины?

4

...В десять часов вечера заполучить столик в «Метрополе» — это почти подвиг. Вначале Марина решила, что Бахареву повезло. Оставив ее на несколько минут в вестибюле, он сумел договориться с метрдотелем. Но оказалось, что тут дело не в «везении».

— Я не могу сказать, что мы хорошо знакомы с ним. Но раза два метрдотель видел меня в компании моего друга. Для него это достаточно. Сейчас нам поставили дополнительный столик.

— О, какой ты важный, Коля!.. Видимо, вашего брата с Парнаса уважают здесь...

Бахарев усмехнулся.

— Люди гибнут за металл, дорогая моя...— И Николай, нарочито выставив вперед грудь, зашагал, взяв под руку Марину.

Она была в прекрасном настроении. Смутный полусвет. Звонящие удары джаза. Танцы. Снующие меж столиков официанты с их заученными движениями и улыбками. Ресторанный гомон. А главное — рядом с ней он, Николай, человек, который вдруг, непонятно почему, стал ей так близок и дорог. Они не пропустили, кажется, ни одного танца. Бахарев танцевал легко, непринужденно. За столом он, к месту и в pendant настроению, прочел светловское четверостишие:

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта,—
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты...

Марина благодарно посмотрела на Бахарева, и они многозначительно чокнулись бокалами. Потом она без удержу болтала, злословила в адрес Ольги, рассказывала о Владике, который,

находясь на практике в Севастополе, ежедневно присылал Ольге длиннющие письма до востребования, а вернувшись из Севастополя, с вокзала заехал сразу не домой, а к ней, в общежитие. Это было буквально через неделю после того, как из Москвы уехал муж Ольги. О нем, о Германе, она почти ничего не знает. Кажется, причастен или хочет быть причастным к журналистике. Ольга рассказывала, что муж ее пишет какую-то монографию, а может быть, роман, посвященный спартаковцам двадцатых годов. И даже консультировался в Москве, в Институте марксизма-ленинизма. Но его очень интересует и война двенадцатого года, Бородино. Они ездили туда...

— Я хотела вместе с ними, но Ольга... Странно... Владик, Герман — и ревность... Герман был ко мне внимателен несколько больше, чем полагается в таких случаях.

— Кстати, почему она такая ершистая сегодня?

— Мне кажется, что Ольга чем-то уязвлена.

— Чем?

— Из двух подруг один литератор отдал предпочтение не ей...

Бахарев весело рассмеялся.

— Глупости, Марина... Ты фантазируешь... Мне даже неловко.

— А мне очень приятно. Она задавака. Пусть не воображает себя королевой.

— Это же твоя подруга, почему ты так о ней?..

— Я злючка. Я тебе говорила уже об этом. Даже близкой подруге не верю...

— Нельзя так, людям надо верить.

— Чепуха!.. Это из публичной лекции о моральном кодексе...

И сразу умолкла, сникла, тут же начав ожесточенно расправляться с котлетой по-киевски.

К их столику подошел высокий, лощеный, сухопарый мужчина в черном, с иголочки, костюме, с черной холеной бородкой. Слегка склонив голову, он обратился к Николаю:

— Разрешите пригласить вашу даму?

Сказано было глуховатым, но приятным, бархатным голосом, в котором едва угадывался иностранный акцент. Бахарев приметил этого человека еще тогда, когда минут двадцать назад тот заглянул в зал. Судя по тому, как к гостю сразу же бросился метрдотель, Бахарев догадался, что иностранец — турист. Его незамедлительно провели к столику.

Бахарев раза два-три, оглядывая шумный зал, на долю секунды задерживался на фигуре иностранца. И он перехватывал взгляд гостя, устремленный к Марине.

— Пожалуйста,— любезно ответил Николай.

И тут произошло такое, что повергло гостя в полное замешательство. Марина горделиво вскинула головку и вдруг резко, всем корпусом повернулась в сторону Николая. Не глядя на склонившегося перед ней иностранца, она растерянно пролепетала:

— Простите, у меня болит голова... Я хочу пропустить этот танец... Извините...

— Я очень огорчен, фрейлейн.— Видимо, он не сразу решил, как ему следует обратиться к Марине: фрау или фрейлейн.— Хочу надеяться, что к следующему танцу вы будете себя прекрасно чувствовать... Я буду просить разрешения резервировать ваше согласие,— обратился он к Николаю. Иностранец говорил по-русски достаточно бойко.

— Да, конечно... Мне неприятно, но что делать,— мило улыбнулся Бахарев.

Гость тоже ответил улыбкой, но подчеркнуто иронической.

— Хочу надеяться, что отказ вашей очаровательной дамы никак не связан с моим иностранным происхождением.

— Нет... Что вы, что вы... Как чувствуешь себя, Марина? Пообещаем гостю следующий танец?

Марина не ответила, но, крепко стиснув ладонями виски, все объяснила без слов: болит голова.

Иностранец учтиво раскланялся и направился к своему столу.

Бахарев недоумевал: в чем дело? Действительно ли у Марины болит голова, или тут другая причина? Однако на раздумья времени не оставалось. Тем более, что Марина решительно предложила, не дожидаясь кофе и мороженого, ехать домой. Они уже собрались было уходить, как подскочил официант, заверив, что все будет подано, как он выразился, «сей момент». Однако Марина продолжала капризно твердить свое: «Не хочу кофе, хочу домой...» Бахарев попытался перейти на шутливый тон:

— Ох, Марина, чует мое сердце — дело кончится дипломатическими осложнениями... Этот долговязый может черт знает что подумать и черт знает что сотворить. Я же в прошлом газетчик и знаю их брата: «Русская девушка боится танцевать с иностранцем» — неплохая шапка для буржуазной газетенки. Что, а? Нет, уж прошу тебя...

Между тем принесли кофе с мороженым. Загремел оркестр. Иностранец в тот же миг появился у их столика и склонился над Мариной.

— Прошу вас...

Деваться было некуда. Право, не отказывать же во второй раз. Она пошла танцевать с гостем.

Бахарев пригласил даму с соседнего стола, что позволило ему понаблюдать за бородатым иностранцем, а в какой-то момент он даже оказался почти рядом с ним.

Что случилось с Мариной? Побледнела, плотно, зло сжала губы. Гость непрестанно что-то торопливо нашептывает ей, а на лице девушки то испуг, то гнев. Гремит музыка, гудит зал, и иностранец, видимо, вынужден говорить громче. И тогда Бахареву — он чуть ли не столкнулся с Мариной — удалось уловить несколько слов: «Папа весьма сожалеет... Он просил...»

И все. Чей папа? О чем сожалеет? О чем просит?

Танец кончился. Иностранец проводил Марину к столу, поцеловал ручку, раскланялся с ней, с Николаем. Процедил «благодарю вас...» и твердым шагом промаршировал в угол зала.

Марина не проронила ни слова и рассеянно перекладывала с места на место вилку, ножик, салфетку...

— Как чувствуешь себя? Голова все еще болит?

— Спасибо... Мне лучше, но...

В это мгновение она перехватила мимолетный взгляд Бахарева, разглядывавшего ее левую руку. Марина смутилась, сунула руку под стол и растерянно пробормотала что-то невнятное. Она просит прощения, ей надо удалиться на несколько минут...

— Господи, Марина... Мы же друзья. Прошу без всяких цирлих-манирлих. Кстати, я тоже выйду — хочу позвонить другу, предупредить, что завтра буду у него попозже...

Когда они вышли из ресторана на улицу, ее знобило. Бахарев спросил: «Что с тобой?» Она ответила: «Вероятно, простудилась». И всю дорогу молчала, отвечая на вопросы лаконично: «да», «нет», «кажется», «вероятно».

Проводив Марину до дома, Бахарев из автомата позвонил дежурному по управлению. Хотел перепроверить: поняли его, когда он звонил из ресторана?

— Да, все понято, меры приняли.

Продолжение следует.

Г. Я. КОЛТУНОВУ — 60 ЛЕТ

Далеко не всегда в памяти зрителей остается имя кинодраматурга. Но если спросить тех, кто видел и, конечно, хорошо запомнил замечательные картины «Сорок первый», «Максимка», «Месть», «Гадюка» и многие другие, то сразу же с благодарностью они назовут имя художника, давшего экранную жизнь произведениям Лавренева и Станюковича, Чехова и Алексея Толстого... Григорий Яковлевич Колтунов, пожалуй, один из самых «одержимых» киноэкранизаторов, обладающих особой способностью не только читать книги глазами кино, но и перелагать их на «язык кино».

За сорок лет творческой деятельности из-под пера Колтунова вышло более пятидесяти сценариев. И уже названные и многие другие работы сценариста, по которым ставились фильмы почти на всех киностудиях нашей страны, неизменно получают заслуженное признание. Режиссеры — и те, кто только начинает работать с литературным материалом Г. Я. Колтунова, и те, кто работал с ним,— а это М. Калатозов и Г. Чухрай, И. Поплавская и В. Браун,— всегда находят в его сценариях драгоценные кинематографические «зерна», без каких не бывает фильма, особенно если речь идет об экранизации.

Кинематографическая общественность отмечает шестидесятилетие Г. Я. Колтунова. Юбиляр полон новых планов и замыслов. На киностудии «Таджикфильм» режиссер Б. Кимягаров снимает «Подвиг Рустама» и «Рустам и Сохраб». Обе ленты составят единое полотно. Сценарий фильмов создан Колтуновым по мотивам поэмы Фирдоуси «Шахнаме»... На Киевской студии имени Довженко начата работа над фильмом «Аввакум Захов против 07». Это совместная работа болгарских и украинских кинематографистов. Инсценировка повести А. Гуляшки тоже принадлежит Г. Я. Колтунову.

Пожелаем же юбиляру доброго здоровья, счастья и многих новых хороших сценариев и фильмов!

Генеральный директор киностудии «Мосфильм»
В. СУРИН

ПРЕКРАСНОЕ — НАРОДУ

Любите ли вы искусство, умеете ли понимать его? Знаете ли о воспитательной и познавательной роли искусства?..

Все эти вопросы настойчиво, с большой заинтересованностью обращены к каждому, кто начнет читать недавно вышедшую книгу профессора, доктора наук В. А. Разумного «Эстетическое воспитание. Сущность. Формы. Методы».

Насущные, злободневные — в лучшем смысле слова — проблемы эстетического воспитания предстают на страницах книги не только как система идейно-творческих взглядов автора. Одновременно В. А. Разумный рассматривает эти проблемы как комплекс планомерных практических мероприятий, предлагая вниманию читателя живые примеры, ссылаясь на плодотворную народную инициативу в деле эстетического воспитания масс. Автор подчеркивает, что «именно народная инициатива помогает находить новые возможности и способы эстетического воспитания во всех сферах жизнедеятельности советского человека — от производства до организованного досуга».

Общественный интерес к вопросам эстетики в нашей стране буквально неохватен. Народные университеты культуры, пропагандирующие советское искусство для сотен тысяч слушателей, ставящие живые вопросы эстетики, включая эстетику быта и поведения, перед молодежью; работа с юношеством в школах, клубах, кинотеатрах — все эти и многие другие формы работы, горячо подхватываемой энтузиастами эстетического воспитания по всей стране, подтверждают поистине всенародный его характер. И однако В. Разумный справедливо зовет своих читателей не закрывать глаза «на то обстоятельство, что во многом мы далеки пока от идеала — от создания завершенной государственной системы эстетического воспитания».

Просчеты в звеньях ныне существующей системы воспитания гармонического, эстетически развитого человека дают себя знать прежде всего в сфере просвещения. Об этом с чувством тревоги сообщает нам рецензируемая книга.

Как раз со школьного возраста надо начинать действенную борьбу с несовершенным художественным вкусом, отучать подростка от пошлых мелодрам и развлекательных фильмов, прививая любовь к настоящей красоте, к истинно высокому искусству.

Книга В. Разумного читается с большим интересом: автор выступает как знаток вопроса и как борец за дальнейший рост и процветание советской культуры, советского искусства, столь необходимых обществу, строящему коммунизм.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

В. Разумный. Эстетическое воспитание. Издательство «Мысль», 1969.

ОН ИСТИНУ ИСКАЛ

К 225-летию со дня рождения Ивана Хемницера

Есть в истории русской словесности имена довольно тихие, довольно скромные. И вспоминают их нечасто, и сами они как бы прячутся в тени великих имен. Но заслуги их перед отечеством и литературой не обесцениваются, не тускнеют. И потому сегодня мы счастливы помянуть искренним, сердечным словом творца русской басни Ивана Ивановича Хемницера, открывшего широкую дорогу преемнику своему Крылову.

Белинский, не склонный к похвалам писателей екатерининского времени, назвал Хемницера «первым баснописцем русским».

Надо сказать, что на русской почве басня привилась и имела успех не случайно. С незапамятных времен ходили в народе побасенки и притчи, душа тянулась к острому слову, меткому выражению и сравнению. Еще Сумароков использовал в своих произведениях народные интонации, простонародную речь, пословицы, поговорки — краски национальной поэзии. Но если Сумароков не выходил за рамки классицизма, относил басню к «низкому штилю», то Хемницер расковал этот жанр, дал ему свободу, стал на путь почти реалистический. Это удачно подметили его друзья:

В природе, в простоте он истину искал:
Как видел, так ее списал.

И действительно, в его баснях, таких, как «Лестница», «Черви», «Дионисий и министр его», «Слепцы» и другие, мы найдем прямые отголоски современной ему жизни. Дидактический, нравоучительный элемент занимает в его творчестве одно из ведущих мест. Будучи современником Дидро, Вольтера, Руссо, Хемницер не мог не испытать благотворного влияния «просветительства». Темы, поднимаемые Хемницером, в основном общего морального свойства: печальная судьба ума и бедности, пышное, разгульное житье глупости, невежество в верхах, гонение науки. Вот, например, «Земля хромоногих и картавых».

Не помню, где-то я читал,
Что в старину была землица небольшая,
И мода там была такая,
Которой каждый подражал,
Что не было ни человека,
Который бы, по обычаю века,
Прихрамывая не ходил
И не картавя говорил;
А это все тогда искусством называлось
И красотой считалось...

Разве не видим мы здесь чего-то нам знакомого? И разве не удивимся, что написано это двести лет назад?

Традиция басенного жанра позволяет брать сюжеты, уже бытовавшие в творчестве прежних писателей: Эзопа, Федра, Лафонтена. Хемницеру ближе всего был нравоучительный немец Геллерт. Но он не переводит, а самостоятельно перерабатывает и трактует его сюжеты, проявляя большую самобытность. Нам хочется привести и оригинальное, на наш взгляд, одно из лучших творений Хемницера — басню «Друзья».

Давно я знал, и вновь опять я научился,
Чтоб другом никого, не испытав, не звать.
Случилось мужику чрез лед переезжать,
И воз его сквозь лед, к несчастью, провалился.
Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону! ой! помогите!..»
— «Робята, что же вы стоите?
Поможемте»,— один другому говорил,
Кто вместе с мужиком в одном обозе был.
«Поможем», — каждый подтвердил.
Но к возу между тем никто не подходил.
А должно знать, что все одной деревни были,
Друзьями меж собою слыли,
Не раз за братское здоровье вместе пили;
А сверх того между собой,
Для утверждения их дружбы круговой,
Крестами даже поменялись.
Друг друга братом всяк зовет,
А братний воз ко дну идет.
По счастью мужика, сторонние сбежались
И вытащили воз на лед.

Вряд ли, мы думаем, нужны к этой басне комментарии, лишние слова. Всякому из нас она понятна, как говорится, бьет не в бровь, а в глаз.

Как ни значительно басенное наследие Хемницера, нельзя не упомянуть его сатир, эпиграмм, шуточных эпитафий. Конечно, здесь не найдем мы великих открытий, но на всем этом лежит печать простодушия, нехитрого, но тонкого ума и благородного сердца.

Многие стихи басен Хемницера вошли в наш язык, сделались пословицами, крылатыми выражениями. Хемницер горячо и искренне любил отечество. Подтверждение этому — письма друзьям с чужбины, вся жизнь и, конечно, все творчество поэта.

И ты, читатель, улучи час-другой, отыщи томик хемницеровских басен... И, нам думается, не пожалеешь, прочитав их, потому что простота, естественность и то самое «милое простодушие», такое редкое в наше время, покорит и захватит тебя.

Бор. ПРИМЕРОВ

Наталия ИВАСЕНКО

Я ПИШУ ПРАБ

— Ты так и не написала письмо?— спросил меня папа.

— Нет еще...

— Ну как же так? Ведь я просил тебя уже давно... Прабабушка старенькая и добрая...

— Она любит тебя,— сказала мама.

— Но ведь она меня никогда не видела,— сказала я.

— Ну и что ж, что не видела? В прошлом году мы к ней ездили— фотографии твои показывали,— сказал папа.

— Да. И много о тебе рассказывали,— добавила мама.

— Для того, чтобы любить, не обязательно видеть. Ты ей родная — вот что главное,— сказал папа.

— А почему вы меня с собой не взяли? — спросила я.

— Ну, доченька, куда же тебя брать? Ты знаешь, как она далеко живет? Надо четыре дня к ней ехать...

— А почему же она к нам не едет?

— Ей тоже трудно, ведь семьдесят лет... Это очень много.

— Значит, она живет там одна? Бедная...

— Да нет, она вовсе не бедная. И живет она не одна. Она живет с дочкой — уже взрослой тетей, и у нее там есть внучки,— уже раздраженно объяснила мне мама.

— У нее там есть даже правнучка, такая же, как ты,— заулыбался от воспоминаний папа.

— Такая же, как я? — спросила я.

— О господи! Да не такая, чуть поменьше... И вообще, что вы пришли на кухню? Только мешаете! Как будто своих дел нет. Марш по местам! — скомандовала мама.

— Ирочка, ты больше не откладывай, сядь и напиши,— попросил папа.

О МОЛОДОСТИ И ЛЮБВИ

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

МЛАДШИМ

Воротник нараспах,
космы за ухом,
молоко на губах,
тронутых пухом.
Не берусь я таким
слыть за папашу,—
мне бы впасть, старики,
в молодость вашу!
Мне бы вновь на снегу,
убранном в иней,
начертать на снегу
тайное имя.
Без лыжни в синий дым
кануть в овраге,—
я хочу быть своим
вашей отваге!
Воздух гроз молодых
в их грохотанье
пить взахлеб и взадых
полной гортанью.
Колокольностью чувств
высясь над бытом,
я по вашим хочу
мчаться орбитам!
Чтобы — спор, чтобы — скоп,
чтоб — идей ворох,
поиск истины чтоб
не коснел в шорах.
Пробираться сквозь бредь
к первоосновам,—
я бы с вами мудреть
вызвался снова!
Вам не в бровь бы, а в глаз
стал бы я брякать,
чуть бы вспенилась в вас
праздная слякоть.
Примеряться к словам —

Рассказ

ПИСЬМО
АБУШКЕ

— Хорошо.

Я пошла в комнату и села за стол. С чего же начать письмо?

— Папа, а что писать?

— Ну как что писать?— крикнул из другой комнаты папа. Он чертил свои чертежи.— Сперва напиши: здравствуй, дорогая бабушка!

— Нет, пусть лучше напишет: здравствуй, дорогая бабулечка! Так будет нежнее!— крикнула из кухни мама.

— Ну, хорошо,— согласился за стенкой папа.— Напиши: здравствуй, дорогая бабулечка! Потом...

— Сейчас. Я запишу, а то забуду,— сказала я.

Я записала первую фразу и стала думать, что же написать дальше.

— Папа, а что дальше?

— Дальше?.. Ну, напиши, как ты учишься, какие книги читаешь.

— Нет, это неинтересно! — опять крикнула из кухни мама.— Пусть лучше напишет, как мы вчера провели воскресенье, где были, что видели...

— Можно и так,— согласился папа.

— Папа, а как звали того художника?

— Какого художника?

— Ну, того, чьи картины мы видели? Я забыла...

— А! Это Матисс. Известный французский художник Матисс!— торопливо крикнула из кухни мама.

Я продолжала письмо дальше: «Вчера мы были в Эрмитаже на выставке Матисса».

— Папа, а что дальше?

Папа подошел ко мне и прочитал мое письмо.

— Боже мой! Ну зачем ты написала о Матиссе! Прабабушка старенькая, не знает она никакого Матисса. Зачеркни эту фразу. Напиши о том, как ты учишься, что ты читаешь...

— Но мама сказала, что это неинтересно...

— Если маме это неинтересно...

— Как ты можешь так говорить?— с возмущением крикнула мама.— Кто с ней занимается? Только я, одна я занимаюсь! Вот уже второй год. Хоть бы раз ты сделал с ней уроки!

— Не преувеличивай, пожалуйста,— спокойно ответил ей папа.— В прошлом году я несколько раз проверил у нее задание. А этот год только начался. Я просто не успел!

— Я почему-то успеваю! — не могла успокоиться мама.

— Какую ты книгу сейчас читаешь? — спросил меня папа.

— Вот, ты даже не знаешь, какую ребенок читает книгу! — крикнула из кухни мама.

— «Чук и Гек»,— ответила я.

— Вот и напиши об этом,— посоветовал мне папа.

— Ира, а ты запомнила, кто написал эту книгу?

— Нет,— ответила я.

— Вот видишь! Я прошу тебя — всегда запоминай автора книги. «Чук и Гек» написал Гайдар... Запомнила? Гайдар!

— Запомнила.

— Но об этом прабабушке не пиши. Просто напиши название книги. Поняла? — спросил меня папа.

— А что, она Гайдара тоже не знает? — удивилась я.

— Уф! — сказал папа.— Я прошу тебя, не отвлекайся: пиши так, как я говорю.— И он пошел к своим чертежам.

Мама вошла в комнату и прочитала все, что я написала.

— Фу, как нехорошо получается! — сказала она.— Никакой связи.— Она перечитала вслух все написанное мною: «Здравствуй, дорогая бабулечка! Вчера мы были в Эрмитаже на выставке Матисса». Зачеркнуто. Так. «Я читаю «Чук и Гек». Ну какая связь — только что поздоровалась и сразу же — я читаю... На вот новый лист бумаги и начинай сначала. Сперва напиши, как мы живем, потом как ты учишься, а потом уже про книжку.— И мама ушла на кухню.

Я начала новое письмо: «Здравствуй, дорогая бабулечка!» А дальше опять не получалось.

Вошла мама и взглянула на часы:

— Боже мой! Уже пятнадцать минут первого! А ты еще не гуляешь!

— Вот сейчас допишет письмо и пойдет гулять,— через стенку сказал папа.

— Такая прекрасная погода — все дети во дворе! — сказала мама.

— Да нагуляется она еще,— через стенку успокаивал папа.

— Когда же она нагуляется? В час обедать. В два — в школу... А у нее и портфель еще не собран...

Я ждала, что мне скажут — продолжать письмо или нет.

— Пока мы тут разговариваем...— папа вошел в комнату,— пока мы тут разговариваем, она бы давно написала письмо.

— Ничего, допишет вечером,— сказала мама,— придет из школы и допишет.

— Да брось ты! Она так пишет уже целую неделю — по вечерам устает, утром уроки, и так целыми днями... Пиши! — приказал он мне.

— Это — безумие! Все дети во дворе. Посмотри, какая она бледная!

— Если сейчас — когда только сентябрь — ты говоришь, что она бледная, что ты скажешь в феврале? Все лето она была в деревне. Хватит, нагулялась!

— Нет, ты упрям, просто упрям!

— Еще неизвестно, кто из нас упрямее. Дело пяти минут — написать несколько строчек... И зачем ты заставила ее переписывать? Ведь хорошо же было!

— Ничего хорошего не было!

— Ну как же? — Папа прочитал:— «Здравствуй, дорогая бабулечка! Я читаю «Чук и Гек». Хорошо. Очень хорошо. Пиши дальше.

— Папа, а что писать дальше?

— О! Это невыносимо! — вскрикнула мама и, хлопнув дверью, вышла из комнаты.

Папа вздохнул и как-то устало сказал:

— Ну ладно, напиши про Матисса... И хватит.

— И не забудь написать в конце: целую крепко!— крикнула из кухни мама.

Я так и сделала. Письмо получилось такое: «Здравствуй, дорогая бабулечка! Я читаю «Чук и Гек». Вчера мы были в Эрмитаже на выставке Матисса. Целую тебя крепко. Ира».

Я уже выходила во двор гулять, когда услышала, как папа сказал маме:

— Я и сам не рад, поверь мне! Но что поделаешь: в прошлом письме я пообещал ей — жди письмеца от Ирочки...

— Ничего, мы в следующий раз сообразим иначе... Я подделаю почерк и напишу за нее сама. Так будет легче...

— Жаль, что в этот раз не догадались,— сказал папа.

вовсе не ересь,
если дарит их вам
свойская зрелость.
Вас Венера и Марс
видят сквозь годы:
в полный рост, без прикрас
мелочной моды.
Зеленеть вам и цвесть,
и в зенит вымчать
только с лучшим, что есть
в вас уже нынче!..

ПРОМЕТЕЙ В КИСЛОВОДСКЕ

Снова мир бесподобные краски обрел,
ими житель долин исцелен и излечен.
Но под вечер с Эльбруса слетает орел,
раздирает и рвет Прометееву печень.
Это миф. А в быту, где ни стал, там и стон:
это в кельях орел налетевший лютует.
И в модерной столовой на триста персон
чуть не каждое пятое место пустует.
У поевших — послушай — беседа пошла
о делах танцевальных, о твисте и липси
и о том, что купил статуэтку орла
массовик, поощренье придумавший в гипсе.
Что за люди! В компании сытых калек
и мечта про огонь Прометеев нелепа!..
Но выходит из тени колонн человек
и на белые лампы таращится слепо.
Это Витя-гвардеец. Он быт опроверг.
Он в огонь запрокинут лицом обожженным.
И смиряет судьбы его грохот и сверк
болтовню даже самых прожженных пижонов.
Он вступает в беседу. Ведет разговор.
Он и сам говорит о каком-то обеде.
Но ему с высоты откликается хор,
как бывает в любой из высоких трагедий.
Поразмыслить, так это не форма велит
говорить с инвалидом, навытяжку стоя:
просто мы понимаем, насколько велик
полный мир, что оплачен его слепотою...
В санатории нашем хороший народ,
хоть, бывает, пошлим и от скуки тупеем.
Здесь слепого гвардейца никто не зовет
богоборцем, воителем и Прометеем.
Но когда, под собою не чувствуя ног,
на зарядку спешим, как матросы по трапу,
у колонны внизу молодой паренек
перед Витей снимает ковбойскую шляпу.

В ЛУННОМ СВЕТЕ

Сколько трепета, сколько сверка!
Под навесом наплывшей тьмы
свет луны отражала церковь,
и в него попадали мы.
На крыльце, приглушенном тенью,
слова не было про любовь:
только глаз дорогих свеченье,
влажный блеск молодых зубов.
Я прислушивался несмело,
замирая и не дыша.
Тихо было. И только пела
очарованная душа.
Свет луны восходил по бревнам,
и последний нас страх томил
пред неведомым и огромным,
что назвать было свыше сил.
Перед самой последней гранью
вдруг заплакала ты, боясь,
что былое очарованье
в эту полночь покинет нас.
От свидетелей ночь укрыла,
две судьбы грудь на грудь свела.
Повенчала. И тихо было,
только били перепела...
И опять для влюбленных светит
новой полночи лунный рог,
под которым былой мой трепет
я от времени уберег.
Морем плыл, в поездах качался,
был я всюду лишь им богат,
и в душе моей не кончался
мой семнадцатый звездопад.

Воронеж.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

У рояля — концертмейстер театра «Ромэн» Наталия Дугина.

Цыганские народные песни исполняют Ирэна Морозова и Николай Сергиенко.

Сцена из дипломного спектакля «Девичий переполох» Ю. Милютина.

Поет Нина Нестерова.

Фото А. БОЧИНИНА.

Московский цыганский театр «Ромэн» недавно показал новый спектакль «Мужчины в воскресенье». Главную женскую роль в премьере исполняют актрисы Рада Волшанинова и Ирэна Морозова.

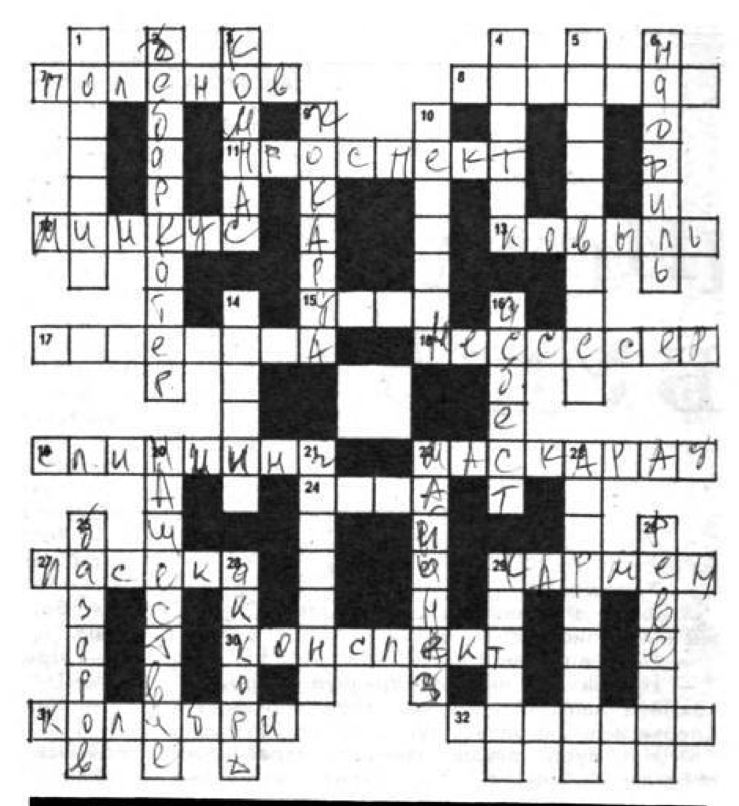
Мы знакомили наших читателей с творчеством Рады Волшаниновой, когда она побывала у нас на «Огоньке». А теперь к нам в гости приехали из цыганского театра Ирэна Морозова и Николай Сергиенко. Молодой артист в минувшем году начал свой первый театральный сезон, но уже успел сыграть две большие роли в спектаклях «Четыре жениха» и «Девчонка из табора».

На этот раз артисты выступили с концертным репертуаром. Песни и танцы Ирэны Морозовой шли под аккомпанемент пианистки Наталии Дугиной и гитару Николая Сергиенко.

Сразу после репетиции встретились с нами пятеро будущих артистов музыкальной комедии — выпускники Музыкального училища имени Гнесиных. У них сейчас самое горячее время: подготовка дипломных спектаклей. В нашем концерте они показали отрывки из оперетты Ю. Милютина «Девичий переполох»; в роли Мельника выступил Владимир Хрулев, в лирическом дуэте Ксении и Юрия заняты Любовь Петрикова и Иван Вертунов. Смешную, веселую сцену из второго акта оперетты исполнили Владимир Кучин, Светлана Симакина и Владимир Хрулев.

Специальное отделение концерта было посвящено советской песне и старинному русскому романсу в задушевном исполнении Нины Нестеровой. С особенным успехом она исполнила песню С. Колманянди на слова Михаила Котова «Где-то поют мальчишки». Это одна из новых работ популярной певицы.

Н. ЗЫБИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский живописец-передвижник. 8. Река в Красноярском крае. 11. Широкая городская улица. 12. Автор балета «Дон Кихот». 13. Степной злак. 15. Порт в Великобритании. 17. Раздел теоретической механики. 18. Футляр с туалетными принадлежностями. 19. Рыболовная снасть. 22. Драма М. Ю. Лермонтова. 24. Приток Камы. 27. Пчеловодное хозяйство. 29. Опера Ж. Бизе. 30. Краткое письменное изложение лекции, сочинения. 31. Маленькая птица. 32. Игра.

По вертикали: 1. Этюд для пения. 2. Плавучая пристань. 3. Прибор для ориентировки на местности. 4. Холодное оружие. 5. Курорт в Ставропольском крае. 6. Небольшой напильник. 9. Значок на форменном головном уборе. 10. Озеро в Швеции. 14. Химический элемент. 16. Огнестойкий минерал. 20. Пьеса Л. М. Леонова. 21. Самый большой остров в Балтийском море. 22. Соус-приправа. 23. Телескоп для фотографирования небесных светил. 25. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 26. Надпись на монетах, медалях. 28. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 29. Строфа из четырех строк.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 5. «Коновалов». 8. Аполлон. 9. Индекс. 11. Ариозо. 13. Линди. 16. Кипарис. 17. Картули. 18. Гандбол. 20. Россини. 24. Рубин. 25. Донецк. 27. Нарвал. 28. Апофема. 29. Филателия.

По вертикали: 1. Колас. 2. Полоний. 3. Баллада. 4. Тонна. 6. Звезда. 7. Эпитет. 10. «Наливайко». 12. Земляника. 14. Сироп. 15. Самош. 19. Доцент. 21. Сократ. 22. Чусовая. 23. Пиренеи. 26. Канно. 27. Надир.

На первой странице обложки: Самый дорогой гость на сельской ярмарке — герой устных народных рассказов Молла Насреддин — заслуженный артист Азербайджанской ССР Мамед Кулиев.

Фото К. Каспиева.

На последней странице обложки: На лыжной прогулке студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

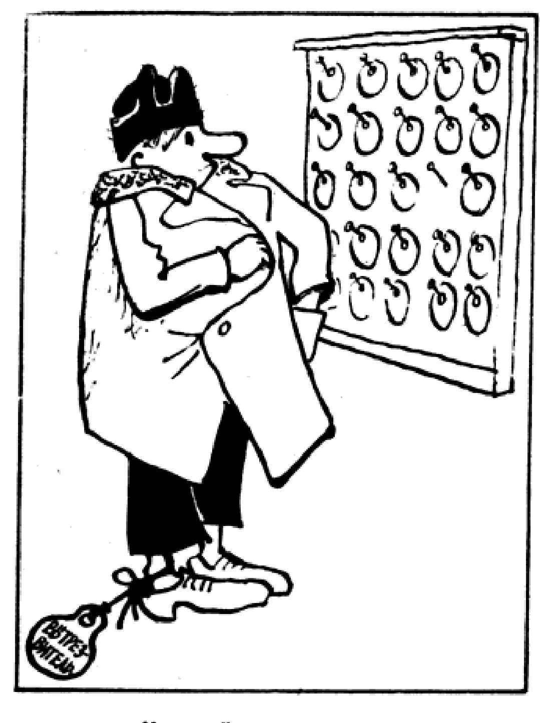
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

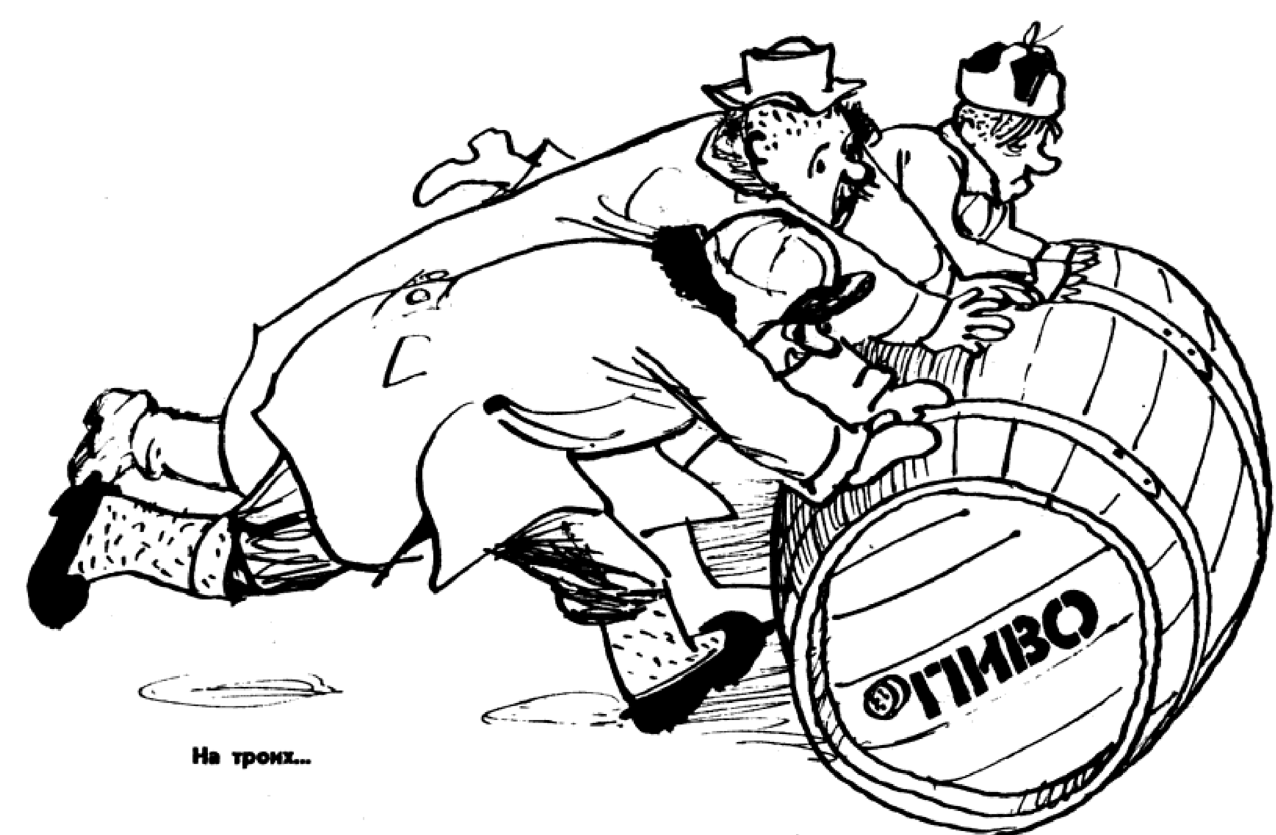
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/I-70 г. А 00315. Подп. к печ. 27/I-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 28. Тираж 1 970 000 экз. Заказ № 84.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Как сейчас помню, где-то у меня был номерок.

На троих...

— Почему от тебя пахнет тройным одеколоном!
— Ты же сама посылала меня в парикмахерскую.

Матрешкин секрет.

— Освежимся — и за работу...

— Пошел за пятой пол-литрой и как в воду канул.

— Ты первый.
— Нет, ты...

Рисунки Е. Горохова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.